

**ВОСПОМИНАНИЯ
НЕПОСРЕДСТВЕННЫХ
УЧАСТНИКОВ
И ОЧЕВИДЦЕВ
ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ
В АНГОЛЕ**

Устная история забытых войн

Москва
Memories
2009

УДК 93
ББК 63.3(6)

Редакторы-составители:
полковник, к.и.н. А.А. Токарев,
к.и.н. Г.В. Шубин

В77 Воспоминания непосредственных участников и очевидцев гражданской войны в Анголе. Устная история забытых войн. —
М.: «Memories», 2009. — 328 с. с илл.

В настоящем сборнике мемуаров приведены воспоминания полковника ГРУ в отставке Бориса Гавриловича Путилина о службе в Конго (Браззавиль) в 1975 г. и о службе в Анголе в 1975—1976 гг., полковника в отставке Владимира Анатольевича Варганова о службе в Анголе в 1976—1978 гг., генерал-майора Анатолия Николаевича Буренко о подготовке бойцов Африканского союза народа Зимбабве (ЗАПУ) в Анголе в 1977—1978 гг., капитана первого ранга в отставке Вячеслава Федоровича Ширяева о подготовке бойцов Африканского национального конгресса (АНК) на территории Анголы в 1979—1983 гг., полковника запаса Владимира Васильевича Костраченкова о службе в Анголе в качестве военного переводчика в 1976 и 1981 гг., подполковника запаса Данияля Ибрагимовича Гукова о службе в Анголе в 1983—1985 гг., подполковника запаса Анатолия Александровича Шкляренко о службе в Анголе в 1983—1986 гг., военного переводчика, старшего лейтенанта запаса Вячеслава Анатольевича Барабули о службе в Анголе в 1986—1988 гг., гражданского врача Людмилы Семеновны Адохинной о работе в Анголе в 1988—1989 гг., военного переводчика, капитана второго ранга Михаила Геннадьевича Маргелова о службе в Анголе в 1988—1990 гг. и гражданского российского летчика Андрея Александровича Романенко о работе на грузовых реактивных и турбовинтовых самолетах в Заире (Демократической Республике Конго) и Анголе в 1996—1997 и 2000—2002 годах.

Публикуемые в сборнике сведения о 27-летней гражданской войне в Анголе (1975—2002 гг.) малоизвестны не только широкой общественности, но и профессиональным военным историкам.

Данная книга является расширенным, исправленным, дополненным и переработанным изданием книги «ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКОВ И ОЧЕВИДЦЕВ ВОЙНЫ В АНГОЛЕ 1975—2002 гг.», вышедшей в 2008 г. в издательстве «Memories».

ISBN 978-5-903116-80-5

УДК 93

ББК 63.3(6)

© Институт Африки РАН, 2009.
© Военный университет
© Союз Ветеранов Анголы, 2009.
© Коллектив авторов, 2009.
© Токарев А.А., составление, 2009.
© Шубин Г.В., составление, 2009.
© Издательство Memories, 2009.

ISBN 978-5-903116-80-5

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	5
МЫ ОБЕСПЕЧИВАЛИ МПЛА ОРУЖИЕМ (<i>Б.Г. ПУТИЛИН, полковник ГРУ в отставке</i>).....	16
МЫ БЫЛИ ПЕРВЫМИ НА ЮГЕ АНГОЛЫ (<i>В.А. ВАРГАНОВ, полковник в отставке</i>).....	31
ТРУДНЫЙ, НО ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ВАЖНЫЙ ПЕРИОД ЖИЗНИ (<i>А.Н. БУРЕНКО, профессор, доктор военных наук, действительный член Академии военных наук, генерал-майор</i>)	80
«ТОВАРИЩ ИВАН» (<i>В.Ф. ШИРЯЕВ, капитан первого ранга в отставке</i>)	86
О ТОМ, КАК ЮАРОВЦЫ ПРОМОРГАЛИ «ПЕЧОРУ» (<i>В.В. КОСТРАЧЕНКОВ, полковник запаса</i>).....
В ВОЮЮЩЕЙ БРИГАДЕ (<i>подполковник запаса Д.И. ГУКОВ</i>)	105
БОЕВЫЕ ЗАСЛУГИ АВТОТЕХНИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ (<i>подполковник запаса А.А. ШКЛЯРЕНКО</i>)	194
НА СЕВЕРЕ И ЮГЕ АНГОЛЫ (<i>В.А. БАРАБУЛЯ, старший лейтенант запаса</i>)	203

ВОЙНА ГЛАЗАМИ ВРАЧА <i>(Л.С. АДОХИНА)</i>	224
О СЛУЖБЕ НА ГРАНИЦЕ С НАМИБИЕЙ <i>(М.Г. МАРГЕЛОВ), капитан второго ранга)</i>	248
РОССИЙСКИЕ ЛЁТЧИКИ В АНГОЛЕ <i>(А.А. РОМАНЕНКО, гражданский пилот)</i>	276
<i>Информация с электронной площадки (сайта)</i> <i>Союза «Ветеранов Анголы»</i>	299
Библиография	328

Предисловие

В июле 1987 г. под Куито-Куанавале в провинции Квандо-Кубанго началась операция ангольской армии против вооруженных формирований оппозиции — **УНИТА**, подготовленная с помощью советских военных советников. Операция называлась «Приветствуем Октябрь». Ее целями были: разгром вооруженных формирований оппозиции на юго-востоке страны; уничтожение налаженных путей снабжения оппозиции из Намибии в центр Анголы; взятие передовой базы **УНИТА** — населенного пункта Мавинга — и захват Жамбы, расположенной на границе с Намибией, где, как предполагалось, находился командный пункт **Савимби**¹. Кубинские войска, находившиеся в Анголе по просьбе ее правительства для защиты страны от внешней агрессии, в операции не участвовали.

Ангольские бригады, в боевых порядках которых находились несколько десятков советских советников и специалистов, успешно развивали наступление. Когда они подошли к реке Ломба, формирования оппозиции попали в критическое положение. После форсирования реки крупных естественных преград для войск **ФАПЛА**², которые наступали по нескольким направлениям, больше не было, а до Мавинги оставалось всего около 30 км. Возникла реальная угроза ее захвата. С падением Мавинги открывался прямой путь на «столицу» **УНИТА** — Жамбу.

Чтобы не допустить разгрома **УНИТА** и захвата Мавинги, части армии ЮАР в конце августа 1987 г. вторглись в пределы Анголы. В район Мавинги и по суше, и по воздуху был переброшен крупный контингент войск ЮАР, включая бронетехнику. Они нанесли внезапный

удар по наступающим частям **ФАПЛА**. Завязались жестокие бои за переправы через реку Ломбу.

После вторжения войск ЮАР на территорию Анголы соотношение сил изменилось не в пользу правительственной армии. Южноафриканские войска и части **УНИТА** имели не только численное преимущество, но и самое главное — превосходство в огневых средствах.

В боях на ангольской территории участвовали отборные силы группировки войск ЮАР в Намибии. Наряду с 32-м батальоном специального назначения «Буффало» в состав ударной группировки ЮАР входили: 61-й и 62-й усиленные механизированные батальоны ВС ЮАР (это были батальоны на боевых машинах **Ратель**³); два танковых батальона тяжелых танков **Олифант**⁴ (40 шт.) танкового полка «Президент Стейн»; несколько дивизионов 155-мм гаубиц **G-5**⁵, 155-мм самоходных гаубиц **G-6**⁶, 127-мм реактивных систем залпового огня **Валькирия**⁷ и **Баталер**⁸; 4-й и 5-й разведывательно-диверсионные полки армии ЮАР; 101-й батальон Территориальных сил Юго-Западной Африки (Намибии); подразделения противовоздушной обороны; части и подразделения обслуживания и боевого обеспечения; 4-й, 5-й, 18-й, 118-й, 275-й регулярные пехотные батальоны **УНИТА**, обученные и подготовленные в военных лагерях армии ЮАР на территории Намибии (в каждом имелась группа советников и инструкторов от **САДФ**)⁹; 6 полурегулярных батальонов и вспомогательные подразделения **УНИТА**.

Всего группировка войск ЮАР на территории Анголы и в приграничных с ней районах на территории Намибии, без **унитовских** частей и подразделений, включала более 20 тысяч солдат и офицеров, около 150 танков и **БТР**¹⁰, приблизительно 400 артиллерийских орудий, миномётов и реактивных систем залпового огня. Действия наземных войск поддерживали более 80

боевых и транспортных самолетов и вертолетов.

По инициативе СССР Совет Безопасности ООН принял резолюцию о незамедлительном выводе южноафриканских оккупационных войск с территории Анголы. Но США воспользовались правом «вето» и, помогая агрессорам, заблокировали это решение.

В результате боев в октябре—ноябре 1987 г. ангольские бригады понесли большие потери в личном составе и боевой технике и вынуждены были отступить. В ноябре 1987 г. войска ЮАР, введя в бой тяжелые танки **Олифант**, пуская в первом эшелоне регулярные батальоны **УНИТА**, усиленные юаровскими **БТР**, попытались взять опорную базу правительственных войск — населенный пункт Куито-Куанавале.

Ангольское правительство обратилось к кубинской группировке войск о помощи в создавшейся катастрофической ситуации. Высшее политическое и военное руководство Кубы, проанализировав сложившуюся обстановку, приняло решение оказать немедленную помощь Анголе, направить в эту страну дополнительные воинские части, боевую технику и нанести окончательный удар южноафриканским войскам.

На помощь ангольцам в Куито-Куанавале была срочно переброшена кубинская бригада. 16 ноября 1987 г. продвижение южноафриканских войск и формирований **УНИТА** было остановлено всего в 15–20 км от Куито-Куанавале. Ангольские войска, усиленные кубинскими батальонами, перешли к обороне. **Уни-товские** отряды перерезали дорогу Менонге — Куито-Куанавале. Гарнизон Куито-Куанавале практически оказался в окружении, началась его осада.

После пополнения и довооружения понесших большие потери **унитовских** батальонов, перегруппировки и усиления своих частей, юаровцы в январе 1988 г. начали штурм Куито-Куанавале. Южноафриканские войска,

используя тяжелые танки **Олифант**, находя уязвимые места в обороне, с разных направлений, методично, с интервалом приблизительно раз в две недели продолжали штурмовать позиции защитников Куито-Куанавале. Дальнебойные гаубицы **G-5** регулярно обстреливали позиции оборонявшихся бригад и сам поселок. Осада длилась 5 месяцев.

Ангольские части создали эшелонированную оборону вокруг Куито-Куанавале. 25-я пехотная бригада вместе с кубинскими батальонами закрепились на восточном берегу реки Куито. 13-я десантно-штурмовая бригада заняла оборону на южном направлении. 66-я бригада и, отошедшие с восточного берега подразделения 21-й и 59-й бригад, обороняли Куито-Куанавале с запада. Кубинские батальоны также занимали оборону на северном направлении. 8-я пехотная бригада (бригада сопровождения колонн) находилась в резерве.

На возможных направлениях главного удара вдоль шоссе «Куито-Куанавале — Менонге» и в районах переправ через реки Луасинга, Куирири и Масека заняли оборону три (61-я, 62-я и 63-я) тактические группы кубинских войск, в готовности перейти в наступление. Это мотопехотный или танковый батальон, усиленный танковой ротой (мотопехотной ротой), артиллерией, противотанковыми средствами, средствами ПВО [противовоздушной обороны], инженерными подразделениями.

Вокруг города Менонге занимали оборону подразделения и части обеспечения штаба 6-го военного округа, сержантская школа, 2 территориальных батальона и часть подразделений 70-й танковой бригады РВС Кубы.

23 марта 1988 г. был предпринят последний, решающий штурм. Потеряв несколько тяжелых танков **Олифант** и бронетранспортеров перед позициями 25-й

бригады, южноафриканцы отступили, так и не сумев сломить оборону Куито-Куанавале. Однако юаровская артиллерия продолжала периодически обстреливать позиции войск и поселок из дальнобойных орудий вплоть до августа 1988 г.

Битва за Куито-Куанавале (1987–1988) стала самым крупным противостоянием анголо-кубинских войск с южноафриканскими и **унитовскими** формированиями в ходе всего ангольского конфликта.

О масштабе боевых действий говорит то, что ангольские и кубинские ВВС с августа 1987 г. по май 1988 г. совершили около 3000 боевых вылетов с аэродромов Куито-Куанавале и Менонге. Свыше 1100 из них пришлось на выполнение боевых задач по нанесению ракетно-бомбовых ударов по наземным войскам.

По данным ЮАР, южноафриканская авиация совершила в ходе операции свыше 1000 боевых вылетов, сбросив на позиции противника более 3000 фугасных и осколочных бомб общим весом около 700 т.

Хотя правительство СССР заявило, что советские военные в боях в Анголе не участвуют, эта операция явилась рекордной по количеству участвовавших в ней советских военных советников, специалистов и переводчиков. По всему фронту, по всей линии соприкосновения с противником, несмотря на бои, артобстрелы и бомбежки, в боевых порядках ангольских бригад, на передовых командных пунктах фронта, округов и военных зон находились советские военнослужащие. Параллельно с обороной Куито-Куанавале, объединенные анголо-кубинские войска готовили наступление. В Анголу были направлены дополнительные регулярные воинские части кубинской армии, которые высадились на юго-западном побережье Анголы. В частности, с Кубы были переброшены части элитной 50-й танковой дивизии Революционных вооруженных сил, оснащенные

советскими танками **Т-62**¹¹. В Анголу прибыли опытные кубинские летчики. Из СССР поступили новые партии вооружения, запасных частей и боеприпасов.

В то же время кубинские части, которые дислоцировались в центральных районах страны, выдвигались в направлениях Маталы, Куши, Менонге.

В 800 км от Куито-Куанавале, на юго-западе Анголы была создана мощная группировка войск, насчитывающая до 40000 кубинских солдат и около 30000 ангольских бойцов и бойцов СВАПО, свыше 600 танков, сотен артиллерийских орудий и систем залпового огня, зенитных орудий и систем ПВО. Поддержку с воздуха обеспечивали кубинские **МиГ-23МЛ**¹².

Кубинские танковые части, которые высадились на атлантическом побережье Анголы, совершив бросок через Лубанго и Маталу, с боями начали продвигаться в направлении Каама — Онджива, к границе с Намибией. В конце мая 1988 г. кубинские и ангольские части вышли к границе Анголы с Намибией. Самолеты ВВС Анголы, ведомые кубинскими летчиками, нанесли массированный бомбовый удар по позициям южноафриканских войск около Калуэке, в 11 километрах севернее границы Анголы с Намибией. Через несколько часов после этой атаки южноафриканцы взорвали мосты на пограничной реке Кунене, чтобы кубинские танки не ворвались по ним в Намибию.

Давая оценку этим событиям, в одном из своих выступлений **Фидель Кастро** сказал, что кубинские войска действовали «как боксер, который левой рукой сдерживает противника, а правой бьет».

Провал наступления южноафриканских войск под Куито-Куанавале и выход сильной группировки кубинских войск к намибийской границе на юго-западе Анголы, заставили руководство ЮАР прекратить боевые действия и пойти на переговоры. В результате, 22 дека-

бря 1988 г. в Нью-Йорке между ЮАР, Анголой и Кубой было подписано трехстороннее соглашение о внешних аспектах урегулирования в Анголе. ЮАР согласилась прекратить оккупацию и вывести войска из Намибии к июлю 1991 г. (при этом основные силы армии ЮАР выводились уже в апреле 1989 г.), а Куба — отозвать своих военнослужащих из Анголы к маю 1991 года. Поскольку УНИТА не была представлена на проводившихся переговорах, президент Анголы **Эдуарду душ Сантуш** и руководитель УНИТА **Жонас Савимби** подписали в городе Гбадолите (Заир) отдельное соглашение о прекращении огня с 22 июня 1989 г.¹³ Эти соглашения принесли мир для Юго-Запада Африки¹⁴. Прямым следствием этого стало предоставление Намибии независимости и демонтаж в ЮАР системы апартеида, где в последующем к власти пришло правительство Африканского национального конгресса. В самой Анголе начался переговорный процесс с оппозицией.

Войска ЮАР и Кубы были выведены в установленные сроки. К концу 1991 г. также было резко сокращено количество советских военных советников и специалистов, находящихся в Анголе.

В 1992 г. Россия в одностороннем порядке временно прекратила оказание военной помощи Анголе, закрыла свою военную миссию и отозвала всех военных советников и специалистов, но позднее военное сотрудничество было возобновлено¹⁵.

¹ **Жонас Савимби** — лидер Национального союза за полную независимость Анголы (УНИТА) — организации, которая с 1975 по 2002 гг. находилась в вооруженной оппозиции законному правительству Анголы (МПЛА) и вела почти без перерыва вооруженную борьбу за власть в стране. **Савимби** и его соратники были убиты в 2002 г., а его движение прекратило вооруженную борьбу и ныне является легальной парламентской оппозицией (*прим. ред.-сост.*)

² Народная армия Анголы, созданная МПЛА.

³ **Рател-90 (Ратель-90) (Ratel-90) (Барсук)** — южноафриканский шестиколесный (3х3) бронетранспортер, является модификацией бронетранспортера **Рател-20**. Является шестиколесным (3х3) вариантом четырехколесного (2х2) французского бронетранспортера **VXV**. Имеет хорошую противоминную защиту — V-образный суживающийся книзу корпус. Бронирование от пуль калибра до 20 мм. Экипаж — 3–4 человека и 6 бойцов. Вес — 19 т. Длина — 7,11 м. Высота — 2,915 м. Преодолевает препятствия высотой до 35 см и водные преграды глубиной до 1,2 м. Скорость — до 90 (105) км/ч и запас хода до 600 (860) км. Вооружение — пушка от бронемашины **Эланд-90** калибра 90 мм **921 A** (боезапас — 72 (71) снаряда) (эффективный радиус по бронированной технике — 1200 м и по пехоте — до 2200 м), спаренный с ней пулемет калибра 7,62 мм, два пулемета калибром 7,62 (один — для стрельбы по низколетящим воздушным целям, боезапас — 6000 патронов) и 4 дымовые гранаты калибра 81 мм. По три бойницы для стрелков размещены по обеим сторонам корпуса и по одной в двух дверях на корме. Коробка передач автоматическая. Двигатель дизельный с водяным охлаждением. В 1978–1987 гг. (и позднее) в ЮАР было изготовлено более 1400 (по другим сведениям — свыше 1200) единиц данного бронетранспортера (в различных модификациях).

⁴ **Olifant MarkIA (Олифант) (Олифант) (Слон)** — танк южноафриканского производства на базе английского танка **Центурион (Centurion)**, производившегося с 1950-х годов. В ЮАР производился в 1977–1994 гг. по английской лицензии под названием **Элефант (Олифант) (Olifant Mk. I)** (всего было построено 232 танка). По другим сведениям, свыше 160 шасси британских танков **Центурион** английского производства было использовано для постройки южноафриканского танка **Олифант**, чья модернизация в ЮАР была весьма схожа с модернизацией в Израиле танков **Центурион** в танк **Бен Гурион (Ben Gurion)**. Танк **Олифант** оснащался пушкой **GT-3 (L-7)** калибра 105 мм (дальность эффективной стрельбы по танкам — до 2000 м, боекомплект — 72 снаряда), спаренной с пулеметом калибра 7,62 мм, и зенитным пулеметом калибра 7,62 мм (7,62x51) (4750 патронов), пристрелочным

пулеметом калибра 12,7 мм (12,7x99) (70 патронов) и 8 дымовыми гранатами калибра 81 мм. Двигатель дизельный с воздушным охлаждением. Экипаж – 4 человека. Вес – 53 т. Длина – 9,83 м. Высота – 2,94 м. Броня – от 118 мм (корпус) до 152 мм (башня). Коробка передач автоматическая. Скорость – до 34,5 (45) км/ч (25 км/ч – по пересеченной местности). Запас хода по топливу без дозаправки – 250 км (200 км по пересеченной местности). Высота преодолеваемого препятствия – 91 см. Ширина преодолеваемого рва – 3,35 м. Глубина преодолеваемого брода – 1,45 м без подготовки или 4,5 м с подготовкой. Отличается сильно выступающими грунтозахватами широких гусениц (по английскому образцу), что обеспечивает хорошую проходимость, несмотря на большой вес **Олифанта**.

⁵ **G-5 (Г-5) (Джи-5)** – южноафриканская тяжелая гаубица на четырех колесах. Выпускается с 1982 года по американской технологии. Вес – 13,7 тонн. Расчет – 8 человек. Цели – движущиеся танки и бронетехника – пеленгуются радиопеленгом и обстреливаются. Снаряды при полете в цели взрываются в воздухе, без касания земли. Дальность стрельбы – от 3 до 39 км (и до до 47 километров реактивными снарядами и до 52 (67) км последними образцами реактивных снарядов). Скорострельность – 2–4 выстрела в минуту. Вес снаряда – 47 килограмм. Вес гаубицы – 13 750 кг. Длина – 9,5 метра. Гаубица **G-5** может передвигаться с помощью небольшого дизеля мощностью в 79 л.с. со скоростью от 3 до 17 км в час, а в прицепленном состоянии – до 90 км в час. Перевозится 10-тонным шестиколесным (6X6) грузовиком **Самил-100** (оснащенным для защиты зенитным пулеметом) со скоростью до 90 км в час или 50 км в час по бездорожью. Расчет – пять (четыре) человек. Время для перехода в боеготовое состояние – две минуты. Скорострельность – три выстрела в минуту. Только для нужд сухопутных войск ЮАР было произведено 53 дальнобойных гаубицы данного типа.

⁶ **G-6 (Г-6) (Джи-6)** – южноафриканская шестиколесная (3x3) самоходная артиллерийская установка калибра 155 мм. Выпускается со всеми ведущими колесами (6x6) и ранее выпускалась с четырьмя ведущими колесами (4x6). Боекомплект – 47 снарядов. Выпускается по американской технологии. Скорострельность – от 2 до 4 выстрелов в минуту. Оснащена системой целеуказания и дальномером. Экипаж – 5–6 человек. Вес – 37 т. Оснащена автоматической коробкой передач. Дополнительное вооружение – башенный пулемет калибра 7,62 (7,62x51) или 12,7 (12,7x99) мм и восемь дымовых гранат. Четыре бойницы для стрелков размещаются на каждой стороне бронированной орудийной башни. Лобовая броня выдерживает снаряды калибром до

20 мм. Цели — движущиеся танки и бронетехника — пеленгуются радиопеленгом и обстреливаются. Дальность стрельбы — от 3 до 30 км (до 52 км стандартным активно-реактивным снарядом и до 70 (67) км улучшенным активно-реактивным снарядом **Ассегай**). Угол наклона орудия от -5 до $+75$ градусов. (Снаряды при полете к цели взрываются в воздухе без касания земли. Количество осколков от одного снаряда — от 3032 до 4756. Снаряды используются тех же типов, что и в гаубице **G-5**. Длина снаряда — 9 м. Ширина — 3,3 м. Высота — 3,25 м.) Скорость **G-6** — до 90 км/ч (30–40 км/ч по бездорожью). Запас хода без дозаправки — 600 км. Мощность двигателя — 525 л. с. Преодолеваемые препятствия — брод или ров глубиной 1 м.

⁷ **Валькирия (Валькири) (Valkiri)** южноафриканская система залпового огня (24 направляющих трубы) калибра 127 миллиметров на базе пятитонного грузовика **Самил-50**. Выпускалась с 1977 года по 1981 год на основе советской системы залпового огня **БМ-21** (и тайваньской **Bee-6**). Вес — 6400 кг. Длина — 5,35 метра. Высота — 2,32 метра. Кабина бронированная. Экипаж — два человека. Дальность выстрела — от 7 500 метров до 22 тыс. метров. Скорость — до 90 км в час. Пробег без дозаправки — 450 км. Обладает хорошей маскировкой (благодаря натянутому сверху тенту сложно определить визуально — грузовик ли это типа **Самил-50** или система залпового огня).

⁸ **Bateleur 127 (Баталер — Орел) (африканский орел) (Valkiri Mk.II — Летучая женщина-ведьма)** — южноафриканская реактивная установка залпового огня калибра 127 мм. 40-ствольный вариант **Валькири Mk.I (Valkiri Mk.I)** (последняя имеет 24 ствола и дальность до 22 км), но на базе бронированного шестиколесного (3х3) грузовика **Самил-100**, а не четырехколесного (2х2) грузовика **Самил-20**, как **Валькири Mk.I (Valkiri Mk.I)**. Длина ракеты — 2,68 м. Взрыватель срабатывает на высоте от 3 до 18 м. Дальность **Bateleur 127 (Valkiri Mk.II)** — до 36 км. Экипаж — 5 человек. Вес — 21 500 кг. Длина — 9,3 м. Высота — 3,4 м. Скорость — до 75 км/ч. Пробег без дозаправки — 1000 км.

⁹ Регулярная армия ЮАР.

¹⁰ Бронетранспортеров **Ратель (Рател) (Ratel)**.

¹¹ **T-62** — танк, производился в СССР различных модификациях с 1962 по 1975 гг. Масса — 37 тонн. Мощность дизельного двигателя — 500 лошадиных сил. Вооружение — гладкоствольная пушка **2А20 (У-5ТС)** калибром 115 миллиметров (боезапас — 40 снарядов) и спаренный с ней пулемет **ПКТ** калибра 7,62 миллиметров и пулемет 12,7 миллиметров (боекомплект — 2500 патронов). Преимущество этой

артиллерийской системы (гладкоствольной пушки) перед нарезными состоит в том, что не вращающийся в полете бронебойный снаряд с хвостовым оперением более устойчив и превосходит вращающийся в массе и начальной скорости. С 1972 года на башне **Т-62** устанавливался зенитный пулемет **ДШК-М** калибра 12,7 миллиметра. На **Т-62** применили улучшенные прицелы и приборы наведения, например, телескопический прицел **ТШ-2Б-41** позволял танкистам вести точный огонь на дистанции до 4 тысяч метров. Экипаж — 4 человека. Скорость — 50 км в час. Запас хода без дозаправки — 650 км. В 1967 году танк модернизировали, а еще через пять лет на доработанной башне начали устанавливать 12,7-мм зенитные пулеметы, с 1975 года на **Т-62** появился лазерный дальномер). За последние сорок лет танк **Т-62** активно участвовал наряду с **Т-34**, **Т-54**, **Т-55** и **ПТ-76** (плавающим танком) в десятках различных войн. Производился по лицензии во многих странах, в частности в Чехословакии, КНДР, Ираке и Китае (под маркой **Т-69**).

¹² **МиГ-23** (в Анголе использовали **МиГ-23МФ**, **МиГ-23БН** и **МиГ-23МЛ** и **МиГ-23МЛД**) — сверхзвуковой истребитель. Экипаж — один человек. Скорость — до 2445 км/ч. Оснащен двумя реактивными двигателями. Потолок — 17500 м. Боевая нагрузка (бомбы, ракеты) — 4500 кг. Вооружение — ракеты, пушка калибра 23 мм, авиабомбы. Дальность полета без дозаправки — до 2000 км. Производился в различных модификациях в СССР с 1967 по 1984 г. Много поставлялся на экспорт. Производился по лицензии в Индии и без лицензии в Китае. Участвовал во многих войнах за последние 35 лет. В 1980-е годы заменен в СССР на более современный **МиГ-29**.

¹³ Не точно.

¹⁴ Для Намибии, но не для Анголы, где гражданская война, с небольшими перерывами, длилась еще 13 лет, до 2002 года (*прим. ред.-сост.*)

¹⁵ По материалам председателя Совета Региональной общественной организации участников оказания интернациональной помощи Республике Ангола — «Союза ветеранов Анголы», полковника запаса **Вадима Андреевича Сагачко**.

МЫ ОБЕСПЕЧИВАЛИ МПЛА ОРУЖИЕМ

Воспоминания

*Бориса Гавриловича Путилина,
полковника ГРУ в отставке¹*

— **Когда Вы уехали из Анголы?**

— В мае 1976 года. Но начнем сначала. В феврале 1974 г. я приехал в Конго (Браззавиль). Работал там первым секретарем посольства; основным направлением работы были контакты с МПЛА.

На первых порах, в основном, я там контактировал со вторым человеком в МПЛА — **Лусиу Ларой**. Он был представителем МПЛА².

Я приехал уже на конечном этапе освободительной борьбы в Анголе и, соответственно, тактика моей работы — установление деловых, а не конспиративных контактов.

— **Как Вас представили?**

— Как первого секретаря посольства, который будет контактировать с МПЛА.

Но надо сказать, что с некоторыми ангольцами устанавливал контакты и наш военный атташе. Кроме того, был один деятель из МПЛА, — он был женат на русской, — который все время крутился в нашем посольстве, в Браззавиле. К тому же в Браззавиле у ангольцев была целая колония, имелась радиостанция и проживала достаточно большая группа ангольского руководства, различной политической направленности.

Они шли на контакты достаточно часто, но в посольство обращались редко. Чаще они приходили ко мне на квартиру. Но больших приемов не было.

– **Агостиньо Нето** тоже появлялся?

– **Агостиньо Нето** появился (в Браззавиле) в начале 1975 года. А в 1974 г. официальным руководителем представительства Анголы в Браззавиле стал **Жозе Эдуарду душ Сантуш**. И поскольку он был официальным представителем, я поддерживал отношения с **Л. Ларой** и **Ж.Э. душ Сантушем**. У **Ж.Э. душ Сантуша** в то время была русская жена, дочка уже родилась. Поэтому он ко мне время от времени приходил.

А с начала 1975 г. у меня стал бывать **А. Нето**. И в течение 1975 г. у меня с ним установились достаточно хорошие отношения. Он меня приглашал к себе на беседы, туда, где он останавливался. Несколько раз я был у них в колонии, где размещалась радиостанция, редакция. Поддерживал я отношения и с другими людьми из руководства **МПЛА**. Был, например, там один врач, который работал во французском военном госпитале и был достаточно близким соратником **Лусио Лары**. Все они составляли костяк эмиграции. Но с приближением независимости в 1975 г. этот костяк раскололся. Представители либеральной интеллигенции предприняли попытку сместить **А. Нето** с поста председателя **МПЛА**. Назвали они себя «Революта актива»³. Выдвинули в качестве своего лидера бывшего председателя **МПЛА** (**Мариу Пинту де Андраде**). До этого он долго жил во Франции, активного участия в борьбе не принимал.

Лусиу Лара и большинство ангольцев в Конго поддерживали **А. Нето** и порвали отношения с этими представителями интеллигенции и с «Революта актива». А когда представители «Революта актива» поехали в Анголу в 1975 г., уже после ее освобождения, то они попали под наружное наблюдение. Неоднократно они намеренно встречались со мной. По-моему, основной лидер этой группы остался в Браззавиле, так как в самой организации «Революта актива» не было единства, и в руководстве

существовали разные точки зрения на развитие Анголы после провозглашения независимости.

Президент Конго **М. Нгуаби** поддерживал, в целом, **МПЛА** и его председателя **А. Нето** как противовес президенту Заира **Мобуту**, влияния которого он боялся.

– **Он не вникал в их внутренние конфликты?**

– Дело в том, что это Африка. А руководитель **ФНЛА**⁴ **Холден Роберто** был в родственных связях с **Мобуту** (женат на его дочери). Поэтому его организация и базировалась в Заире. Родственные связи в Африке всегда играли большую роль.

За свою поддержку **М. Нгуаби** искал себе покровителей для поддержки и нашел в лице кубинцев. Но у **М. Нгуаби** были расхождения со вторым человеком в партии. Тот выступал за то, чтобы Кабинду, богатую нефтью, оставить ангольцам. А **М. Нгуаби** склонялся к выводам созданной им комиссии, что надо все-таки воспользоваться моментом и Кабинду присоединить к Конго (Браззавиль). Попытка **А. Нето** перед освобождением Анголы выяснить позицию Конго по Кабинде завершилась безрезультатно⁵.

Говоря о внутриангольских конфликтах, следует иметь в виду характер африканцев. В 1975 г. **А. Нето** фактически перебрался в Браззавиль: в Замбии власти уже начали его «прижимать», стали ориентироваться на другие ангольские группировки, в частности, больше на **Жонаса Савимби (УНИТА)**. В Замбии оказался один из деятелей **МПЛА** — **Даниель Чипенда**, который стал отходить от **А. Нето**. Реально только советское посольство в Браззавиле не порвало с **А. Нето**.

– **Но ещё ранее в МПЛА возникло фракционистское движение «Революта леште» — «Восточное восстание».**

– Да, это результат того, что многие рвались к власти.

Мы обеспечивали **МПЛА** оружием. Завезли в Кон-

го для Движения большое количество стрелкового оружия, миномёты калибра 82 миллиметра, немного переносных ракетных установок (**Град-П⁶**, **К-37**) и, по моему, что-то было в Замбии.

В январе 1975 г. в Алворе (Португалия) было создано Переходное правительство Анголы с участием **МПЛА**, **ФНЛА**, **УНИТА**, плюс представители Португалии. Но среди его ангольских участников не было единства (к июлю 1975 г. стало ясно, что стороны взяли курс на захват власти силой). В том же месяце **МПЛА** начало активные действия. Для этого использовалась полученная, вероятно, у алжирцев пара бронетранспортеров **БТР-152⁷**. С их помощью отряды **ФНЛА** и **Савимби (УНИТА)** были выбиты за пределы Луанды. Бронетранспортеры вошли в муссекеш (районы, где жили африканцы). Они оказались неуязвимы для обычных пуль. Боевики **ФНЛА** и **УНИТА** побежали.

В июле же руководители **МПЛА** установили контакты с кубинцами, потому что в августе (примерно с 20-х чисел) появились кубинские военные инструкторы. Обучали они, в основном, артиллеристов. Для связи с Бразавилем из Луанды кубинцы имели небольшой двухмоторный транспортный самолет. Два летчика были кубинцами. У самолета не было даже навигационного оборудования, и летали они по рельефу местности — по рекам, дорогам. Кубинцы перебросили в Анголу, — я точно не могу сказать дату, по кубинским сведениям — 9 ноября 1975 г., — батальон спецназовцев, который расположился севернее Луанды и предназначался для защиты против возможного удара со стороны Заира.

Когда 20 августа⁸ на юге началось наступление на Луанду войск ЮАР, то в первом бою юаровцы быстро сбили с позиций отряды **МПЛА**. Первый бой войск ЮАР с кубинцами произошел на побережье — в Лобиту. Они натолкнулись на отряд **МПЛА**, который обучался

артиллерийскому делу, и были остановлены артогнем. Юаровцы остановились, пришли в себя, провели бой, сбили заслон и пошли дальше на Луанду. Об этом событии корреспондент ТАСС **Игорь Уваров** посылал открытым текстом телеграммы.

– **Польский журналист Р. Капусцинский**⁹ писал, что об этом впервые узнали **23 сентября**¹⁰.

– Надо проверить, но, скорее всего, это было в августе. Первых 16 раненых кубинцев привезли в Браззавиль на этом самом самолете. Мы их поместили (*смется*) сначала в родильный дом, который был построен на советские деньги. Там главный врач и хирург были советскими специалистами. На приёме у кубинского посла им предложили освободить две-три палаты для раненых. На их возражения было предложено вспомнить полевую хирургию, которую они изучали в институте. Раненых кубинцев привезли и разместили. А в это время сестра президента **М. Нгуаби** рожала в том же роддоме. Сразу слух прошел, что мужиков в роддом поместили. **М. Нгуаби** вызвал кубинского посла и кричал на него: «Кто президент? Ты президент или я президент?» Но потом **М. Нгуаби** оказал помощь и разместил раненых в городке вилл, построенных к конференции президентов франкофонных стран Африки. Тяжелораненых среди кубинцев не было. Наиболее тяжело раненого лечили в резиденции кубинского посла. Лечил кубинцев свой, специально приехавший кубинский врач. Но и наши врачи оказывали помощь.

Португальский представитель в Анголе — «красный адмирал» **Роза — Коутиньо** поддерживал. Они и смогли захватить власть в Луанде с молчаливого согласия представителя португальцев¹¹. Самим португальцам было не до этого. В это время начался массовый исход португальцев — тех, которые жили в Анголе. Потом начался отвод войск Португалии. И отряды **ФНЛА** стали

продвигаться на юг, от границы с Заиром, в сторону Луанды. Где-то с октября **ФНЛА** накапливался для удара из Заира, с юга, на Кабинду. **УНИТА** захватывал восточные провинции.

В августе или в сентябре месяце (1975 г.) **М. Нгуаби** был на Кубе и во время бесед с **Фиделем** попросил перебросить ему войска для защиты от соседа (Заира). И кубинцы направили туда морем танковый полк, который высадился в начале октября в Пуэнт-Нуаре. Он прибыл на корабле под сомалийским флагом.

К тому времени в Браззавиль из СССР были доставлены воздухом **БМ-21 Град**¹². Их было четыре штуки. По две на самолет **Антей (АН-22)**¹³. И встал вопрос — как усилить группировку **МПЛА** в Луанде? Запрашиваем центр: как везти тяжелое вооружение? А из Москвы отвечают: по железной дороге. И ни денег на это не дают, ничего. А по железной дороге Браззавиль — Пуэнт-Нуар перевезти **БМ-21** невозможно. Они не проходили по своим габаритам. Там маленькие вагоны и узкая колея. Мы просили центр разрешить перебросить их на самолете прямо в Луанду. Но нам не разрешили, потому что до независимости ничего напрямую в Анголу для **МПЛА** не направляли.

И тогда заместитель командира ивановского полка (**ВТА**) (военно-транспортной авиации) — ему дали, по моему, орден Красного Знамени — один **Антей** с двумя **БМ-21** перегнал в Пуэнт-Нуар. Там аэродром принимал самолеты весом до 90 тонн, а в **Антее** — 130 тонн. Наши военные советники там, в Пуэнт-Нуаре, вывели два танка туда, где кончалась бетонная **ВПП** [взлетно-посадочная полоса]. И если бы **Антей** выехал за пределы **ВПП**, то танки должны были его вытащить. Сначала заместитель **М. Нгуаби** выступил против этого, сказав, что нельзя портить аэродром. И тут помог советник по партийным связям (**Герман Предвечный**). В День поминовения усопших

(1 ноября) мы сумели добраться до **М. Нгуаби**, который в это время молился на кладбище, и получить его разрешение на переброску техники в Пуэнт-Нуар.

Доставленные **Антеем** две **БМ-21** погрузили на кубинский корабль под сомалийским флагом. За сутки **Грады** были доставлены в Луанду.

Две **БМ-21** поставили рядом с кубинским батальоном спецназа, который, в общем-то, для позиционной войны не годился. Обучали их действовать в малых группах. Они частично использовались для партизанской деятельности в Латинской Америке, но в Анголе это совершенно не по профилю.

Перед объявлением независимости Анголы кубинские подразделения были переброшены в Кабинду и заняли оборону на юге анклава. На основной дороге, идущей из Заира, была сделана засада.

— **С какой целью первую группу советских военных специалистов послали в Луанду?**

— Это было решение Центра: для обеспечения боевых действий в Анголе.

— **Зачем туда послали пвошников?**

— Вероятно, потому, что **Стрела-2**¹⁴ была на вооружении ангольцев. Дело в том, что отряды **ФНЛА**, когда продвигались на юг, к Луанде, ещё до провозглашения независимости форсировали реку Кванза и заняли позиции в 20–30 км от столицы. Но поскольку португальцы ещё не ушли из Луанды, два отчаянных португальца сели на два самолета — **Фиата**. Пролета этих самолетов над позициями **ФНЛА** оказалось достаточно, чтобы те отступили за реку. В это время отряды **МПЛА** (а я думаю, что это сделали кубинцы) взорвали мост. И фронт на самом опасном направлении встал. А отряды **МПЛА** заняли оборону.

Португальцы покинули Луанду днем 10 ноября 1975 года. На церемонию вылетела, в числе прочих, дипло-

матическая делегация во главе с министром иностранных дел Румынии и послы разных стран, в том числе и западных, чтобы присутствовать на инаугурации независимой Анголы¹⁵. Когда самолет с дипломатами подлетал к Луанде, в 00 часов начали спускать флаг на стадионе столицы. В восторге ангольцы по всему городу начали стрелять вверх. Когда иностранные дипломаты увидели, что идет такая стрельба, они сделали круг над городом и улетели в Либревилль (Габон).

– **Так они опоздали на объявление независимости?**

– А церемонии не было. Официально провозгласили независимость Анголы на следующий день, 11 ноября. Заир же планировал к этой дате нанести удар с севера и захватить Луанду. И удар был нанесен 10 ноября, но наступающие были остановлены залпом **БМ-21**. Он надолго деморализовал африканскую часть войск противника: боевиков **ФНЛА**, заирских солдат. Среди наступавших были и иностранные наемники, и представители **ФЛЕКА**¹⁶. Но они напоролись на засаду и были разгромлены. Я думаю, что этот министр иностранных дел Румынии и другие дипломаты собирались на торжество по случаю спуска флага, чтобы поздравить наступавших из Заира с захватом власти.

– **Когда БМ-21 появились в Анголе?**

– Первого ноября 1975 г. они были в Браззавиле, второго-третьего их перебросили в Анголу.

На официальное провозглашение 11 ноября независимого государства Ангола советское руководство назначило делегацию во главе с советским послом в Браззавиле **Афанасенко**, я тоже был там. В делегацию вошли также послы соцстран в Конго. Прилетаем мы в Луанду, а на аэродроме – никого. Садится наш **АН-12** (под флагом Аэрофлота). Опускает трап. Выхожу – напротив, шагах в десяти-пятнадцати, стоит ангольский солдат с американской самозарядной винтовкой, которая висит

на веревке. В глазах у солдата пустота. Он держит руку на спусковом крючке и целится мне в живот. Кто там, на аэродроме, командует — неизвестно. Причем добежать до часового я не могу — он откроет огонь автоматически и за десять метров меня изрешетит. В глазах у него никакого смысла, и, предполагаю, что он не знает и португальского языка. Меня спас начальник охраны аэропорта — анголец, который знал меня лично. Он метров 150 бежал и орал «**Борис!**». Это мне и помогло. Потом нас проводили в гостиницу. Там в это время были ныне покойный **Дубенко Алексей Иванович** и **Уваров Игорь**.

Из гостиницы в 11 часов дня мы прибыли на инаугурацию в зал муниципалитета. Открывал ее наш посол в Конго — передавал приветствия. Он выступал с балкона, под которым шел митинг на площади. Переводил **Жозе Эдуарду душ Сантуш** (будущий президент Анголы) с русского на португальский. Тогда он был министром иностранных дел.

— **Почему?**

— Один я знал португальский. Но я со своим португальским не решился на официальный перевод. За советским послом выступили представители Бразилии, Нигерии (он обещал помощь в 100 миллионов долларов) и ряд представителей других африканских государств.

После провозглашения независимости началась борьба за признание правительства **МПЛА**. Прежде всего, Организацией Африканского Единства (**ОАЕ**). Обращивали мы, в частности, **Иди Амина** — председателя **ОАЕ** — во время его пребывания: хотели убедить его изменить мнение и поддержать **МПЛА** — новую власть в Анголе.

А в это время начали наступать юаровские войска на Луанду с юга.

Кубинцы же начали массовую переброску своих сил. Было сделано до 120 полетов **кубинской авиаком-**

пании «Кубана» на наших ИЛ-62¹⁷. По морю перебрасывалась военная техника. Поскольку кубинцы хотели перевооружить свои вооруженные силы, они добились разрешения, чтобы советское оружие, которое им ранее поставили, передать в Анголу. А взамен кубинцы получали наше новейшее оружие. Привезли, в частности, два танковоза в Луанду с Т-55¹⁸. Конечно, такое количество танков было не нужно. Я, помню, пришел в порт, а кубинцы выгружали танковый полк. Я говорю — что это у вас? Они говорят: «Т-55. Привезли танки, чтобы бороться с ЮАР».

На юге Анголы есть порт Бенгела — там тоже высадили танковый полк¹⁹.

— Ну, — говорю — у вас, как Сталинградская битва — одна шоссейная дорога и вы два танковых полка на ней развертываете.

— **Не Т-34?**

— Нет, потому что Т-34²⁰ ангольцам поставлял кто-то другой. Думаю — алжирцы.

И мы им поставляли Т-34, из запасов советских Вооруженных сил. Но Т-34 чем был хорош — африканец мог им управлять. Кстати сказать, и в Эфиопии потом Т-34 оказались удачной военной техникой. А кубинцы поставили ангольцам Т-55.

Тем временем началось партизанское движение в Кабинде, а также на юге и в центре Анголы. Д. Чипенда захватил участок железной дороги на востоке страны, где находятся алмазные копи²¹. Возникла проблема борьбы, как мы говорили, с бандитизмом, а точнее, партизанская война.

В связи с этим кубинцы думали взять на себя социальное и культурное обеспечение Кабинды (как части Анголы) и создать там островок благоденствия.

— **Кого А. Нето боялся?**

— Всех. Внутри самой МПЛА его поддерживал Лусиу

Лара. Но он был кварталерон — его мать была метиска, а отец — белый португалец. Были группы националистов, либеральной интеллигенции в лице «Революта актива» и прокоммунисты (при МПЛА работал представитель португальской компартии). Его чуть не посадили, а потом отослали в Португалию. Была представительница португальского комсомола.

В руководство МПЛА входил «левак» **Ниту Алвиш**, но он был ближе к коммунистам. Уже в 1976 г. начала складываться оппозиция во главе с **Н. Алвишем** и начальником ГлавПура [Главного политического управления] **Монштру Иморталом**. В частности, **Н. Алвиш** представлял МПЛА на XXV съезде КПСС.

А. Нето в 1976 г. больше опасался этой группы и **ФНЛА**. И надо учитывать его изоляцию на международной арене. Первое время правительство МПЛА поддерживали, главным образом, СССР и, конечно, Куба.

А. Нето и **Луиси Лара** все время опасались потери поддержки СССР.

С **Луиси Ларой** у нас в сентябре 1975 г. был жесткий разговор на улице в Браззавиле.

Он кричал: «Вы разделили с Америкой мир и Ангола не входит в сферу вашего влияния. Вы нам не помогаете, как следует!» Попытки его успокоить были тщетны.

— **А как Вам удалось не полететь на том самолете (1 июня 1976 г.), который разбился?**

— Случайно. **Зверев** был временным поверенным в делах, а я у него — первый советник. И он говорит: «Из МИДа пришла телеграмма — ты должен через Браззавиль лететь». Я возразил: «Так вот же прямой самолет — я уже договорился с одним парнем — он поможет мне деревянные маски и фигурки таскать». «Нет, — говорит, — ничего не могу, — ты мидовец или нет?». А военному ведомству я доложил, что лечу по мидовской линии. И я улетел, а этот самолет у них стоял под охраной кубинцев.

Тот самолет, на котором полетел я, стоял вне военной базы.

— Я спрашивал у ангольцев, и впервые прочел в выступлении А. Нето на первом съезде МПЛА, в котором он говорил, что первую помощь оружием им оказали югославы в мае 1975 года — прислали корабль с оружием...

— Он не прав, потому что это оружие было нашим (может быть, мы югославами прикрывались). Когда Ангола стала независимой, нашли два ангара, забитые нашим стрелковым оружием, миномётами и боеприпасами. Это португальцы его захватили и складировали на территории самой Анголы.

— Называли судно типа «Постоян» — что-то в этом роде.

— Неважно, судно-то могло быть под югославским флагом. Вы же были на «сомалийском» (а на деле кубинском) корабле. Это не важно, под каким флагом шло судно, оружие было советское. Но вы можете и не найти концов, откуда и чье это оружие.

— Когда мы прибыли в Луанду из Пуэнт-Нуара, там в ангарах было полно оружия. Разве португальцы не ведали о том, откуда оно?

— Они не могли не знать. Только не шумели об этом. Просто все складировали. Тем более, что корабль с оружием был югославским, а не советским.

Еще по поводу оружия. Я все думал, почему у кубинцев народная милиция вся была вооружена немецкими винтовками Маузер²². А когда я был на Кубе, мне рассказали, что пришел корабль из Советского Союза, и даже недавно появился «участник» этой экспедиции, рассказывавший про целый корабль с винтовками: немецкими, австрийского производства, ещё 1938 г. выпуска. Докажите, что они от нас? А Куба-то рядом с США.

Сноски

- ¹ Запись беседы сделана А.А. Токаревым в 2004 г. (с дополнениями В.Г. Шубина).
- ² В Браззавиле.
«Revolta Activa» — «Активное восстание».
- ³ Национального фронта освобождения Анголы.
- ⁴ Не точно.
- ⁵ **Град-II (Партизан)** — переносная ракетная установка калибра 122 мм. На вооружении армии СССР не состояла, но широко поставлялась партизанским движениям.
- ⁶ **БРТ-152** — шестиколесный бронетранспортер советского производства. Двигатель мощностью 110 л.с. Выпускался с 1950 по 1955 годы. Вооружение — пулемет **Горюнова** калибра 7,62 миллиметров (боекомплект 3087 патронов). Вес — 8600 килограмм. Экипаж — 4 человека и 17 человек десанта. Скорость — до 65 км в час. Запас хода — 550 км
- ⁷ **БТР-152К** — его последняя модификация, выпускалась с 1959 по 1962 гг. Имел броневую крышу корпуса и увеличенную массу — до 9 тонн (видимо они и использовались в Анголе). Его экипаж, включая солдат, был сокращен до 15 человек. Таким образом, **БТР-152** в различных модификациях выпускался с 1950 по 1962 гг. и был фактически снят с вооружения в СССР в конце 1960-х годов, хотя формально списан лишь с 1993 года.
- ⁸ 20 октября 1975 г.
- ⁹ **Рышард Капусцынский**, корреспондент польского информационного агентства ПАП в Анголе.
- ¹⁰ Не верно.
- ¹¹ Его там уже не было.
- ¹² **БМ-21 (Град)** — 40-ствольная система залпового советская огня на базе грузовика **Урал** или **Зил-131 (Град-1)**. Калибр 122 миллиметров. 40 направляющих — четыре ряда по десять труб в каждом (или 36 направляющих на шасси **Зил-131**). Перевод из походного положения в боевое занимает 3,5 минуты. Запуск всех снарядов производится в течение 20 секунд. Дальность стрельбы — до 20 км. Время залпа — 20 секунд. Экипаж — 6 человек. Назначение — уничтожение живой силы и небронированной техники. Запас хода — 1000 км. Скорость — 85 км в час. Выпускалось с 1965 года. Более 2000 **БМ-21 Град** было экспортировано за рубеж. Ныне производится по лицензии в различных странах мира. В 1990-х годах к **Граду** были созданы принципиально

новые образцы боеприпасов, что увеличило дальность стрельбы до 38–40 км.

¹³ **АН-22 Антей** — тяжелый военно-транспортный самолет. Производился в СССР с 1967 года. Оснащен четырьмя турбовинтовыми двигателями. Назначение — десантно-транспортные операции. Экипаж 5–6 человек. Перевозит от 60 до 80 тонн грузов (151 десантника или 292 солдата или 202 раненых, или 1 танк или 4 **БРТ** или 4 **БМП**). Единственный в мире сверхтяжелый транспортный самолет способный приземляться и взлетать с грунтовых взлетно-посадочных полос. Скорость — 560–750 км в час. Дальность полета без посадки — до 5200 км. Вооружение — пушка для прикрытия задней полусферы калибром 23 миллиметра.

¹⁴ **Стрела-2М** — переносной зенитно-ракетный комплекс советского производства. Вес ракеты 9,8 кг, длина 1,41 м, радиус поражения воздушной цели — от 800 до 2200 м.

¹⁵ Тех, которые поддерживали **ФНЛА-УНИТА**.

¹⁶ **Фронт освобождения анклава Кабинда**.

¹⁷ **Ил-62** — пассажирский самолет для авиалиний большой протяженности. В различных модификациях производился в СССР с 1967 по 1973 гг. Оснащен четырьмя реактивными двигателями. Скорость — 850 км в час. Дальность беспосадочного перелета — до 10500 км. Экипаж — 5 человек. Количество пассажиров — до 198 человек. Всего было построено свыше 250 самолетов данного типа, из них 75 было поставлено за рубеж.

¹⁸ **Т-55** — танк, создан на базе танка **Т-54Б**. Большой боекомплект, увеличенная емкость баков, противоатомная защита. Выпускался в СССР с 1958 по 1973 гг. Масса — 36 тонн. Мощность дизельного двигателя — 580 лошадиных сил. Вооружение — нарезная пушка **Д-10Т2С** калибра 100 миллиметров с боезапасом на 43 выстрела, и два пулемета калибром 7,62 миллиметров и 12,7 миллиметров (или два пулемета **СГМТ** калибра 7,62 миллиметра). Экипаж — 4 человека. Скорость — до 50 км в час (35 км — по пересеченной местности). Запас хода без дозаправки — 460 км (320 км — по пересеченной местности). Производился по лицензии во многих странах, в частности в Китае под маркой **Т-59** и **Т-69**. Танк **Т-55** до сих пор весьма активно и широко применяется в мире в десятках различных войн и пограничных конфликтах (в частности, в Афганистане и в ряде стран Африки) и знаменит своей простотой и феноменальной надежностью.

¹⁹ Не совсем понятно, когда высадился.

²⁰ **Т-34** — средний танк **Т-34-85** (является модификацией танка

Т-34-67 – пушка калибром 67 миллиметров, который производился в 1940–1943 гг.). Танк **Т-34-85** производился в 1944–1946 гг. в СССР и до 1958 г. по лицензии в Польше, Чехословакии и Югославии. Танк **Т-34** по праву считался лучшим и самым массовым средним танком Второй мировой войны. Экипаж – 4 человека. Вооружение – пушка калибром 85 миллиметров, два пулемета ДТМ калибром 7,62 миллиметра (общий боезапас 1953 патрона). Масса – 31 тонна. Двигатель – дизельный мощностью в 500 лошадиных сил. Скорость – 65 км в час (35 км – по пересеченной местности), запас хода без дозаправки – 350 км (309 км – по пересеченной местности). Участвовал практически во всех войнах второй половины XX столетия и на начало XXI века все еще состоял на вооружении (в резерве) некоторых стран.

²¹ Спорное утверждение.

²² **Маузер** (образца 1898 года и ее более поздние модификации) – немецкая пятизарядная винтовка и карабин (укороченная винтовка) калибра 7,92 миллиметра (патрон 7,92x57) [калибр 7,92 мм, а длина гильзы – 57 мм]. Производилась с конца XIX века, участвовала в обеих Мировых войнах. Встречается в локальных войнах до сих пор.

МЫ БЫЛИ ПЕРВЫМИ НА ЮГЕ АНГОЛЫ

Воспоминания

Владимира Анатольевича ВАРГАНОВА,

полковника в отставке

Родился я в Тамбове в 1938 году. Мой отец в то время был авиатехником Тамбовского авиационного училища им. М. Расковой, а в конце службы – преподавателем Кировоградского училища летчиков дальней авиации. За десять лет учебы я поменял семь школ. После окончания школы поступил в Сумское военно-техническое училище войск ПВО и окончил его с отличием в 1959 году. Офицерскую службу начал с должности командира огневого взвода 709-го зенитно-ракетного полка 1-го корпуса Московского округа ПВО. Это была первая зенитно-ракетная система **С-25** с ракетами 205, 207, 217, мощная система противовоздушной обороны столицы, в которую входило 56 зенитно-ракетных полков, стоящих в два кольца вокруг Москвы, по 60 пусковых установок в каждом полку.

В полку прослужил 10 лет, занимая последовательно должности секретаря комитета ВЛКСМ¹, начальника клуба полка, заместителя командира зенитно-ракетного дивизиона по политической части. С последней должности в 1967 г. поступил в ВПА (Военно-политическую академию) им. В.И. Ленина на 3-й факультет – «ПВО страны». Окончил академию в 1973 г. с отличием и был направлен в КДВО (Краснознаменный Дальневосточный военный округ) заместителем командира зенитно-ракетного полка по политической части (поселок Пограничный, недалеко

от города Уссурийска). Через 1,5 года был выдвинут на должность заместителя начальника политотдела 40-й мотострелковой дивизии, затем начальника политотдела дивизии, которая отмотобилизовывалась в случае военной опасности. Вот с этой последней должности в звании подполковника в октябре 1976 г. я был отправлен в спецкомандировку в Народную Республику Ангола (НРА)

Предыстория поездки такова. В то время наши советники были во многих странах «с жарким, сухим климатом» (Египет, Ирак, Мали, Сомали и др.).

В августе 1976 г. я улетел со старшей дочерью в отпуск в Воронеж. Через два дня получаю телеграмму от жены: «Закажи разговор с начальником отдела кадров». Заказываю и слышу:

– Володя, разнарядка в страну с сухим жарким климатом.

– Какую?

– Не телефонный разговор.

– Надо подумать...

– Время на раздумья – время заказанного разговора, но твоя жена согласна, я с нею говорил.

– Ну, раз боевая подруга не против, согласен.

– Тогда немедленно вылетай.

Оставляю дочь у бабушки. В аэропорту меня встречает машина, еду в отдел кадров армии, заполняю шесть анкет, фотографируюсь.

Продолжаю отпуск на месте. Конец августа, надо вызывать дочь, скоро учеба. Родственникам, отправляющим восьмиклассницу, не дают билет в «закрытый порт Владивосток», хотя у нее воинское требование. Начальник штаба дивизии дает телеграмму, подтверждающую подлинность проездных документов и личность моей дочери, у которой никаких документов нет. Наконец, ей дают билет, сажают в самолет, и мы ее встреча-

ем, уже 3 сентября. Служба идет. Периодически звоню: «Ну, как?» — «Пока никак!».

1 или 2 октября, в воскресенье, звонят из отдела кадров: «10 октября быть в Москве, бумаги придут, пока рассчитывайся».

В срок уложился с большим трудом. В Москве разместили в гостинице. Шесть дней в «десятке»² проводили с нами занятия, объясняли военно-политическую обстановку в Анголе, задачи, которые предстоит решать, структуру создаваемых регулярных частей и подразделений, переодели в гражданское, выдали загранпаспорта без визы (чему удивлялись пограничники в Шереметьево). В последний день перед отлетом пригласили всю группу (13 человек) в ЦК КПСС, где один из инструкторов встретился с нами, пожелал успеха и выразил надежду, что с задачей мы справимся.

16 октября вылетели в Луанду (через Каир, Хартум, Банги, Браззавиль). В Луанде нас встретили у трапа самолета. Мы сели в автобус и отправились в нашу военную миссию. Паспорта у нас отобрали, выдали кубинскую форму без знаков отличия. Затем был вновь инструктаж. Подъезжали другие группы. Вскоре нас распределили по округам. В 5-й (Южный) военный округ были назначены:

полковник **Оганесян Л.Т.** — советником командующего округом,

подполковник **Варганов В.А.** — советником политкомиссара округа,

подполковник **Махно И.Г.** — советником начальника разведки,

подполковник **Горев В.Н.** — советником начальника связи,

подполковник **Губин Ю.В.** — советником начальника артвооружения,

подполковник **Бондаренко Н.Н.** — советником начальника ПВО.

На каждую группу выделили по два переводчика; в нашу — **Синякова С.А.** — курсанта военного института и **Сальникова И.Г.** — с испанским языком, призванного из запаса.

В таком составе мы начали работу. Постепенно группа пополнялась другими советниками по мере их прибытия в Анголу. К концу второго года с начала нашей работы, в 1977 г., в округе было 18 советников. В 1-ю пехотную бригаду (Россадеш) прибыли: **Аношин С.А., Гуров А.А., Тулов Н.И., Данилов А.А.**; во 2-ю мотопехотную бригаду (Матала), **Шевчук П.К., Ледков В.Н., Деркач А.А., Иванов А.В.**

26 октября 1976 г. мы прибыли в Лубанго в сопровождении представителей Генерального штаба **ФАПЛА**. Встречали нас командующий войсками округа майор **Ивади (Жоау Лунги)**, политкомиссар округа **Сантуш (Педру Себастьян душ Сантуш)**, начальник штаба округа майор **Самбаланга (Рафаэль Сапильнья)** и другие. (См. фото в Приложении). Они выразили большое удовлетворение в связи с нашим прибытием, сказали, что нас давно ждут, показали город, покормили в ресторане. Выразили сожаление, что наше жилье пока не готово и предложили один-два дня пожить в гостинице «Маконжа», которая была под «патронажем» кубинцев. Весь персонал гостиницы был кубинский.

Темнеет в тропиках рано. Устав за день от переездов и новых впечатлений, мы легли спать. Среди ночи поднялась страшная стрельба. Собрались все вместе, понять ничего не можем, мы без оружия, кто стреляет, откуда, в кого? Стрельба стихла. До утра просидели в раздумьях. Позже привыкли — стрельба была практически каждую ночь.

Прожили в «Маконже» мы почти два месяца, до при-

езда жен. По разным причинам жены приехали только к шести советникам из восемнадцати.

Согласно договору, ангольская сторона должна была предоставить нам жилье со всеми удобствами. Но сделать это в Лубанго они были просто не в состоянии. Предлагали нам коттеджи, брошенные португальцами. В бытность португальских хозяев — жилье элитное (2–3 этажа, 10–12 помещений, бассейн, садик, цветник и т.п.), но теперь в большинстве своем разграбленное. От этого жилья мы отказались, сославшись на то, что привыкли жить вместе. Со временем мы осмотрелись, познакомились с комиссаром провинции. В конечном счете, нам выделили 6-этажный дом, недавно отстроенный, со всеми удобствами и даже с лифтом. В нем ещё никто не жил. Обустроиться нам вновь помогли кубинцы: привезли кровати, матрасы, холодильники, газовые баллоны, столы, стулья. Больше нам ничего и не нужно было.

В Лубанго стоял штаб группы и несколько кубинских подразделений. Возглавлял его бригадный генерал **Ферейра**, начальником штаба группы был майор **Фернандо**, который окончил академию им. М.В. Фрунзе и хорошо говорил по-русски. У нас с кубинцами сложились самые теплые, деловые отношения. Мы часто общались, проводили совместные мероприятия, оказывали помощь в обучении ангольцев. Кубинцы успокаивали нас, когда мы сетовали на то, что плохая отдача от нашей работы. «Мы, — говорил майор **Фернандо**, — сами были такими. Как увидим своего советника, стремимся улизнуть куда-нибудь, чтобы не получить новую вводную. Потом поняли — и ангольцы тоже поймут».

Когда наш командир **Л.Т. Оганесян** попал в автомобильную аварию, «увернувшись» от лобового удара с грузовиком **Скания**, генерал **Ферейра** выделил трех кубинских водителей со своими автомобилями (**Газ-24**),

нашли ангольца — водителя грузовика (он оказался **уни-товцем**). При любых осложнениях обстановки кубинцы выставляли пост у нашего дома (обычно его охраняли ангольцы). Бригадный генерал **Ферейра** прямо сказал, что его задача, «чтобы с советскими ничего не случилось». Зная наши трудности с нехваткой переводчиков, он нашел солдата-резервиста, который учился в СССР, был женат на русской девушке и фактически прикомандировал его к нам.

7 ноября 1976 г. в Лубанго, в самом большом кинотеатре «Аркаирис» был проведен анголо-кубино-советский митинг, посвященный 59-й годовщине Октября. От нашей стороны выступил я. Это было мое первое публичное выступление в Анголе. В последующем мне и офицерам группы пришлось выступать десятки раз в городах провинций: на митингах Организации ангольских женщин (**ОМА**), профсоюзов, молодежных организаций, кооперативов, на местных праздниках. В информационно-пропагандистскую работу (так она у нас называлась) нас просто «втягивали». Лучшим подарком с нашей стороны был портрет **В.И. Ленина**. Большой цветной портрет. Рамки нам делали на мебельной фабрике. За год подарили 100 портретов.

На митинге аудитория вела себя очень эмоционально. Ещё до перевода, услышав слова «социализм», «революция», «октябрь», кто-то в зале вскакивал и кричал: «Вива советику!», «Вива сосиализму!» «Абайшу империализму!» [долгой империализм], и весь зал скандировал лозунг. Так повторялось много раз в ходе выступлений.

На выходе из зала с рукопожатиями и поздравлениями с праздником на чистом русском языке буквально бросился к нам очень симпатичный анголец. Познакомились — **Мануэл Дефуила** окончил университет им. Патриса Лумумбы, позднее — проректор филиала Лу-

андского университета. Здесь же была и его жена **Стелла**, колумбийка, белая. Поженились во время учебы в СССР. Впоследствии мы часто встречались, в том числе и в семейном кругу. Беседы с ними помогали разобраться в политической обстановке в стране, настроениях, узнать детали, быт и традиции народа.

Главная задача, которая была поставлена перед нами: укомплектовать организационно-штатную структуру управления округа и частей окружного подчинения личным составом и обучить выполнению функциональных обязанностей. Задача непростая. Структура есть, а кадров, в первую очередь офицерских, нет. Немного положение улучшилось после первого выпуска училищ — командного в Уамбо и военно-политического в Луанде. Сложности были и с рядовым составом — большинство были неграмотны, не знали португальского языка.

1977 год в национальном масштабе был объявлен Годом борьбы с неграмотностью. Во всех ротах были созданы школы. И хотя не хватало тетрадей, ручек, учебников, учились с энтузиазмом, порой писали палочкой на земле. Каждому грамотному была поставлена задача: обучить грамоте одного-двух товарищей.

И хотя мы ежемесячно докладывали Главному военному советнику истинное положение дел, иногда получали невыполнимые указания. Например — провести ротные тактические учения, а проводить-то их пока не с кем!

Осложнилась наша работа после попытки государственного переворота 27 мая 1977 г., причиной которого стала фракционистская борьба внутри Политбюро МПЛА. Возглавил оппозицию **Ниту Алвеш (Алвиш)**. Какая-то часть военнослужащих **ФАПЛА** разделяла его взгляды. В чем суть разногласий, мы не знали. Только после разгрома оппозиции появилось большое количе-

ство публикаций о фракционизме **Ниту Алвеша** и его сторонников. Несколько человек было арестовано и в нашем округе, в том числе мой подсоветный политкомиссар округа, член ЦК и Революционного совета **Сантуш**, начальник ПВО, ещё девять человек, которых мы лично знали. Наверное, было много и неизвестных нам, в том числе гражданских лиц. От вопросов на эту тему командующий округом майор **Ивади** уходил. Поэтому дальнейшая судьба их нам не известна. Из неофициальных источников — многие были расстреляны на краю ущелья Туандавала (глубина более 400 м).

К сожалению, надо сказать, что многие из расстрелянных учились в Советском Союзе.

После майских событий мы наблюдали некоторую настороженность подсоветных к нашим рекомендациям. Они не спешили их выполнять, ожидая подтверждения из центра, а оно, как правило, запаздывало на месяц.

В июле 1977 г. в Уамбо проводилось 1-е совещание политработников **ФАПЛА**, которое определило задачи по разъяснению политической обстановки и подготовке к I-му съезду **МПЛА**.

Большое впечатление произвел на нас секретарь ЦК **Лусио Лара**, внешне очень похожий на **Ф.Э. Дзержинского**, такой же целеустремленный и самоотверженный. После завершения работы совещания он собрал советников политкомиссаров всех округов и видов войск, выслушал наши пожелания и предложения. Совещание началось в 22.45 и окончилось в 0.30. Работали при газовых фонарях, так как отряды **УНИТА** вновь взорвали несколько высоковольтных мачт.

Вот моя сохранившаяся запись заключительного слова **Л. Лара** по итогам совещания.

«Он поблагодарил советников за работу, стремление передать свои знания, а так же сообщил, что:

– предложения и критические замечания помогут решить ряд важных вопросов, которыми должен срочно заняться **Дино Матрос**³, политкомиссар **ФАПЛА**, назначенный вместо **Бакалова**, казненного после попытки переворота;

– все проблемы будут доведены до Политбюро, ЦК, министра обороны, будут приложены все силы, чтобы исправить положение;

– вопросы материального обеспечения (тетради, фото, канцтовары) не являются слишком сложными, их можно решить оперативно;

– будут закуплены кино клубы;

– учеба всех офицеров в системе политучебы обязательна;

– кадровые вопросы будут решены в ближайшее время;

– создание культурных центров в армии полезно, агитбригады необходимо стимулировать;

– подчинение политкомиссаров **ЦК МПЛА** будет решено в ближайшее время;

– неисполнительность будет тщательно расследоваться;

– должности комиссаров рот будут заполнены;

– присвоение воинских званий будет решено в ближайшее время;

– судьба 9-й бригады (бригада перешла на сторону **Н. Алвеша**) пока не решена, но кубинцы действовали правильно – разоружили и изолировали бригаду;

– проблема учебников будет решена;

– будут приняты строгие меры к руководителям, нерадиво выполняющим свои обязанности;

– национальный политкомиссар и его заместитель будут в составе Политбюро, а их директивы будут рассматриваться в ЦК;

– враждебные книги будут изъяты;

— подготовка к I съезду **МПЛА** осложнилась, но будет проведена до конца года».

Решения совещания, как впоследствии и I съезда **МПЛА**, значительно помогли нашей работе, мы опирались на них, «рассеивая» сомнения подсоветных в правильности наших рекомендаций.

Большое впечатление осталось от встречи с **Фиделем Кастро** во время его визита в Анголу в 1977 году. В один из дней визита он посетил Лубанго. На площади перед комиссариатом провинции собралось около 3000 человек, многих привезли из других городов провинции. Встречу обеспечивали кубинцы. На аэродроме был выстроен почетный караул, прибывший накануне из Луанды. На крышах вдоль трассы — автоматчики. Но приехал **Фидель** с другой стороны: из Мосамедеша. Более 200 км по пустыне преодолел кортеж из 12 желтых **мерседесов**. На въезде в город, в парке, его встречало руководство провинции, кубинское командование и кубинские советники (они работали в профсоюзах, молодежных организациях, Организации ангольских женщин), пригласили и меня с командиром. Кортеж остановился (охрана выскочила ещё на ходу), **Фидель Кастро** довольно бодро вышел из машины. Комиссар провинции представил каждого встречающего (их было человек 20), каждому **Фидель** пожал руку, перебросился несколькими фразами со своими и предложил ехать к народу. На митинге он был очень тепло встречен и говорил около двух часов. На каждый его вопрос, реплику, реакция была моментальная и бурная. Описать это невозможно. Надо видеть и слышать.

Вечером **Фидель** встречался с личным составом кубинской группы. Стоял строй солдат и офицеров (человек 200—250) перед импровизированной трибуной. На трибуне — командование полка, приглашенные (так принято), **Фидель** стоит перед строем и непринуж-

денно беседует. Солдаты курят, задают вопросы, — он отвечает. Никакого пафоса, отеческий разговор. Начал моросить дождь. Принесли зонтик, но **Фидель** от него отказался. Встреча длилась минут 35—40. В конце **Кастро** поблагодарил кубинцев за службу. Потом был прием у комиссара провинции — с пивом, ромом «Гавана клуб», тостами и здравницами. Ночью **Фидель** улетел в Луанду.

В 1977 г. прибыл в Анголу новый главный военный советник (ГВС) генерал-лейтенант **В.В. Шахнович**. До этого он командовал армией в Ереване, был главным военным советником в одной из африканских стран; генерал опытный и корректный. Посетил все военные округа и разобрался с обстановкой на месте. 8 декабря 1977 г. посетил и наш округ. **В.В. Шахнович** переориентировал нашу работу. Главной задачей поставил формирование и обучение штаба округа, а не занятия с солдатами. Посоветовал от «ротных тактических учений» перейти к одиночной подготовке и провести стрельбы из стрелкового оружия с командованием округа. Подготовил стрельбы советник по артиллерийскому вооружению **Ю. Губин**. Результат был неожиданным — никто из командования округом не попал в мишени. Больше всех был поражен командующий округом, участник двух войн майор **Ивади**. Как всегда, сначала посетовали на оружие. Но когда **Ю. Губин** из этих же автоматов, из положения стоя, короткими очередями буквально разнес мишени в пух и прах, вопрос об оружии отпал. Подвел ангольцев «партизанский метод» — стрелять, не прицеливаясь, лишь бы было больше шума. Поэтому операции по ликвидации баз **УНИТА** часто прекращались преждевременно (зачастую, безрезультатно) из-за того, что заканчивались боеприпасы и продовольствие.

Для того чтобы не отвлекать войска от плановой боевой подготовки, в округах были созданы школы для

борьбы с бандитизмом, что сразу улучшило борьбу с **УНИТА**. Была такая школа и в нашем округе.

В конце 1977 г. начали прибывать военные советники в бригады. Это позволило нам сосредоточиться на работе со штабом округа и частями окружного подчинения.

Памятной была встреча с президентом **СВАПО Сэмом Нуйомой**. Однажды после обеда кубинцы сообщили нам, что в гостинице **Маконжа** находится президент **СВАПО** и хочет встретиться с нашими представителями. Поехали с **Л. Оганесяном**. Познакомились. Как мы поняли, они ждали приезда советских специалистов, но те задерживались. Вначале **С. Нуйома** выразил благодарность Советскому Союзу за оказываемую помощь в борьбе **СВАПО**. Просил передать лично тт. **Л. Брежнев**у и **А. Косыгину** признательность намибийского народа. Рассказал, что **ЮАР** активизирует борьбу против **СВАПО**, обстреливает лагеря артиллерией. В подтверждение показал 140 мм^s неразорвавшийся снаряд (вечером его подорвали кубинцы). В заключение **С. Нуйома** попросил оказать помощь в скорейшем прибытии специалистов. Встретиться с **Л. Брежневым** и **А. Косыгиным**, конечно, нам не удалось, а в миссию о встрече мы доложили. За что и получили от начальства нахлобучку за несанкционированный контакт. Однако вскоре прибыла группа наших специалистов во главе с полковником **Запутряевым Юрием Сергеевичем**. Буквально на пустом месте они создали учебно-материальную базу в полевых условиях. В группе были в основном специалисты-прапорщики. Готовили саперов, минеров, разведчиков, снайперов. Вскоре резиденция **СВАПО** была перенесена в **Лубанго**; мы часто встречались и были приглашены на празднование 17-й годовщины освободительного движения в один из лагерей **СВАПО**. Был митинг, парад войск, показательные стрельбы, фуршет. Церемонию

снимало шведское телевидение. Вскоре был выпущен цветной буклет «В освобожденных районах и за их пределами (Inside the liberated areas and beyond)». На этом буклете министр обороны **ПЛАН** (вооруженного крыла **СВАПО**) **Петер Наньемба** (секретарь **СВАПО** по вопросам обороны) написал мне приглашение в свободную Намибию. Не довелось...

30 ноября 1977 г. был назначен новый политкомиссар округа капитан **Тони Марта (Антонио Жозе Фернандуш Марта)** (вместо расстрелянного после попытки переворота **Сантуша**), делегат I съезда **МПЛА**. Молодой, 22 года, энергичный, во все вникал, вносил свои предложения.

В декабре состоялся I съезд **МПЛА**. Членами ЦК были избраны командующий округом **Ивади** и начальник штаба округа **Самбаланга**. Материалы съезда публиковались в печати, у нас был перевод Программы и Устава партии. Перед советниками выступил **Тони Марта**, рассказал о том, как проходил съезд, какие решения принял.

Вскоре (8 февраля 1978 г.) в Луанде состоялось II совещание политкомиссаров **ФАПЛА**, на котором выступил президент **А. Нето**. Были поставлены задачи по пропаганде и выполнению Программы партии. Все это значительно упростило нашу работу — теперь мы опирались на их собственные документы.

В программе **МПЛА** был раздел, посвященный национальной обороне и безопасности. В нем, в частности, говорилось о необходимости «активизировать политическую работу в рядах **ФАПЛА**, пропагандировать идеалы марксизма-ленинизма, укреплять партийные структуры внутри армии, связь с народом, воспитывать у военнослужащих и народа в целом боевитость, смелость, готовность к самопожертвованию и героизм... Особое внимание уделять подбору кадров: они должны

быть лучшими сынами народа, преданными МПЛА».

В Лубанго находились наши специалисты-мостостроители – восстанавливали 900-метровый мост через реку Кунене, взорванный в 1975 г. юаровцами при отступлении. Был в их группе врач, кандидат медицинских наук, армянин (фамилии не помню), все к нему по-дружески обращались **Ара**. Стал он и нашим «айболитом».

Поддерживали мы контакт со всеми общественными организациями провинции Уила: принимали участие в митингах, собраниях, рассказывали о нашей стране. В этой работе принимали участие практически все советники. Были и неофициальные встречи. Так, председатель совета провинции **Жозе де Сильва Ферейра Эваришту** пригласил меня и мою жену на свою свадьбу. При прощании **Жозе** выразил нам большую признательность за то, что мы приняли его приглашение, заверил, что никогда этого не забудет. Мы, в свою очередь, поблагодарили его за предоставленную возможность побывать на ангольской свадьбе и пожелали большого семейного счастья.

Интерес к нашей стране был очень большой. Однажды проректор университета, **Мануэл Дефуила**, попросил меня выступить перед студентами. Собралось человек 50. Началась встреча в 22 часа, а закончилась в 1 час ночи. Только вопросы и ответы. Знания о СССР у этих, в общем-то образованных людей, были, практически, нулевыми. Они были поражены размерами нашего государства, когда я на политической карте показал СССР и Кубу. Думали, что все наоборот.

С командиром и начальником штаба **А.И. Игнатенко** были в гостях у начальника школы по борьбе с бандитизмом. Белый, но анголец уже в 5-м поколении. Окончил юридический факультет в Лиссабоне. Его бабушка, узнав, что в гостях будут русские, не находила

себе места. Она думала, что русские огромные, с рогами, ходят в синих спецовках, детей у родителей забирают сразу после рождения и т.п. Прихватили с собой бутылочку «Столичной», разговариваем, потом что-то спели под гитару... Позднее он был переведен в Луанду в министерство юстиции. Как-то мы были в командировке в Луанде и он пригласил нас вновь в гости; угощала нас сама бабушка и со смехом рассказывала, как со страхом наблюдала за нами в шелку при первом нашем посещении.

Поддерживали мы контакт и с болгарскими специалистами сельского хозяйства. У них был на большую группу один профессиональный переводчик. Никаких проблем с общением с ангольцами у них не было. Оказывается, их отправляли не столь спешно, как нас. Все они прошли 3-х месячные курсы португальского языка.

Болгары буквально спасли жизнь советнику политкомиссара бригады **В.Н. Ледкову**. Ему стало плохо, привезли болгарского врача, сняли кардиограмму — предынфарктное состояние. Разложили сиденье в **Волге [Газ-24]**, уложили советника и отправили в госпиталь.

В 1977 г. было решение нашего правительства о взятии на продовольственное содержание ангольской армии на один год. О наших советниках как-то не подумали, а в некоторых провинциях, да и в Луанде, просто нечего было купить. В нашей же провинции хорошо было развито сельское хозяйство. В кооперативах можно было купить мясо, овощи, фрукты. Мы всегда помогали «заготовителям» из Луанды и округов, приезжающих попутными рейсами — давали машину, сопровождающего.

Однако, о постановлении... Нам было предписано пропагандировать эту акцию советского правительства. Проверяя продовольственную службу и склады, мы обнаружили на них сосиски в банках — немецкие,

рыбные консервы — испанские, сухое молоко — французское, компоты — болгарские, серые макароны в ящиках — наши. Ангольцы с недоверием воспринимали объяснения, что продукты закуплены нашей страной с целью более быстрого снабжения **ФАПЛА**.

4 мая 1978 г. юаровская авиация бомбила лагерь **СВАПО** на юге Анголы. Касингу — **СВАПО** — бомбили в 6.30 утра во время построения для подъема флага. После бомбежки был высажен парашютный десант с трех транспортных **Геркулесов**⁶, который довершил расправу над мирными жителями лагеря и подразделениями **ПЛАН**, его охранявшими. Погибло более 1000 человек. Пытавшаяся оказать помощь кубинская группа, выдвинутая из района Чамутете, на марше при подходе к Касинге подверглась удару авиации ЮАР. Кубинцы понесли большие потери: 16 убитых, 71 — раненый, уничтожено 3 танка, 1 **БРДМ**⁷, 7 автомашин. Южноафриканский десант был поднят 16-ю вертолетами. Были увезены убитые, раненые, пленные. Брошенные парашюты (более 20 штук) были с простреленными куполами, что говорит об оказанном подразделениями **ПЛАН** сопротивлении.

В этот же день было уничтожено несколько мелких баз **СВАПО**, юаровские истребители **Миражи**⁸ осуществили облет Лубанго и учебного центра. Эффективных средств ПВО у ангольцев ещё не было.

В Лубанго действовало **унитовское** подполье, которое руководило бандформированиями на территории округа. Распространяли листовки, в которых призывали убивать советских и кубинцев, ставших «новыми колонизаторами» Анголы. **Унитовцы** устраивали засады на дорогах, минировали дороги, угоняли скот у мирных жителей.

За две недели до окончания командировки погиб советник начальника штаба округа (в Уамбо) **Николай** (фа-

милию не помню). **Николай** и его спутники поехали на полигон. Впереди грузовик **Урал-375**¹⁰ с охраной, за ним **Волга ГАЗ-24**. **Николай** за рулем, с ним переводчик и кубинский советник. Проселочные дороги очень пыльные. На обратном пути **Волга** пошла первой. Фугас подорвался под левым передним колесом. **Николай** погиб сразу. Его попутчики отделались тяжелой контузией.

...Командировка близилась к завершению. Со своим сменщиком я встретился в Луанде. Мы улетали самолетом, на котором прилетела их группа. Все, чем мог помочь ему – передал свою рабочую тетрадь.

Я был представлен к досрочному присвоению звания «полковник», но чиновники из «десятки» заменили это поощрение медалью «За боевые заслуги», объяснив, что звание «полковник» не в компетенции министра обороны. Знатоки устава! В Политуправлении сухопутных войск удовлетворили мою просьбу пойти на преподавательскую работу, направили на Высшие офицерские курсы «Выстрел» имени маршала Советского Союза Б.М. Шапошникова. Я преподавал курс политической работы группе политработников из Конго, Афганистана, нашим заместителям командиров батальонов по политической части. Был преподавателем, старшим преподавателем, начальником цикла «Истории КПСС и партийно-политическая работа». Награжден орденом «За службу Родине в Вооруженных Силах» III степени.

Прошло 30 лет! Иных уж нет... Работа в Анголе оставила неизгладимое впечатление. Богатая, красивая страна, в которой есть все – нефть, алмазы, руда с 85%-м содержанием железа. Богатая земля, на которой растут все тропические и все европейские культуры, и которая может, по оценкам специалистов, кормить всю Африку; трудолюбивый, но в то время бедный народ, упорно преодолевающий наследие колониализма.

Мир тесен. Так, в Анголе, в беседе с командиром президентского самолета **Ан-24** я узнал, что он учился у моего отца в Школе высшей летной подготовки в Кировограде. Во время служебной командировки, в июне 1985 г., по изучению опыта политической работы в боевой обстановке в Кабуле, я встретился с **С.М. Смирновым**, уже генерал-лейтенантом, начальником политотдела ВДВ. Генерал-лейтенант **В.В. Шахнович** после Анголы вернулся на курсы «Выстрел» заместителем начальника генерал-полковника **Д.А. Драгунского**. На полигоне этих же курсов встретился с **Ю.С. Запутряевым**, который готовил очередную группу специалистов для одной из африканских стран.

Надеемся, что «Союз ветеранов Анголы» сделает встречи ветеранов регулярными. Нам есть, что вспомнить!

Сноски

¹ Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи.

² 10-е Главное управление Генерального штаба

³ **Дино Матрос – Жулио Матеуш Пауло**. В то время был назначен начальником Политуправления **ФАПЛА**.

⁴ В Сомали.

⁵ Снаряд калибра 140 мм от южноафриканской гаубицы **G-2**. Дальность выстрела гаубицы – 16460 м (21000 м – улучшенная версия).

⁶ **Геркулес (С-130 Hercules)** – многоцелевой военно-транспортный самолет, производство США. Выпускался с 1956 года. Экипаж – 4–5 человек. Перевозит до 92 солдат, 64 десантника или 74 раненых или 19,3 тонн груза. Скорость – 600 км в час. Дальность полета без дозаправки – до 7800 км (до 3539 км с максимальной загрузкой). Поставлялся в ЮАР с 1960-х годов (девять **С-130В** и три **С-130F**).

⁷ **БРДМ-2** – бронированная разведывательно-дозорная машина. Выпускалась в СССР с 1969 по 1989 гг. Масса – 7 тонн. Броня – 6–10 миллиметров. Вооружение – 14,5-мм пулемет **КПВТ** (500 патронов),

7,62-мм пулемет **ПКТ** (2000 патронов) и **ПТУРСы** (противотанковые управляемые реактивные снаряды). Скорость — до 95 км в час, по воде — 10 км в час. Экипаж — 4 человека. Запас хода без дозаправки — 750 км.

⁸ **Мираж F I (Mirage F I) (Mirage F I CZ** — его всепогодный вариант) (**Mirage F I AZ** — истребитель-бомбардировщик) — сверхзвуковой истребитель-бомбардировщик (тактический истребитель) французского производства. Назначение — нанесение ударов по наземным целям и завоевание господства в воздухе. Длина самолета — 15 м. Высота — 4,5 м. Вес — 14,9 т. Радиус действия на средних высотах с боевой нагрузкой 800 кг — от 700 до 900 км. Производился с 1971 г. Поставлялся в ЮАР с 1974 (1975) г. Оснащен одним реактивным двигателем. Экипаж — один человек. Скорость — до 2300 км/ч (1470 — у земли). Практический потолок — 18 500 м. Перегоночная дальность — 3300 км. Радиус действия на больших высотах с боевой нагрузкой 3000 кг — 500 км. Максимальная боезагрузка — 3650 кг. На небольших дальностях полета оснащался восемью бомбами по 400 кг (четыре размещаемые под крыльями и четыре под фюзеляжем). Оснащен двумя авиационными пушками калибра 30 мм (30x113В) **ДЕФА 553 (DEFA 553)**, размещаемых в корпусе, и одной управляемой ракетой **AS-20** или **AS-30** и двумя управляемыми ракетами **Матра R.530** класса «воздух-воздух» (радиус 15–20 км), размещаемых под крыльями на пилонах или двумя управляемыми ракетами **V-3S Snake (Змея)**, радиусом от 500 м до 15 км или двумя управляемыми ракетами **V3B (Kukri)** радиусом от 300 до 2000 м (до 4000 м на больших высотах) и двумя управляемыми ракетами **Матра Маджик R.550** класса «воздух-земля» (радиус 0,32–9,98 км) и 72 неуправляемыми авиационными ракетами (**НАР**) калибра 68 мм **SNEB** в четырех пусковых установках Туре 155 (по 18 неуправляемых ракет в каждой), размещаемых на пилонах под крыльями. На вооружении ВВС Франции и ряда стран Африки. В ЮАР было поставлено 18 (16) самолетов **Мираж F I**.

Мираж F III (Mirage F III CZ) (Mirage F III BZ) (Mirage F III EZ, Mirage F III DZ, Mirage F III D2Z истребитель-бомбардировщик) — французский сверхзвуковой истребитель-бомбардировщик (тактический истребитель). Назначение — нанесение ударов по наземным целям и борьба с воздушными целями. Производился с 1960 г. Поставлялся в ЮАР с 1963 (1965) г. Оснащен одним реактивным двигателем. Экипаж — один человек. Скорость — до 2350 км/ч (1300 — у земли). Практический потолок — 17000 м. Перегоночная дальность — 2800 км. Длина самолета — 13,85 м. Высота — 4,2 м. Вес — 14,9 т. Радиус действия на средних высотах с боевой нагрузкой 800 кг — от 290

до 700 км. Оснащен двумя авиационными револьверными пушками **ДЕФА 552 (DEFA 552)** калибра 30 мм (30x113В), размещаемых в фюзеляже, одной управляемой ракетой **AS-20** или **AS-30** (радиус от 2,6 до 10 км) «воздух-земля», одной управляемой ракетой **Матра R.530** «воздух-воздух» (радиус 15–20 км), размещаемой под фюзеляжем, и двумя управляемыми ракетами **Матра Маджик R.550** «воздух-земля» (радиус 0,32–9,98 км) — оснащена инфракрасной головкой наведения (позднее была заменена ракетой **Кукри (V3A Kukri)** — радиус от 0,3 до 4 км и двумя управляемыми ракетами **Сайдвиндер** «воздух-земля» и 36 неуправляемыми авиационными ракетами (**НАР**) **SNEB**, калибра 68 мм в двух пусковых установках **Туре 155** (по 18 неуправляемых ракет в каждой), размещенных в пилонах под крыльями или 36 неуправляемыми авиационными ракетами (**НАР**) калибра 68 мм **SNEB**, размещенными в двух пусковых установках **JL 100** по 18 ракет в каждой установке, размещенных в пилонах под крыльями. На небольших дальностях полета оснащался четырьмя бомбами по 400 кг (две размещались под крыльями и две под фюзеляжем). Состоял на вооружении ВВС Франции, Пакистана и многих африканских стран. В ЮАР было поставлено 57 **Миражей F III** различных модификаций.

⁹ **Урал 375Д** — шестиколесный (3x3) полноприводной грузовик высокой проходимости советского производства грузоподъемностью в четыре тонны (4,8 тонны на шоссе) с изменяемым давлением в шинах. Выпускался в различных модификациях с 1961 года. Оснащен карбюраторным (бензиновым) двигателем. Вес (с полной загрузкой) — 13 200 килограмм. Длина — 7,3 метра. Высота (кузова) — 2,98 метра. Скорость — до 80 км в час. Пробег без дозаправки — 670 км. Преодолевает траншеи шириной до 70 сантиметров, препятствия высотой до 80 сантиметров и водные преграды глубиной до 1,5 метров. Использовался как пушечный тягач (артиллерийские орудие **Д-30**), как шасси для установки систем залпового огня **БМ-21**, как перевозчик боеприпасов, как пожарная машина, как бензозаправщик, как полевая пекарня и кухня, для перевозки различного электронного оборудования, для перевозки полуприцепов и работы в условиях Крайнего Севера. Экспортировался во многие страны мира. За превосходную проходимость заслужил лестное прозвище «Король джунглей». С 1973 года выпускался с дизельным двигателем типа **ЯМЗ-740** от грузовика **КамАЗ** (под маркой **Урал-4320**). В Анголе использовались и **Урал-375** (с бензиновым двигателем) и **Урал-4320** (с дизельным двигателем).

4 мая 1977 г. После резни в лагере беженцев Касинга

Парашютным десантом войск ЮАР 4 мая 1977 г. был уничтожен лагерь беженцев СВАПО в Касинге (юг Анголы)

Кубинская колонна ГАЗ-66, выдвигавшаяся на помощь Касинге и уничтоженная юаровской авиацией на марше.

4 мая 1977 г., Касинга.

После налёта ЮАР на Касингу 4 мая 1977 г. Уничтоженный и сгоревший **Зил-131**.

Кубинская рота, высланная на помощь беженцам в Касинге из Чамутети, была уничтожена на марше 4 мая 1977 г. авиацией ЮАР. (Десант ЮАР был поднят вертолетами.)

На снимке: уничтоженный **БТР-60 ПБ**.

Ангольские новобранцы из Лубанго заходят в **Ан-12** для отправки в Луанду. 1977 г.

Ангольцы у **Газ-24 (Волга)**.

Подполковник **В.А. Варганов** в гостях
у семьи командира зенитного взвода.

В саду.

Вилла Паула. Приготовление пищи на костре.

Взорванные пролёты 900-метрового моста через реку Кунене.

Военные советники политкомиссаров видов войск и военных округов.

Во время ликвидации отрядов **УНИТА** в районе Перейра-ди-Эса. Командир кубинской группы полковник **Флейта** (в первом ряду второй справа).

Выпуск школы по борьбе с бандитизмом в Умпата.

Встреча с местным населением в национальном парке Иона.

Жилой дом
военных
советников в
городе Лубанго.
На крыше — экран
для просмотра
кинофильмов.

Паромная переправа.

Луанда 1977 г. Парад войск по случаю II годовщины
независимости Анголы.

Лёгкий обед с **Георгием Петровичем Перцовым**, советником
начальника артиллерии округа, в ожидании самолёта в
аэропорту Луанды.

Луанда. Инструктаж военных советников. Град-П.

Луанда. Показ военной техники. Инструктаж военных советников. Град-П.

Луанда. Инструктаж военных советников и показ военной техники. ПТУРС «Малютка».

Луанда. Показ военной техники. На борту эсминца.

Лубанго. Могилы кубинских военнослужащих. Очередное захоронение.

Лубанго. Майская демонстрация 1978 г.

На встрече с местным населением.

На берегу реки Кунене.

На плотине электростанции. Район ответственности 2-й бригады. Плотина и электростанция на реке Кунене.

На отдыхе в доме офицеров в Лубанго.

На фоне **Ан-12**, развозящего советников по округам после семинара в Уамбо. 1978 г.

На понтонной переправе через реку Кунене. 900-метровый мост был взорван войсками ЮАР в 1975 г. Впоследствии восстановлен нашими мостостроителями и вновь взорван **УНИТА**.

Наши строители приступили к восстановлению моста
через р. Кунене.

Национальный парк Иона. Сидят: советник по
артвооружению **Ю. Губин** и переводчик **И. Сальников**.
Стоят: болгарские врачи и советники по сельскому хозяйству.

Обход войск советской военной делегацией в 1-й бригаде.
Остановка по пути во 2-ю бригаду в г. Матала.

Обход войск советской военной делегацией в 1-й бригаде.

Пленные наёмники. 1976 г.

Пеу-Пеу в танковой роте 1-й бригады. На заднем плане Т-34.

«Посильная помощь» летчикам **Ан-12** в подготовке к вылету.

Понтонная переправа через реку Кунене
(900-метровый мост, взорванный юаровцами).

Наши постоянные спутники - кубинские водители:
Емельяне, Раэль, Филиппе. Второй слева **В.А.Варганов.**
Лубанго. Январь 1977 г.

Делегация политкомиссариата 5-го военного округа
с национальным политкомиссаром команданте **Дину**
Матросом после окончания II национального семинара
политработников **ФАПЛА.** Июль 1977 г.

Приятно после 110 км езды по «ничейной земле» отдохнуть на привале в расположении кубинского поста.

Присвоение офицерских званий участникам 1-й и 2-й освободительных войн. Лубанго. Май 1977 г.

С министром обороны **СВАПО Питером Наньембо**
(в центре). Лубанго. 1978 г.

Подполковник **В.А. Варганов** с местным населением. 1978 г.

Собрание, посвящённое 60-й годовщине Октября. 1977 г.
Выступает **Тони Марта**.

Самолёты. Уамбо, 1978 г.

Совместная недельная поездка с целью рекогносцировки по населенным пунктам провинции Мосамедеш руководства провинции во главе с комиссаром, болгарскими врачами, военными советниками.

Советская военная делегация в Луанде. 1978 г.

Полковник В.А. Варганов у Ми-8.

Таким предстал перед нами отряд ФАПЛА. 1976 г.

Фидель Кастро в порту.

Лубанго. Встреча **Фиделя Кастро** и **Агостиньо Нето** на центральной площади города.

Фиделю Кастро рассказывают о битве при Кифангондо.

Визит **Фиделя Кастро** в Анголу. 1977 г.

Форд после попытки таранить его грузовиком **Скания**.
В кабине командир окурга **Л. Оганесян**
и переводчик **И. Сальников**.

ТРУДНЫЙ, НО ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ВАЖНЫЙ ПЕРИОД ЖИЗНИ

Воспоминания

Анатолия Николаевича БУРЕНКО,

*генерал-майора, профессора, доктора военных наук,
действительного члена Академии военных наук*

Моя командировка в Анголу продолжалась ровно один год: с июля 1977 г. по июль 1978 г. Работал там в качестве советского военного специалиста по подготовке бойцов Африканского союза народа Зимбабве (ЗАПУ), входившего вместе с Африканским национальным союзом Зимбабве в Патриотический фронт этой страны. Группа советских военных специалистов (СВС) при ЗАПУ в Анголе состояла из 12 человек. В ее состав входили: подполковник **Пенин Владимир Григорьевич** — старший группы, подполковник **Фидаров Афако Пациевич** — начальник штаба, подполковник **Бордуков Вадим Феодосьевич** — заместитель старшего группы по тылу. Автор статьи был в звании капитана, заместитель командира группы по политической части.

В то время лагеря ЗАПУ находились в Замбии и Анголе. В Анголу прибывало до 2000 человек для прохождения боевой подготовки. Продолжительность подготовки была два месяца. Программа боевой подготовки включала тактику подразделений: группы, отделения, взвода, роты. Занятия заканчивались проведением ротных тактических учений с преодолением водной преграды.

Лагерь, где проводилась боевая подготовка, находился в 18 км от населенного пункта Луэна (быв. Вила-Лузу), рядом с деревней Бома. Советские военные специалисты располагались в лагере совместно с бойцами

ЗАПУ и делили с ними все трудности и лишения полевых условий. Вместе с **СВС** были и кубинские военные специалисты, задача которых заключалась в организации и всестороннем обеспечении боевой подготовки. С благодарностью вспоминаются кубинские товарищи, которым были присущи деловитость, профессионализм, веселый характер, порядочность и дружеское отношение к советским военным специалистам.

Африканский союз народа Зимбабве в то время ставил задачу: свержение вооруженным путем расистского режима Южной Родезии и захват власти в стране. В связи с этим требовалось подготовить за короткое время большое количество бойцов, умеющих владеть стрелковым оружием и тактически грамотно действовать в составе подразделений. Оттого и задача **СВС** заключалась в обучении бойцов и командиров **ЗАПУ** тактике действий регулярных войск. Однако определенное внимание уделялось и тактике действий партизан, применение которой потребовалось бы в случае временных неудач регулярных войск. Всего в течение года наша группа подготовила более 10 тысяч бойцов и командиров подразделений до роты включительно.

Постоянным представителем руководства Африканского союза народа Зимбабве в лагере был комиссар **Бэн (Ban)**, с которым поддерживались хорошие товарищеские отношения. Он участвовал в согласовании программы обучения, организации и проведении занятий, а также вопросов, связанных с жизнедеятельностью лагеря. В 1978 г. лагерь посетил президент **ЗАПУ Джошуа Нкомо**. Он лично проверил организацию и проведение боевой подготовки бойцов движения и остался доволен результатами работы **СВС**. Его посещение сыграло положительную роль в поднятии боевого духа бойцов, а высокая оценка качества их подготовки значительно укрепила авторитет советских военных специалистов.

Как уже упоминалось, кубинские товарищи занимались всесторонним обеспечением боевой подготовки, обеспечением лагеря питанием, водой и всем необходимым для жизнедеятельности бойцов **ЗАПУ**. Важное внимание уделялось организации и осуществлению охраны лагеря.

В тот период СССР поставлял вооружение, боеприпасы, имущество в лагеря Движения, находившиеся в Замбии, поскольку именно там сосредоточились основные силы **ЗАПУ**. Кубинская сторона обеспечивала всем необходимым для боевой подготовки и жизнедеятельности лагеря **ЗАПУ** в Анголе.

Советский Союз, Куба, Замбия и Ангола оказывали военно-политическую поддержку Африканскому союзу народа Зимбабве. Что касается взаимоотношений **ЗАПУ** с другими освободительными движениями — Африканским национальным конгрессом (**АНК**) Южной Африки и Народной организацией Юго-Западной Африки (**СВАПО**) Намибии в Анголе, то необходимо отметить, что лагеря этих движений и партий находились в разных районах Анголы, и речь можно вести только об их руководстве. Практика показала, что взаимоотношения руководства указанных движений и партий были конструктивными.

Мы поддерживали хорошие деловые отношения с советской военной миссией в Анголе во главе с генерал-лейтенантом **Василием Васильевичем Шахновичем**. Миссия обеспечивала нашу группу СВС всем необходимым, включая личное стрелковое оружие и денежное довольствие. Раз в месяц один из членов группы СВС прибывал в военную миссию в Луанду, получал на всех офицеров денежное довольствие и осуществлял закупки продовольствия на всю группу. При этом использовались советские транспортные самолеты **Ан-12**¹, совершавшие рейсы по маршруту Луанда—Луэна. Группа

СВС имела свой автотранспорт – три УАЗа [Уаз-469] и один Лэндровер.

Кубинская сторона тоже оказывала движению ЗАПУ большую военную помощь. В ходе подготовки бойцов ЗАПУ, которую осуществляли СВС, кубинцы являлись командирами взводов и рот и своим личным примером способствовали улучшению качества и эффективности учебно-воспитательного процесса. Взаимоотношения между кубинцами и бойцами, руководством ЗАПУ в лагере были самые дружеские и теплые. Никогда не возникало противоречий между СВС и кубинской стороной. В лагере царила дружба, взаимопомощь, стремление в любую минуту оказать друг другу поддержку.

Вооружение бойцов лагеря ЗАПУ в Анголе было в основном стрелковым, но вооружены им были только несколько человек в роте. Для борьбы с бронированными целями в лагере было несколько безоткатных орудий. Постоянно существовала опасность внезапного нападения на лагерь движения ЗАПУ со стороны вооруженных сил Южной Родезии. Для отражения атаки предпринимались меры в местах постоянной дислокации, в учебных полях, во время совершения марша, на привалах. Вокруг лагеря были вырыты траншеи, окопы для стрельбы стоя. Местность была пристреляна на глубину до одного километра.

Однако противовоздушная оборона лагеря ЗАПУ в полном объеме не могла быть организована из-за отсутствия средств борьбы с летательными объектами. В то же время в интересах ПВО было организовано наблюдение за воздухом, определены сигналы воздушной опасности, вырыты щели, укрытия и убежища. Однако избежать потерь в личном составе в ходе воздушного налета ВВС Южной Родезии все же не удалось. В феврале 1979 г. на лагерь ЗАПУ в Анголе был совершен налет

самолетов ВВС Южной Родезии. В результате налета погибли многие бойцы **ЗАПУ**, а также советский специалист прапорщик **Скакун**. Были потери и среди кубинских товарищей.

В центре военного лагеря были устроены навесы с гамаками для отдыха бойцов движения. Там же находились склады с продовольствием и кухня. СВС и кубинские военные специалисты жили без удобств, в кирпичных строениях. Окна некоторых жилых помещений не имели стекол и даже рам.

СВС и кубинцы исключительно ответственно, добросовестно относились к выполнению своих обязанностей по подготовке бойцов и командиров подразделений **ЗАПУ**. Нареканий и претензий к ним за их труд со стороны руководства Африканского союза народа Зимбабве не было. Наоборот, руководители **ЗАПУ** неоднократно высказывали благодарность СВС и кубинцам за успехи в подготовке военных кадров для движения. Все текущие вопросы решались в рабочем порядке в интересах **ЗАПУ**.

Отношения местных властей Анголы с руководством **ЗАПУ** были конструктивными. Об этом свидетельствует тот факт, что через анголо-замбийскую границу каждые два месяца в обе стороны переправлялись на колесном транспорте до двух тысяч бойцов **ЗАПУ**. Муниципальные власти Анголы неоднократно посещали лагерь и высказывали свое удовлетворение состоянием воинской дисциплины, организацией и проведением занятий по боевой подготовке.

В июле 1978 г. в Анголу прибыла вторая группа СВС во главе с подполковником **Зверевым**. Передача полномочий проходила в лагере зимбабвийского движения. После совершения необходимых формальностей наступил час прощания с бойцами **ЗАПУ**. Расставание было теплым и душевным. Зимбабвийские бойцы и

командиры выразили огромную благодарность СВС за подготовку военных кадров. Советские военные специалисты пожелали бойцам **ЗАПУ** успехов в борьбе за освобождение Родины и строительстве новой жизни в стране. Вскоре первая группа СВС убыла в Луанду и через несколько дней – в Москву.

Группа уезжала домой с чувством удовлетворения: мы оказали помощь **ЗАПУ** в борьбе за свободу и независимость Зимбабве. Правда, оставалось и чувство горечи от потери товарищей, отдавших жизнь за национальное освобождение этой страны.

Это был один из трудных и в то же время важных периодов жизни автора, время закалки характера, воли. Именно тогда зародилась мысль о том, что было бы целесообразно поделиться опытом, обретенным в Анголе. В последующем основные идеи, связанные с командировкой в Анголу, нашли отражение в научных трудах и учебно-методических пособиях автора, которые используются при подготовке военных специалистов.

Сноски

¹ **Ан-12** – военно-транспортный самолет. Выпускался в СССР с 1959 по 1972 гг. и в Китае. Оснащен четырьмя турбовинтовыми двигателями. Дальность полета без дозаправки – от 3600 до 6000 км. Экипаж – 5–6 человек. Перевозит до 20 тонн грузов (58 десантников, 95 солдат или 90 раненых). Способен садиться, и взлетать с грунтовых аэродромов. Вооружение – пушка для прикрытия задней полусферы калибром 23 миллиметра.

«ТОВАРИЩ ИВАН»

Воспоминания

*Вячеслава Федоровича ШИРЯЕВА,
капитана первого ранга в отставке*

Первая группа советских военных специалистов при Африканском национальном конгрессе (АНК) решением ЦК КПСС была направлена во второй половине 1979 г. в Анголу с задачей заложить основы для создания регулярных формирований на базе «Умконто ве Сизве» – вооруженного крыла АНК.

Первая группа состояла из четырех человек. В нее входили специалисты: по тактике ведения боевых действий регулярных сил – капитан **Н.И. Шаповалов**, минно-подрывному делу – **В.С. Лебедев**. Они первыми, в сентябре 1979 г., прибыли в Анголу. После длительного согласования с Международным отделом ЦК КПСС я был назначен старшим группы и вылетел в Луанду в октябре. С учетом деликатности задания при контакте с руководством АНК и в переписке я именовался «**товарищ Иван**». Кроме нас троих, в составе группы также был переводчик **А. Бодров**.

Как старший группы я понимал всю сложность поставленной задачи. Во-первых, перед АНК стояла громадная, отрегулированная военно-политическая машина, способная в тот период по своим стратегическим и тактико-техническим возможностям противостоять практически всему Африканскому континенту.

Во-вторых, в среде высшего военного руководства СССР существовало мнение (не в пользу АНК), суть которого сводилась к тому, что «никакая сила в Африке не способна пошатнуть устои апартеида в ЮАР». Когда я докладывал руководству о состоянии и перспективах

борьбы **АНК**, с учетом всех имевшихся положительных тенденций, мне в категоричной форме было заявлено о лишении меня всех званий и регалий в случае отстаивания позиций, не отвечающих бытующим взглядам на проблемы национально-освободительных движений. В частности, сомнения в перспективах борьбы **АНК** высказывались генералом **В.И. Варенниковым** (в то время начальником Главного оперативного управления и заместителем начальника Генштаба).

В-третьих, создание и развертывание боевых формирований надлежало осуществить в стране, только что завоевавшей независимость и в значительной части воздушного пространства которой господствовали **ВВС ЮАР**.

В-четвертых, по решению **ЦК КПСС**, первоначально мне предстояла длительная командировка в джунгли — без семьи и с постоянной сменой дислокации, в том числе в зонах боевых действий бандформирований **УНИТА**.

Беседы, которые были у меня в Международном отделе **ЦК КПСС** перед отъездом в Анголу, и личные встречи с прибывающими в СССР представителями руководства **АНК** и Южноафриканской компартии (**ЮАКП**) способствовали укреплению веры в справедливость борьбы южноафриканских патриотов и моей готовности помочь им.

Большая помощь была оказана мне в период моей подготовки руководством и рядовыми кадровиками 10-го Главного управления Генштаба. Они прониклись уважением к предстоящим задачам. В частности, это выразилось в согласованных с Международным отделом **ЦК** четких указаниях главному военному советнику в Анголе о включении в состав группы при **АНК** врача, политработника, специалистов по радиосвязи, по ремонту радиоаппаратуры, военно-боевой работе, рукопашному бою, автомеханика, а также семи переводчиков английского языка. В адрес ангольских вооруженных сил начали поступать

предназначенные для **АНК**, современные по тогдашним меркам, вооружение и боеприпасы. По своим запасам на ангольских складах вооруженные формирования **АНК** уже к середине 1982 г. были в состоянии вести довольно продолжительные боевые действия в составе регулярных тактических и партизанских подразделений.

В этот период старшим от **АНК** в Анголе являлся товарищ **Мзивандиле Пилисо**, руководитель Департамента боевой подготовки **АНК**, а затем — Департамента разведки и безопасности. От **ЮАКП** в Анголе находился **Эдвард Дилинга** (настоящее имя — **Эндрю Масондо**). Региональным командующим вооруженными формированиями «Умконто ве Сизве» в Анголе был **Джулиус Мокоена** (настоящее имя — **Саймон Секеше**), начальником центрального военного лагеря под Маланже — **Тимоти Макоена** (настоящее имя — **Годфрей Нгвенья**), сейчас он является командующим Южноафриканскими национальными силами обороны (**САНДФ**).

До прибытия группы советских военных специалистов (**СВС**) в Анголу при **АНК** работали кубинские военные специалисты в составе 10 человек. Первоначально лагерь **АНК** размещался в районе Лобиту, но после бомбардировки его **ВВС ЮАР** он был закрыт. Рассказывали, что в нем было выявлено немало агентуры, с берега сигналившей фонариками юаровцам. Затем кубинцы работали в лагере на севере от Луанды (дорога туда шла через **Кашиту**), я их застал там. Однако в середине 1979 г., после гибели сразу восьми кубинских военных специалистов, попавших в засаду, устроенную вооруженными отрядами **ФНЛА**, руководство Кубы отозвало из Анголы всех своих советников при **АНК**, а в тот лагерь стали направлять «выявленных» (агентов) и тех, чья лояльность нуждалась в проверке.

Лагерь под **Маланже** представлял собой заброшенную ферму, ранее он использовался **ЗАПУ**, а в 1980 г. был

передан **АНК**. При подборе места для лагеря я ездил туда с президентом **АНК Оливером Тамбо**, когда там ещё оставались зимбабвийцы. Именно в этом лагере в основном работали наши специалисты при **АНК**. Ранее они жили и работали в Луанде, где и позднее продолжалась подготовка по военно-боевой работе (организации вооруженного подполья). Для прохождения этого курса в Анголу прибывали группы активистов **АНК** из Ботсваны, Свазиленда, ЮАР, причем, из разных расовых групп.

Представители **АНК** — **Нзо, Пилисо, Дилинга** — высказывали пожелание о приезде в Анголу семей **СВС**, они договорились с ангольцами о выделении больших домов километрах в 20 от лагеря.

Примерно с 1981 г. для **АНК** в Анголу стало поступать современное вооружение (в том числе переносные ракетные комплексы **Стрела-2М**, кумулятивные мины, в частности, использовавшиеся в ЮАР при операциях против объектов **САСОЛ** и т.п.).

В 1983 г., в связи с резким обострением обстановки (возникла реальная угроза прорыва бандформирований **УНИТА** в районе «Черных камней» с форсированием реки Кванзы), по просьбе руководства Анголы, две роты **АНК** были перебросены из Маланже в Луанду, где их экипировали и направили на фронт. Прибытие боевых подразделений **АНК** во многом способствовало стабилизации обстановки в этом регионе.

В целом отношение правительства и народа Анголы к южноафриканским патриотам было более чем дружественным. Находясь в состоянии гражданской войны, практически при полной экономической разрухе, Ангола, тем не менее, искала возможности для оказания посильной помощи **АНК**.

Доброжелательность ангольцев распространялась и на советских военных специалистов при **АНК**. В частности, в их распоряжение были выделены одни из лучших

домов в Маланже, Кашиту и Луанде. Семьям специалистов оказывалась посильная помощь в приобретении продуктов питания. Старшим группы при АНК были установлены деловые контакты с руководством провинций, где работали советские военные специалисты. Для решения принципиальных вопросов представители АНК и старший группы советских военных специалистов поддерживали постоянные рабочие контакты с сотрудником из администрации президента Анголы лейтенантом «Лумумбой»¹.

Руководство советской военной миссии в Анголе всегда с большим вниманием относилось к вопросам, касающимся АНК. На первом (наиболее сложном) этапе, специалисты при АНК размещались на территории ее городка, главный военный советник генерал-лейтенант **Василий Шахнович** выделил в распоряжение старшего группы при АНК свой автомобиль **Фиат**. Старший группы при АНК постоянно информировал командование советской военной миссии о ходе подготовки южноафриканских патриотов, получал необходимые рекомендации для улучшения обучения. При необходимости (инженерные расчеты, обучение точному поражению укреплений артсистемами и т.д.) в распоряжение АНК выделялись высококвалифицированные специалисты. В свою очередь, руководство АНК, включая президента этой организации **Оливера Тамбо**, регулярно посещало главного военного советника, информировало его об особенностях развития обстановки в ЮАР, в том числе по вопросам поддержки ЮАР бандформирований **УНИТА**.

По договоренности между руководством АНК и главой советской военной миссии в Анголе, художественный коллектив АНК «Амандла» (кстати, широко известный в тот период и в Европе) давал регулярные концерты для советских военных специалистов и членов их семей.

Посольство СССР в Анголе также уделяло должное внимание подготовке патриотов **АНК**, хотя и не вникало постоянно в отлаженный процесс обучения, считая это прерогативой Международного отдела ЦК КПСС.

По моему личному наблюдению и, исходя из практики, из истории других национально-освободительных движений, наиболее тесные контакты у **АНК** были с **ЗАПУ**. Например, с достижением независимости Зимбабве и выводом из Анголы боевых подразделений **ЗАПУ**, руководство этой организации передало **АНК** свои лагеря под Маланже. Работающие в **ЗАПУ** советские военные специалисты решением Международного отдела ЦК КПСС были введены в состав советской группы при **АНК** (десять человек).

Однако отношения с руководством **СВАПО** у **АНК** были более чем сдержанными. Как правило, **СВАПО** уходило от деловых контактов, выступало против использования территории **Намибии** в интересах **АНК**.

Вернулся я на Родину в июне 1983 г., но в течение ряда лет продолжал заниматься вопросами сотрудничества с **АНК**. В эти годы, с учетом работы советских военных специалистов в Анголе и проводившихся в Москве переговоров, руководство **АНК** (и его союзник — **ЮАКП**) существенно усилило свое присутствие в Анголе. Задача создания на первом этапе полурегулярных боевых формирований потребовала нового подхода к ее решению. Наряду с направлением в состав группы дополнительно специалистов по ПВО, артиллерии, инженерному делу, ВДВ, осуществлялись поставки для **АНК** средств радиосвязи быстрого действия с большим радиусом (до 3–5 тыс. км), автотранспорта (до 100 автомашин), медикаментов, продовольствия, спортивного инвентаря, средств для ведения культурно-просветительской работы и т.д. Практически решался вопрос о длительной подготовке в СССР командиров — бойцов **АНК** по таким специаль-

ностям, как летчики, моряки, связисты, мотострелки, танкисты, артиллеристы, зенитчики, политработники.

В частности, в феврале 1985 г. от командующего вооруженными формированиями **АНК Джо Модисе** была принята заявка о направлении в лагеря **АНК** в Анголе 24 военных специалистов, подготовке в СССР до 120 специалистов, в том числе 40 на 3-годовых курсах, и об оказании практической помощи старшему группы **СВС при АНК**.

В ходе встречи с руководством **МО СССР** и ответственными сотрудниками **Международного Отдела ЦК КПСС** 5 марта 1986 г. генсек **АНК Альфред Нзо** и **Джо Модисе** выдвинули новые просьбы об оказании военно-технической помощи. Речь шла уже о дополнительной подготовке 40 офицеров (в том числе десяти летчиков и десяти моряков), приеме 80 специалистов на длительные сроки обучения и около 200 — по краткосрочной программе. Военное командование **СССР** с пониманием отнеслось к информации об использовании современных советских мин спецназначения и выразило готовность рассмотреть возможность предоставления более современных технических средств, в частности, для борьбы с «защищенными» автомашинами.

Просьбы руководства **АНК**, как правило, удовлетворялись. Так, на полный 3-годовой курс Симферопольского общевойскового училища в 1986 гг. было принято 20 человек; на офицерские курсы (командиры артбатареи, зенитной артиллерии, инженерных работ, пехотных подразделений) — 50 человек, а в 1987 г. началась также подготовка летчиков во **Фрунзе** и моряков в **Баку**.

Сноска

¹ Ангольские военные брали различные прозвища, псевдонимы (они называли их «военные имена»), которые предпочитали использовать вместо настоящих имен, в том числе нередко и в официальных документах (прим. ред.-сост.).

О ТОМ, КАК ЮАРОВЦЫ ПРОМОГАЛИ «ПЕЧОРУ»

Воспоминания

*Владимира Васильевича КОСТРАЧЕНКОВА,
полковника запаса¹*

– В 1975–1976 годах я работал в Анголе военным переводчиком.

В 1976 г. оказался на севере страны, в Кармоне. В то время в Анголе создавались военные округа и первые группы советников направлялись туда. Вот в один из первых созданных на севере округов отправили нас, шесть или семь человек. Мы занимались организацией регулярных вооруженных сил. Я был переводчиком в группе советников по организации военного округа. Все боевые части были разбросаны по разным местам. Приходилось ездить, смотреть – кто что делает, в каком они вообще состоянии. В каждом городке либо стоял взвод, либо находилась рота.

В Кармоне было не интересно. Когда из Кармоны мы уезжали в район Макела ду Зомбо, что в 350 километрах, это было очень опасно. В 1976 г. там самым активным образом действовал **ФНЛА**, который в то время был в силе. Возглавлял его **Холден Роберто**. Об **УНИТА** тогда никто там и не слышал.

ФНЛА действовал с севера, из Заира². Попытки перекрыть границу между Анголой и Заиром никакого результата не давали, потому что по многочисленным притокам реки Конго на пирогах, на легких лодочках, бойцы **ФНЛА** уходили совершенно спокойно на 200, а то и 300 километров в глубь территории Анголы. А поскольку их единоплеменники проживали на всей со-

пределной территории, то борьба была обречена на затяжное длительное противостояние.

...Уже окончив институт (ВИИЯ), я приехал в Анголу снова в 1979 г., и опять в качестве военного переводчика.

...Дело было в Луанде. Министр обороны Анголы **Педале (Педро Мария Тонья)** пригласил нашего главного военного советника, его заместителя и их жен к себе в субботу: «Виски попьем, просто отдохнем, а то, что мы все о деле, да о деле».

Советником был генерал **Шахнович**. Мужик знаменитый и, притом, вполне заслуженно, поскольку, в самом лучшем смысле слова, приложил руку к созданию мощных лагерей **АНК**. По специальности он был общевойсковик (скончался в 1984 году).

Участник Отечественной войны, имевший тяжелые ранения, он так ответил на просьбу министра обороны и президента Анголы продолжить командировку в стране: «Ребята, уже раны просят отдыха. Не могу я больше в жаркой Анголе — домой хочу».

Я в это время не был переводчиком при ком-то из советников, а находился в бюро переводов вместе с переводчиком **Юрой Клюкиным**. Но очень часто работал с заместителем главного военного советника **Валентином Михайловичем Елютиным**, выезжал с ним в командировки на юг Анголы, в Куито-Куанавале.

Когда руководство нашей миссии поехало к министру обороны **Педале** по его приглашению, и меня тоже прихватили. На эту виллу в Луанде я поехал вместе с **Елютиным**. Приезжаем на виллу, а там уже наш посол. Сидим, обычная обстановка, племянница **Педале** разливает спиртные напитки. В это время появляется какой-то непонятный темнокожий мужик лет шестидесяти. И направляется к нашему послу. Увидев его, посол постарался убежать на другой конец стола, вероятно, он

его знал. Однако этот мужик боком-боком и опять приближается к нему. Посол — опять от него. Комната-то большая и помещение просторное.

Подходит ко мне **Валентин Михайлович Елютин** (он с послом пообщался) и говорит: «**Володя**, мужика этого темнокожего видишь? Вот сделай, пожалуйста, как-нибудь так, чтобы он не беспокоил посла. Займи его разговором каким-нибудь».

Я спросил его: «Кто это?». Но он ответил: «Да не важно. Иди, поговори с ним по-французски».

Ну, я подхожу к нему, говорю: «Бонжур, мсье». В ответ мне: «Камарад». В ходе разговора выясняется, что он вынужденный переселенец с территории Заира, прибывший в Анголу. Спрашиваю: «Как давно Вы были в Заире?» А он, глядя на меня, как-то внутренне напрягся, вытянулся весь и говорит: «Заира нет, есть Великое Конго».

Оказывается, этот «мужичок» и был одним из руководителей катангских жандармов (фамилии его не помню, а лицо запомнил). Тогда они очень активно пытались выйти на связь с нашим посольством, чтобы получить какую-то подпитку.

А в то время начались контакты с Заиром в целях прекращения подрывной деятельности **ФНЛА**, с тем, чтобы они закрыли все свои базы. Речь на этих секретных переговорах шла о том, чтобы Заир прекратил поддерживать **ФНЛА**, а Ангола прекратила бы поддержку катангских жандармов.

Вот поэтому наш посол избегал встречи с одним из руководителей катангских жандармов. Вот они вокруг стола и бегали: один убегал, другой догонял.

— **А с кем тебе приходилось общаться из высшего руководства Анголы?**

— С президентом Анголы не приходилось. Поскольку я не был закреплен за конкретным управлением, то мало с местным начальством общался. На совещаниях

встречался, конечно. С кубинцами тоже. Были эпизодические встречи с начальником Генерального штаба Анголы и с его заместителями, с начальниками управлений. Меня частенько в автобронетанковое управление привлекали.

Многое я уже забыл, но помнится ряд курьезных эпизодов. Так, в Кармоне повар закармлил нас рисом. Я говорю ему: «**Аурелио!** Сколько можно рисом людей «травить»? Вчера рис, позавчера рис, третьего дня — тоже рис. Сегодня опять рис». А он отвечает мне: «**Владимир,** ты не прав. Сегодня у нас рис белый, вчера у нас был рис желтый, а позавчера — рис красный». Оказывается, этот повар-кубинец где-то достал красителей и засыпал их в крупу, вот и получался то красный, то оранжевый, то желтый рис. Однако вкус блюда от этого не менялся.

Еще раз повторю, прошло уже более двадцати лет, многое забыто, в памяти остались, возможно, незначительные эпизоды. Порой неприятные. К примеру, идем как-то по госпиталю с врачом **Мишей**. Кроме него там работала ещё врач-кубинка. И вот она обращается к нему: «**Мигель,** классика кансер де фигаду» (зовет посмотреть на классический пример рака печени).

Или как-то привезли нашего офицера — подполковника. Наши специалисты «лазали» по саванне. А там антисанитария, гигиена не соблюдалась, помыться было негде. Так вот он между ног натер и постеснялся к **Мише** подойти, чтобы тот больные места помазал йодом. Но он перестал стесняться, когда утром не смог сесть в машину. Стоял полусогнувшись: ни выпрямиться, ни сесть не мог. Мы его с трудом загрузили в **уазик**, и он на заднем сидении в такой позе и поехал. Привезли. **Миша** посмотрел его в кабинете. А у подполковника между ног огромная шишка надулась.

Врач говорит: «Ну, ребята, тут делать нечего, давай быстренько его в госпиталь везем, потому что не

знаю, чем все это закончится». Привозим в госпиталь, **Миша** объяснил с моей помощью кубинцам, в чем дело. Кубинцы — ребята простые: «Этот? — Заводи». Завели его. Стоит такой стол, типа коня спортивного, только не круглый, а плоский, высокий. Они его на этот стол даже не положили, а перекинули на живот и говорят: «Расставляй ноги пошире». Сделали местный наркоз.

Я не очень большой любитель подобных вещей, операционная достаточно просторная, я там в уголке притаился и говорю, что врачи требовали: «Дыши, не дыши». Или: «Сейчас будут резать» и так далее...

А **Мише**, врачу нашему, интересно с профессиональной точки зрения, и он туда, прямо в задницу носом. Хирург сделал надрез и **Миша** весь был обрызган гноем и кровью. Зато удовлетворил профессиональный интерес. Вот мы смеялись потом над ним. Такие вот у нас были приключения.

Еще один случай был с нашим прапорщиком. Не принято о покойных говорить плохо, да это пример того, как не надо поступать. Наш прапорщик нашел португальскую гранату, которая отличалась от советской тем, что была в пластиковой оболочке. И захотелось ему посмотреть, что там внутри. Но он повел себя не как профессиональный военный, а как мальчишка-солдат, который первый день служит. Либо он распиливал гранату, либо разламывал, либо отверткой ковырял. Короче, она у него в руках взорвалась и в результате переводчики должны были выскребать все, что осталось, из кабины. У него живот и грудную клетку вырвало. А она слабая граната — наступательная, но тем не менее...

— **Какая техника была у кубинцев и ангольцев, когда ты там служил?**

— При мне пришли танки **T-55**. Танки **T-62** появились позднее (после моей службы). У нас были самолеты

ты **МиГ-21**³ (12 единиц) и **МиГ-17**⁴ (первые поставки — 10 единиц). **МиГ-17** — времен войны в Корею. Но их очень быстро перестали использовать. Я даже не знаю, зачем их туда поставляли, поскольку они даже как тренировочные не годились. Потом несколько лет держались **МиГ-21**. Уже в начале 1980-х, или несколько раньше, пошли более совершенные — **МиГ-23** и **Су-22**⁵. Потому пошли, что выяснилось (несмотря на то, что уже некоторые подразделения начали сколачиваться, какие-то кадры стали поступать в Анголу и с курсов, и из военных училищ СССР), что ангольской армии было сложно вести боевые действия, так как у нее не было ни нормальной авиации, ни нормальной ПВО. И юаровские самолеты прилетали на юг Анголы и делали что хотели. На вооружении ПВО стояли **ЗУ-23-2**⁶ — десантный вариант двухствольной установки калибра 23 мм, и **ЗПУ-4**⁷ — калибра 14,5 мм — пулемет **Владимирова**, счетверенная установка. Это очень хорошее оружие и против самолетов, и против пехоты. Лупит со страшной силой. Кроме того, были, запускаемые вручную с плеча, ракеты **Стрела-2** и **Стрела-2М**. Хорошее оружие, но оно поражает до двух с половиной тысяч метров высоты, а минимальная высота, если не ошибаюсь — 150 м, максимальная — 2500 м.

А юаровцы шли на высоте 3,5 тысячи метров — не ниже. Поскольку там рельеф гористый, они низко не ходили. И вот с этой высоты зайдет четверка **Миражей** — разбомбят все, что хотят, и уходят спокойно. Они по всему югу шастали: в Лубанго, и Мосамедеш, и Куито-Куанавале. У них были **Мираж» F-I** и **Мираж F-III**, штурмовик **Импала**⁸, и бомбардировщики **Буканиры**⁹.

— **Буканиры — совсем старые?**

— А какая разница — старые — не старые: барражируют на высоте 3,5—4,5 тысячи метров и бомбы кидают. И таким образом они весь юг Анголы терроризировали со страшной силой. Доставалось и лагерям **АНК**, и лаге-

рям **СВАПО**. Прихватывали заодно и **ФАПЛА**. Время от времени какие-то непонятные налеты были — просто гражданские объекты бомбили; либо разведка неправильно информировала, либо на всякий случай, «чтобы неповадно было».

Встал вопрос о создании системы ПВО. И первым делом решили прикрыть юг Анголы — пятый округ. Приехала группа ребят из Советского Союза и стали выбирать первые позиции для ракет. Я с ними как раз поехал в Лубанго. Решили прикрыть Лубанго от авианалетов ЮАР. Оказалось, что это совсем не просто. Нужны три дивизиона. Один дивизион должен прикрыть другой: их ставят треугольником, чтобы, откуда бы ни прилетели самолеты, по ним могли бы работать два дивизиона. Таким образом, закрывается объект, который они прикрывают, и при этом два дивизиона прикрывают друг друга.

Но оказалось, что в районе Лубанго вершина треугольника ограничена дальностью пуска, а месторасположение каждого дивизиона ограничено горным рельефом местности, что затрудняло пуск ракеты: при отрицательных углах ракету нельзя пускать (при пролете самолета противника на сверхнизкой высоте). Если дивизион ставить на горе, то получается большой обзор, противник виден издали, но пускать ракету по нему нельзя, потому что он идет на минимальной высоте и отрицательный угол меньше допустимого.

А у зенитно-ракетных комплексов **Печора (С-125)**¹⁰ высота поражения цели чуть ли не 20 тысяч метров. Для тех самолетов, какие были у ЮАР, все по высоте перекрывалось напрочь, а с минимальными высотами были проблемы. Как уже говорилось, там гористая местность, а на горе комплекс **Печора** не поставишь: там самолеты на высоте 50 метров проходят — их ни одна ракета не возьмет. Да и сложно было перекрыть все подходы, по-

тому что, когда расставляли дивизионы, оказывалось, что обязательно имеется какой-либо коридор, какая-то лощинка или ложбинка, где может проходить самолет.

Мы там поработали дней десять. Объездили все окрестности Лубанго. Спецы вымеряли, выверяли с помощью теодолитов, нивелиров. Оказалось, что, по большому счету, там есть пять-шесть точек, где можно разместить дивизионы так, чтобы они друг друга перекрывали, закрывали объект и могли завалить «супостата». Но все-таки осталось два места, которые надо было закрывать средствами зенитной артиллерии и **Стрелой-2** против низколетящих самолетов, поскольку **Печора** все равно не закрывала ложбин.

При этом, что было интересно, когда мы приезжали на точку, спецы доставали приборы и начинали замеры. А рядом — машамба (участок возделываемой земли — огород), на которой чернокожая гражданка с ребенком за спиной и тяпкой в руках возделывает какую-то сельскохозяйственную культуру. Машамба небольшая, потому что тяпкой много не натяпаешь. Ну и вот, гражданка там поле прорабатывает, а под баобабом мужик лежит с глиняной трубочкой и покуривает. Машина останавливается — люди выходят и начинают что-то замерять. Вот тут вступает в действие мужчина, потому что его функция — «крыша», функция глобальная — обеспечить безопасность семьи. С тяпкой и с ребенком за спиной женщина, а мужик — под деревом. Но когда нужны официальные переговоры с представителями власти, тогда он подходит и интересуется происходящим. По-португальски говорит два с половиной слова, но все понятно. Например: «А что вы здесь планируете делать?» — «Да у нас свои дела, военные». «Хорошо было бы знать, если ваши военные дела вынудят меня отсюда уходить, потому что сначала приезжают военные — что-то делают, замеряют, а потом оказывается, что надо ухо-

дить отсюда, так как здесь нельзя ничего делать. Так вот, если вы мне сейчас об этом скажете, то я эту машамбу возделывать не буду, пойду на следующую — у меня там земли достаточно. Но если вы мне об этом не скажете, то я сейчас засею, а сезон дождей уже закончится, и тогда мне уже следующую машамбу возделывать бесполезно — семья останется без еды и мы все вымрем.

Но в это время все замеры и оказалось, что отрицательные углы там — 20°, и мы с чистой совестью сказали: «Мужик, сей, с твоей машамбой ничего плохого не будет». И поехали дальше. Кстати, огород по-португальски — «машамба» (африканское слово), хотя литературное португальское слово — «лавра».

Под Лубанго нашли подходящее место, где позднее поставили **Печору**, привязали к местности командный пункт, позиции дивизиона и уехали. А потом втихаря, ночью, пришел теплоход в порт Мосамедеш и привез ракеты. И потом эти ракеты (также втихаря) из порта через пустыню мосамедешскую по серпантину притащили в Лубанго и поставили на позиции.

Но к тому времени там были проведены, естественно, все инженерные работы, оборудованы позиции и так далее.

И когда нашими военными специалистами все втайне было смонтировано и поставлено, кубинцы сели за пульта. А юаровская разведка об этом ничего не знала.

И до этого момента юаровцы делали там, что хотели: прилетят, отбомбятся и улетят, прилетят, отбомбятся и улетят. И каждый раз потом министр обороны и начальник Генерального штаба, и президент задавали генералам **Шахновичу** или **Инюзову** вопрос: «Ну как же так, ну почему они опять делают, что хотят в воздухе. Почему? Мы тут и зенитную артиллерию, и людей подготавливали, а они летают и бомбят. Где там ПВО наших доблестных **ФАПЛА?**»

Но в тот раз, думаю, разведка ЮАР вовремя не сработала. Не знали юаровцы, что комплексы наши там стоят. И кубинцы завалили их самолеты¹¹.

Сноски

¹ Записано 22 февраля 2002 г. А.А. Токаревым и Г.В. Шубиным.

² Заир — ныне Демократическая Республика Конго.

³ **Миг-21** — советский сверхзвуковой истребитель. Выпускался в различных модификациях с 1959 по 1973 гг. По лицензии строился в Индии и Китае. Экипаж — 1–2 человека. Оснащен одним двигателем. Длина — 15,75 м. Скорость — до 2230 км в час. Вооружён — 1–2 пушками и 3–5 ракетами. Дальность полета — 1800 км. Широко поставлялся за рубеж. Участвовал во многих войнах. Особенно стал известен во время войны во Вьетнаме.

⁴ **Миг-17** — дозвуковой истребитель, является модификацией знаменитого **Миг-15**. **Миг-17** производился в СССР с 1951 года, а затем по лицензии во многих других странах. Оснащен одним реактивным двигателем. Скорость — до 1100 км в час. Дальность — до 1240 км. Вооружение — три пушки и до 400 килограммов бомб или неуправляемых реактивных снарядов. Участвовал во многих войнах в Африке и Азии, в частности во Вьетнаме.

⁵ **Су-22 (Су-20; Су-22)** — истребитель-бомбардировщик — экспортный вариант **Су-17**. Скорость — до 2300 км в час. Вооружение — две пушки **НР-30** калибра 30 мм, две ракеты **Р-60** «воздух-воздух», управляемые и неуправляемые ракеты «воздух-земля», авиабомбы. Производился с 1970 по 1990 гг. Поставлялся во многие страны мира. Широко участвовал в различных войнах. Пользуется заслуженно высокой репутацией как один из лучших истребителей-бомбардировщиков для локальных войн. В Анголе использовался вариант **Су-17 (Су-20)** в модификации штурмовик.

⁶ **ЗУ-23-2 (Зушка) (Зеушка)** — зенитная автоматическая спаренная пушка. **ЗУ-23-2** — двухствольная легкая зенитная пушка для борьбы с низколетящими целями (штурмовики, самолеты, вертолеты). Выпускалась с 1957 г. первоначально для десантных войск. Вес — 950 кг. Расчет — 6 человек. Калибр — 23 миллиметра. Дальность выстрела — до 2,5 км. Скорострельность — 2000 выстрелов в минуту. Может буксироваться на скорости до 70 км по шоссе и на скорости до 20 км по бездорожью. Легко транспортируется любым автомобилем. Может вести огонь и из походного положения прямо при транспортировке.

Боеприпасы — унитарные патроны бронебойно-трассирующие или осколочно-фугасные. Производились и производятся во многих странах. Очень эффективна стрельба по наземным целям на дальности прямого выстрела — до 1000 метров, в частности для обороны опорных пунктов, высоток и штабов, а так же в горной войне и против пехоты, **БМП** и **БТРов**. Может устанавливаться на грузовиках (с помощью 6-миллиметровой проволоки сквозь специально проделанные дырки в бортах), внедорожниках, бронемашинах, бронетранспортёрах, гусеничных тягачах.

⁷**ЗПУ-4** — счетверенная зенитная пулеметная установка, счетверенный зенитный пулемет калибра 14,5 миллиметра, на основе пулемета **КПВТ** — крупнокалиберного **Владимирова** танкового пулемета (патрон калибра 14,5 миллиметров и длиной 114 миллиметров (14,5x114)).

В Анголе также использовались:

ЗГУ-1 — зенитная горная установка (одиночный зенитный пулемет) калибра 14,5 миллиметра на основе пулемета **КПВТ** — крупнокалиберного **Владимирова** танкового пулемета (патрон калибра 14,5 миллиметров и длиной 114 миллиметров (14,5x114)).

ЗПУ-2 — спаренная зенитная пулеметная установка (спаренный зенитный пулемет калибра 14,5 миллиметра) калибра 14,5 миллиметра на основе пулемета **КПВТ** — крупнокалиберного **Владимирова** танкового пулемета (патрон калибра 14,5 миллиметров и длиной 114 миллиметров (14,5x114)).

⁸ **Impala Mk.I (Импала — антилопа Импала)** — производившийся в ЮАР в 1960-е годы итальянский штурмовик **Aermacchi MB-326M (Аэромаччи MB-326M)**. Оснащен реактивным двигателем. Экипаж — 2 человека. Скорость — до 870 км/ч. Дальность (боевая) — 650 км. Вооружение — пушка или шестиствольный пулемет или два пулемета **Браунинг** калибра 12,7 мм (12,7x99), размещаемых под крыльями на пилонах, бомбы, или два контейнера с напалмом (по 166 литров), размещаемые под крыльями на пилонах, управляемые ракеты и по 24 неуправляемые ракеты калибра 68 мм (по 6 штук в четырех контейнерах) или калибра 37 мм (по 18 штук в четырех контейнерах). 152 единицы самолетов **Аэромаччи MB-326M** были закуплены в Италии. Было произведено в ЮАР 27 машин данного типа (по другим сведениям — гораздо больше).

Impala Mk.II (Импала Mk.II) (антилопа Импала) — производимый с 1974 г. в ЮАР по лицензии вариант итальянского штурмовика **Aermacchi MB-326KC Импала (Impala Mk.I)**. Экипаж — 1 человек. Оснащен одним реактивным двигателем. Боевой радиус действия — до 1000 км (по другим данным, до 600 км). Вариант **Импала (Impala Mk.II)**

оснащен двумя револьверными авиационными пушками калибра 30 мм (30x113В) **DEFA 553 (ДЕФА 553)**, размещаемыми в фюзеляже) или пушкой калибра 12,7 мм (12,7x99), или шестиствольным пулеметом и 1800 кг бомб, или управляемых и неуправляемых ракет «воздух-земля». Была произведена 21 машина данного типа (по другим сведениям — гораздо больше). Всего в Италии было закуплено до 100 единиц **Аэромаччи МВ-326КС (Импала Mk.II)**, а в ЮАР произведено в общей сложности до 140 единиц самолетов обеих модификаций (**Импала Mk.I** и **Импала Mk.II**).

⁹ **Буканир S2B (Buccaneer S Mk. 50)** — морской бомбардировщик-ракетоносец (морской штурмовик) английского производства. Предназначен для действий по морским и наземным целям с авианосцев. Способен нести ядерное оружие. Производился в Англии с 1963 г. На вооружении ВВС ЮАР с 1965 г. Экипаж — 2 человека. Вес — до 26 760 кг. Длина — 19,3 м. Высота — 4,95 м. Максимальный взлетный вес — 28,12 т. Максимальная скорость у земли — 1040 км/ч. Практический потолок — 15 200 м. Перегоночная дальность — 6100 км. Радиус действия на средних высотах с бомбовой нагрузкой до 950 кг — от 850 до 950 км (и до 3700 км с дополнительными топливными баками). Максимальная бомбовая нагрузка — 7250 кг, (включая четыре бомбы по 450 кг, размещаемые под крыльями и четыре таких же бомбы в бомболюках или 460 кг — бомбы повышенной мощности) и четыре управляемые ракеты «воздух-земля» французского производства **AS.20** радиусом от 1,3 до 3,66 км или **AS.30** радиусом от 2,6 до 10 км. Также оснащался 72 неуправляемыми реактивными снарядами (НАР) калибра 68 мм **SNEB** в четырех пусковых установках **Type 155** (по 18 неуправляемых ракеты в каждой), размещенные в пилонах под крыльями. 16 (15) **Буканиров** находились на вооружении ВВС ЮАР, где использовались для воздушных ударов по сухопутным целям во время участия войск ЮАР в войне в Анголе.

¹⁰ **Печора (С-125)** — наземный комплекс ПВО для уничтожения низколетящих летательных аппаратов (самолетов, вертолетов, беспилотников). Выпускался в СССР с 1961 г. Дальность пуска ракеты — до 28 км. Минимальная дальность пуска — 3 км. Высота пуска ракеты от 20 до 18 километров (по вертикали) и 25 километров (по горизонтали)..

¹¹ Речь идет о том, что ПВО С-125 **Печора** с кубинскими боевыми расчетами сбили один бомбардировщик **Буканир** и один истребитель **Мираж** ВВС ЮАР (из пяти самолетов — двух **Буканиров** и трех **Миражей**). После этого боя ВВС ЮАР старались облетать подальше места дислокации **С-125 Печора** (*прим. ред.-сост.*).

В ВОЮЮЩЕЙ БРИГАДЕ

*Воспоминания
Данияля Ибрагимовича ГУКОВА,
подполковника запаса*

Родился в Карачаево-Черкесии 1.06.1946 года. В 1969 г. закончил Московское общевойсковое командное училище (МВОКУ) и был направлен в Группу советских войск в Германии (ГСВГ). Там прошел путь от командира взвода до начальника штаба батальона. В 1975 г., по замене, был направлен в Среднеазиатский военный округ (САВО), служил начальником штаба батальона, командиром батальона. В 1982 г. окончил 10-месячные курсы «Выстрел». С ноября 1983 г. по ноябрь 1985 г. был в Анголе. Все два года находился в Куито-Куанавале — служил советником командира 16-й бригады. В 1985—1992 гг. работал в Астраханском облвоенкомате начальником отдела вневойсковой подготовки, занимался подготовкой к службе молодежи в школах, техникумах, СПТУ, в институтах без военной кафедры. В 1992 г., после распада СССР, уволился в запас в звании подполковника. Сейчас — исполнительный директор судоходной компании в городе Астрахань.

...В 20-х числах ноября 1983 г. я прилетел в Менонге для дальнейшего следования в Куито-Куанавале, в расположение 16-й пехотной бригады. Возможности попасть в Куито-Куанавале не было более месяца: с колонной не разрешали, а авиацию не давали. Было грустно слушать телеграммы из Куито-Куанавале, которые зачитывал полковник **Владимир Иванович Вольский**, советник командующего бВО [6 военного округа]:

через день обстрелы, перестрелки с разведкой **УНИТА**, есть раненые и убитые.

За месяц, вынужденно проведенный в Менонге, я освоил смежные специальности — киномеханика и помощника оперативного дежурного. С помощью переводчика **Артура Кушхова**, моего земляка, я составил себе русско-португальский словарь с военным уклоном. В течение этого месяца нас, «куитовцев», стало четверо: выписался из госпиталя раненый советник начальника штаба **Владимир Денисович Забродский**, отошел от малярии, эвакуированный из Куито в тяжелом состоянии, советник командира 16 ПБр [пехотной бригады] **Василий Иванович Малюкин**, прибыл по замене советник начальника артиллерии **Вениамин Алексеевич Пономарев**. Ну, а четвертым был я.

Наконец советник командующего бВО при поддержке самого **Вьетнама** (командующего бВО) выпросил у кубинцев «кукурузник» (**Ан-2**)¹. Мы загрузили в него продукты на месяц, почту, кинофильмы, две бочки керосина (кто бывал в Куите, знает, что на керосине готовили еду), с трудом влезли сами и вылетели в Куито-Куанавале.

После взлета мне показалось, что мы слишком долго кружим над аэродромом — или перегружены или пилоты неопытные. А внизу — такая красота! Особенно, по сравнению со Среднеазиатским военным округом. Любуясь этой красотой, я чувствовал себя спокойно и не думал, что нас на таком мирном транспорте могут сбить. А вот «старожилы» почему-то постоянно спрашивали у пилотов, на какой мы высоте.

Долетели нормально, но перед посадкой снова долго кружили, что подтвердило мое предположение о неопытности пилотов. «Ангольцы» все знают, для чего нужны эти круги над аэродромом.

Встречали нас все обитатели Куито-Куанавале. Поселок показался мне очень уютным: аккуратные доми-

ки, уличное освещение, водонапорная башня, кругом асфальт. В наших двух домах есть и водопровод, и канализация. Местные жители очень добродушные, веселые — никакого намека на войну.

Перед ужином советник начальника штаба ознакомил нас с расположением, довел боевой расчет, объяснил, кому и куда бежать, если начнется стрельба. Правда, у меня было столько новых впечатлений, что я не особенно его слушал.

Вечером все сели ужинать. Новички, как и положено, достали бутылки, черный хлеб, селедку, накрыли стол. Пригласили комбрига, начальника политотдела.

После ужина я как киномеханик показывал фильм — вокруг нашего кинотеатра собралось все Куито.

В 4.00 раздался какой-то грохот: все забегали. Не прошло и минуты — как все вокруг опустело. Тут до меня дошло, что где-то совсем рядом стреляют из минометов и пушек. Я, советский подполковник, более того — пехотинец, имеющий за плечами множество учений с боевой стрельбой, не торопясь (полное осознание происходящего еще не пришло), подошел к окну в туалете. Окно выходило прямо на убежище. Так вот, как только меня увидели из убежища, пошел в мой адрес «трехэтажный» инструктаж: то стой, то беги.

Оказалось, бежать надо сразу же после **унитовского** выстрела, чтобы успеть добежать до укрытия пока летит мина. После окончания этого обстрела был хороший разбор: досталось, конечно, новичкам.

Вот так началось наше боевое крещение...

ЧАСТЬ 2

Обосновался в Куито-Куанавале, со всеми перезнакомился, приступил к выполнению своих обязанностей. Переводчик один на всех — мне его выделяют не более чем на час-полтора. Дальше крутись, как можешь. Очень помогает словарь, составленный с помощью **Артура**.

Завел себе рабочую тетрадь, где на первой странице написал:

ГЛАВНАЯ ЗАДАЧА!

Заставить офицеров думать, проявлять инициативу и быстро принимать решения.

SEMPRE ESTEJA PRONTO PARA COMBATE — БУДЬ ВСЕГДА ГОТОВ К БОЮ.

Поскольку в Куито-Куанавале негде взять даже гвоздя и иголки с ниткой, чтобы пришить пуговицу, не говоря уже о материалах для изготовления учебно-материальной базы, я определил для себя и своих офицеров и сержантов такой девиз: *Quem busca — acha* («Кто ищет, тот всегда находит», если меня правильно научили). В Куите данный девиз подходит на все случаи жизни — ведь, когда что-то становится нужно, это необходимо добыть.

Начались ежедневные занятия по боевой и политической подготовке со всеми вытекающими из этого делами. Все документы, которые разрабатывались в наших войсках, применялись и в Анголе — никаких упрощений и скидок.

Согласно плану, мы начали проводить боевые стрельбы в составе отделений, взводов и рот. Я обучал офицеров и сержантов составлению конспектов, планов и расписаний.

16-я ПБР постоянно находилась в обороне Куито-Куанавале, но пришлось «обновить» все схемы оборо-

ны, от отделения до батальона, уточнить задачи, вместе с начальником артиллерии привязать новые цели.

Нужно было проверять ход выполнения программы подготовки. Однажды я попросил начальника штаба батальона подготовить мне данные о выполнении плана подготовки подразделений. Это было связано с тем, что подразделения батальона постоянно отвлекались то на прочесывание, то на разведку, то на сопровождение колонны в Менонге.

Приносит мне начштаба сводную таблицу выполнения программы, такой довольный, и говорит, что все подразделения выполняют план на 500—600 процентов. Стали разбираться — оказалось, что планы по каждому из предметов обучения выполнены процентов на 30—40. При этом общий итог подводился методом суммирования — получался полный восторг. Разобрались, научили считать.

При подготовке к боевым стрельбам кое-как набрали мишени. Для гранатометчиков я выпросил у бригады две кабины с подорванных машин, а подорванных машин в Куите было более полусотни.

Первые результаты стрельбы по мишеням меня удивили — они оказались очень низкими. Попробовал сам из разных автоматов — нет результатов. Взял патроны с трассирующими пулями и увидел, что пули летят куда угодно, только не в мишени.

Решили организовать место для пристрелки оружия. Могу всех заверить, что изготовление десяти пристрелочных щитов в Куите — это настоящий подвиг. Несколько дней приводили все стрелковое оружие к нормальному бою. Всем понравилось, и весь личный состав проявил к этому мероприятию огромный интерес.

При выяснении причин ужасного состояния оружия оказалось, что во время чистки оружие раскручи-

валось полностью. Говоря военным языком, производилась полная разборка, то есть среди прочего выкручивались мушки, а при сборке все ставилось на место как бог на душу положит. Разъяснил – помогло.

Кроме этого, приходилось вмешиваться и в работу тыловиков: как кормят, как одевают, как обеспечивают боеприпасами, магазинами, подсумками. Снабжение было не очень. У нас в миссии была одна каска на всех, ни одного противогаза, хотя неоднократно предупреждали о возможном применении ОВ (отравляющих веществ).

Мой рабочий день начинался с обхода территории во-круг штаба батальона. Затем я проверял роты и ежедневно заставлял личный состав убирать территорию – сначала солдат, потом только сержантов, но небольшого сдвига добился только тогда, когда заставил убирать офицеров. Спорить со мной они не решались: во-первых, командир **Рубен** меня очень поддерживал во всем, а во-вторых, все знали, что я неплохой спортсмен.

Седьмого января 1984 г., по окончании боевых стрельб в составе взводов, меня впервые прихватила малярия. Ощущение, я вам скажу, не очень приятное. Температура доходила до 39,6 градусов, но меня вылечил медбрат нашей бригады, у которого было всего-то трехмесячное медицинское образование.

Кстати, таблетки от малярии, которые нам выдавали, не помогали. И если среди советников заболел один, то потом болели все по очереди.

Отошел от малярии через неделю. Начались боевые стрельбы в составе рот. Подготовили и провели показательные занятия с 3-й пехотной ротой для всех командиров рот бригады. Неплохо получилось.

Далее подготовка и проведение боевых стрельб в составе батальона. Тема: «Наступление усиленного батальона из непосредственного соприкосновения с противником».

Все эти занятия лично я, да и все другие советники проводили в соответствии с требованиями советских боевых уставов, когда есть все: и фронт, и тыл, и противник впереди, и все остальное. Надо было не так! В реальной жизни, в настоящем бою с УНИТА, все было совсем по-другому. И обучение надо было строить по-другому, но мы-то этого не знали, пока сами не пошли на операцию. А до этого ангольцы добросовестно выполняли все, что мы им навязывали.

В нашей бригаде было шесть танков **T-34**, и ни один из них не был на ходу. Но у нас имелся один мощный [японский] трактор. С его помощью мы перетаскивали эти танки на наиболее опасные участки, которые чуть ли не каждый день менялись.

Кроме того, нас периодически, то утром, то вечером, обстреливали из минометов **унитовцы**. Во избежание гибели местного населения, мы с помощью муниципального комиссара заставили всех выкопать окопы возле своих кимб [хижин] и домов.

Все время, что я находился в бригаде, мне казалось, что командиром батальона являюсь я, и именно это определяло мое отношение к своим обязанностям.

В выходные дни, если позволяла обстановка, мы шли на речку: купались, загорали. При этом кто-то один из нас всегда был наготове, чтобы пресечь путь из камышей к нашему берегу крокодилу. На реке купались так: отдельно мужчины, отдельно женщины и дети — у нас был свой уголок.

Так как я был еще и местным фотографом, все местное население стояло у меня в очереди сфотографироваться. Благо фотоматериалами меня снабжал **Артур Кушхов** (мне еще в Луанде сказали, что в Менонге работает переводчиком мой земляк по имени **Артур**). В первый день, когда мы прибыли в миссию в Менонге, **Артур** был оперативным дежурным. Когда я подошел к нему,

поздоровался и спросил, как дела на кабардинском языке, он минуты 2—3 стоял с открытым ртом и не мог произнести ни слова.

Кроме работы с подсоветными, мы должны были содержать в порядке хозяйство миссии. За каждым был закреплен свой участок. Огородом, где выращивали зелень и овощи, занимался начальник политотдела. Старший группы и начальник артиллерии отвечали за баню. Курами ведал переводчик. Было несколько свиней и поросят — это комбат третий (советник командира третьего батальона). Подвоз воды — зам по тылу. Был у нас [колесный] трактор **Беларусь** с прицепом, на который установили бочку с подорванного бензовоза. Еще туда приспособили насос для перекачки топлива и механизировали закачку воды в бочку. А на крыше нашего убежища была установлена такая же бочка, куда перекачивали тем же насосом воду, а с этой бочки воду подвели к домам, прочистили канализацию и все это работало. Чтобы в бане была горячая вода, сняли с **БРДМ-2** подогреватель и через него грели воду. Комбат второй (советник командира второго батальона) отвечал за снабжение дровами для бани и кухни. На меня «повесили» электростанцию, киноаппарат и **БРДМ-2** с вооружением. Техник по ремонту занимался своим делом.

Вот так, каждый день, все два года совмещали мы свою советническую деятельность с работой по хозяйству. Да еще надо было стирать и гладить одежду и белье. По субботам выносили из комнат все и паяльной лампой прожигали, что можно, от тараканов. Такой величины тараканов я никогда не видел. По ночам было слышно, как они бегали по бетонному полу. Один раз в месяц в Менонге уходила колонна за снабжением. Оттуда нам передавали продукты, почту и фильмы. Хочу выразить огромную благодарность советнику начальника тыла бВО **Теймуразу Романовичу Двали**, который

изыскивал любые возможности, чтобы разнообразить наше скудное меню.

В следующий раз я расскажу, как мы выкручивались после начала борьбы с пьянством в СССР...

ЧАСТЬ 3 (отступление)

Конец января 1984 г.

24.01.84

Двумя усиленными батальонами, хотя усиленными их можно назвать только условно, было решено провести рейд по базам **УНИТА**. В 7.00 подразделения начали выдвигаться из мест постоянной дислокации. Долго переходили по мосту через реку. Советники оказали помощь в построении походной колонны, выслали разведку, все виды охранения и вернулись в место постоянной дислокации.

Через 30 минут после начала движения главных сил напоролись на засаду, организованную 49-м батальоном **УНИТА**. Завязался бой, очень интенсивный, который длился 40 минут. Зря **унитовцы** организовали засаду так близко — наша артиллерия смогла их достать.

Результаты: **ФАПЛА** — ранено 12 человек, безвозвратные потери — 8 человек; **УНИТА** — безвозвратные потери 31 человек, раненых они смогли забрать. Сутки мы простояли на том берегу, эвакуировали раненых и убитых, пополнили боеприпасы и с рассветом двинулись вперед.

26.01.84

Мы вышли на базу 49-го батальона **УНИТА**. После 30-минутного боя овладели базой, разрушили все, на

месте боя обнаружили троих убитых. Авиация **ФАПЛА** наносила бомбовые удары по позициям **УНИТА**: 25.01.84 — 8 самолетовылетов, 26.01.84 — 6 самолетовылетов. По данным разведки, разбомбили узел связи и полевой госпиталь.

28.01.84

Вернулись на место постоянной дислокации.

Результаты операции:

ФАПЛА: потери — 8 человек, ранено — 20 человек.
УНИТА: потери — 44 человека, взято в плен — 8 человек.

Основные недостатки в ходе боя:

плохая ориентировка по карте;
нет преследования отходящего противника, да это практически невозможно, поскольку у противника нет организованного отхода;
слабо поставлена работа разведки;
минометчики очень медленно перемещаются в ходе боя. Меня удивило то, что минометчики на операцию берут только стволы от минометов и кусок резины от автомобильной покрышки и так ловко регулируют направление и дальность стрельбы.

Февраль 1984 г.

30.01.84-03.02.84

Мы снова выходили на обнаруженную разведкой базу 15-го батальона. Никого не обнаружили, разрушили базу и вернулись без потерь.

04.02.84

Сегодня праздник — День начала вооруженной борьбы за освобождение Анголы от португальской колонизации — если **УНИТА** не помешает, отметим. А пока продолжают повседневные занятия по боевой и политической подготовке. Одновременно совершенствуем оборону...

24.02.84

В 05.20 **УНИТА** атаковала Соби (небольшой населенный пункт километрах в 35—40 от Куито). Ополченцы **ОДП** (Организация народной обороны), оборонявшие Соби, не вступив в бой, разбежались. Высланная на помощь рота напоролась на засаду в 12 км от Соби и перешла к обороне. Были высланы еще две усиленные роты, но противник, обнаружив подход подкрепления, ночью отошел в неизвестном направлении. Второй батальон был временно оставлен в Соби.

Результат: у нас 13 человек ранено, трое — тяжело. В 15.00 из Менонге вернулась колонна. Привезли боеприпасы, **ГСМ**, продукты, почту и фильмы. В бригаде много больных — процент охвата на занятиях низкий.

Март 1984 г.

05.03.84

Минометные обстрелы наших позиций и Куито-Куанавале стали настолько привычными, что я в своем дневнике их не помечаю. По слухам, ГВС [главный военный советник генерал-полковник **Курочкин**] заявил, что обстрелы из минометов и перестрелки с **УНИТА** в местах постоянной дислокации боевыми действиями

не считаются. Не было же на этот счет письменного приказа ГВС.

Рано утром, предположительно силами до 900 человек, снова был атакован Соби. После двухчасового боя батальону **ФАПЛА** удалось вырваться из окружения. Срочно выслали на помощь первый пехотный батальон, усиленный пехотной ротой. Но противник отошел, не дожидаясь подхода подкрепления.

Бой был очень напряженным и интенсивным. Израсходованы почти все боеприпасы к стрелковому оружию, 280 мин. Ранено 23 человека, из них 13 — тяжело. Погибло 14 человек. Командир батальона ранен дважды. По неуточненным данным, **унитовцы** потеряли убитыми до 180 человек — об этом свидетельствуют следы захоронений.

06.03.84

Целый день мы потратили на уточнение своих потерь. Выяснилось, что нет 26 человек. В Соби наши оставили шесть минометов — с собой забрали только их ударные механизмы. К вечеру обнаружили, что нет 9 человек — остальные подошли. Эти дни были для меня самыми трудными: я переживал за людей. Ведь многие погибшие были мне знакомы лично, со многими я успел подружиться.

Разведка работает во всех направлениях — но ничего конкретного. Третий день ждем самолет для эвакуации раненых. Участники последнего боя утверждают, что **УНИТА** применяла отравляющие вещества — какого типа, не знаю. В бригаде нет горючего. Продуктов осталось на три дня.

12.03.84

Рано утром наша шестнадцатая пехотная бригада, с прибывшим на подкрепление пехотным батальоном 36-й ПБр [пехотной бригады], выдвинулась на операцию. На третьи сутки мы вышли на **унитовскую** базу и, не обнаружив противника, с ходу вступили на ее территорию. Но противник очень грамотно организовал засаду и со всех высоток начал обстреливать нас из всего, что у него было. За полчаса боя 40 **фалловцев** были ранены. Хорошо еще, что наши не успели разрушить укрытия в лагере. Командующий 6-м военным округом **Вьетнам** вылетел к нам на вертолете, чтобы лично руководить операцией.

Утром 17 марта наших снова обстреляли из минометов. Подготовка у **унитовцев** очень серьезная — они очень мобильны, надолго в бой не ввязываются. Отход осуществляют мгновенно, разбегаясь в разные стороны. А потом, часа через два, где-то вдалеке взлетает ракета — думаю, что это место сбора.

Мы вернулись через неделю, имея 64 раненых...

ЧАСТЬ 4

Май 1984 г.

Разведгруппы докладывают, что все чаще встречаются следы **унитовцев** — они смещаются на юг. Видели большую колонну на марше — до одного батальона. Вероятнее всего, господин **Савимби** стягивает войска к Мавинге.

Серьезных изменений в тактической обстановке нет: продолжаются периодические обстрелы и мелкие стычки с разведгруппами.

Июнь 1984 г.

13.06.84

Набрали со всех батальонов 470 бойцов и выслали на обнаруженную разведкой базу **УНИТА**, но, похоже, противник обнаружил подход **ФАПЛА** и отошел. Мое личное мнение: **унитовская** разведка работает лучше нашей. Наменяю на это своим подсоветным, но они не соглашаются.

Разрушили базу и вернулись.

15.06.84

В 08.10 **унитовцы** начали из-за реки обстреливать Куито-Куанавале из минометов. Ополченцы **ОДП**, в составе одного взвода, вышли им в тыл, но **унитовцы** их быстро разогнали. В спешке мы набрали до двух взводов **фалловцев** и на двух **Уралах**, под прикрытием двух **БРДМ-2** переправили через реку. Наша артиллерия тоже быстро открыла огонь. Исход боя решили **БРДМы**, — что ни говори, **КПВТ**² в лесу — мощная сила. Захвачено три вещмешка и четыре **РПГ-7**. **Унитовцев** было около сотни — из 49-го батальона. С нашей стороны потерь нет.

Сегодня у нас большой праздник: общими усилиями мы восстановили три танка **Т-34**, из имеющихся у нас шести, проехали по Куито-Куанавале и продемонстрировали всем, включая **унитовцев**, свою мощь.

Уговорили первый батальон перенести передний край обороны метров на 800—900 — прежние позиции были выбраны не очень удачно. Через муниципально-го комиссара «попросили» местное взрослое население помочь расчистить передний край обороны — правда, уже через час помощники стали разбегаться.

Вместе с комбатом набрали взвод и поставили задачу: не выпускать никого; дело с расчисткой пошло лучше.

17.06.84

Впервые нас посетило начальство: приехал командующий 6-м ВО **Вьетнам** и полковник **Василий Иванович Вольский** со свитой. Мне пришлось сбрить бороду — было очень жалко. При следовании колонны из Менонге подорвался на mine **Урал** с продуктами — задним колесом наехал на мину. Погибли двое, ранены 8 человек.

Июль 1984 г.

Боевая и политическая подготовка, разведка, колонны в Менонге, перестрелки, обстрелы — все, как обычно, да еще дежурство по миссии. Дежурный по миссии — это приготовление завтрака, обеда и ужина. Ночью (днем наша **Спидола** [транзисторный радиоприемник] Союз не ловит) необходимо подготовить политинформацию, то есть успеть записать за диктором все новости и утром довести их до всех, чтобы асессоры не отрывались от Родины. Могу честно признаться: если я не успевал записать или было плохо слышно, брал новости месячной давности и снова их вешал на уши советникам. Думаю, все так делали, только никто не признавался.

Вечером, как и в Союзе, на доклад к начальству в лице полковника **Малюкина** — дежурство сдал, дежурство принял. Каждый день **Малюкин** ставил нам оценки за дежурство. Если мне ставил «4», я до хрипоты спорил с ним, доказывая, что заслуживаю «5», и так, пока он не сдастся и не поставит «5». Иначе я не уходил от него и даже отказывался смениться с дежурства. До сих

пор ума не приложу, действительно ли он воспринимал все это всерьез.

Да, чуть не упустил: на дежурстве надо было еще хлеб испечь. Я вспоминал, как это делала моя бабушка, и получалось очень хорошо. За один раз выпекали 12–14 буханок шикарного хлеба.

13.07.84

Прилетели два **Ан-26**. Из округа передали, что мне выделили из «Совиспано»³ магнитофон **Sharp GA7. Артур** прислал мне три плитки шоколада и конфеты – есть чем угощать ангольцев. Привезли почту, продукты, фильмы. Прилетел советник начальника штаба округа полковник **Казачук** и три офицера из Луанды (фамилии не помню). Когда они увидели в столовой коллекцию нашего оружия, обалдели – настрелялись вдоволь из всех видов оружия.

15.07.84

Воскресенье: стирка, баня, письма домой. В обед нам сообщили, что **УНИТА** захватила Соби (вернее, то, что от него осталось). Там всегда находились в обороне около ста ополченцев **ОДП**, обеспечивая, можно сказать, удаленное боевое охранение. Боеприпасами и продуктами их снабжала бригада, и подчинялись они муниципальному комиссару, по просьбе которого мы проводили с ними занятия. Как обычно, они сбежали в Куито-Куанавале и сообщили, что **унитовцев** очень много.

Отдых отменяется! Выслали туда первый батальон с начштаба бригады. Противник встретил наших примерно в двух километрах от Соби и после атаки, с ходу начал отходить в сторону Соби, где оказалось еще около двух батальонов **УНИТА** (эти сведения взяты из докла-

дов участников боя). По этой причине наши не смогли развить успех и вынуждены были перейти к обороне, тем более уже стало темнеть.

16.07.84

С рассветом бой возобновился и продолжался с переменным успехом до обеда.

Прилетевшая из Менонге авиация стала бомбить позиции противника. Воспользовавшись этим моментом бойцы **ФАПЛА** перешли в наступление. Противник вынужден был отойти, понеся значительные потери.

Потери сторон: **ФАПЛА** – убит 1 человек, ранено 8 человек; **УНИТА** – около сотни убитых.

Скоро десятая годовщина **ФАПЛА**. Думаю, что готовимся к этому событию не только мы, но и **унитовцы**.

28.07.84

В районе между населенными пунктами Байша, Лонга и Соби противник атаковал пехотный батальон (кажется, 59-й пехотной бригады) на марше и разгромил его, уничтожив три танка **Т-34**, четыре **БРДМа**, два автомобиля и три противотанковых орудия. На помощь батальону очень оперативно выслали 5 «вертушек» **Ми-8**⁴ с десантом. «Вертушки» поработали хорошо – уничтожено 40 человек противника.

30.07.84

Ночью на удалении 20 километров разведка засекла противника в форме **ОДП** – всего более 100 человек. В бригаде боевая готовность номер 1. Ангольское радио передало, что в зоне нашей ответственности за последний месяц уничтожено 232 **унитовца**.

В последнее время вокруг нас происходит что-то непонятное — **унитовцы** кишат, как в муравейнике.

Вернулся из Луанды советник начальника тыла. Он из числа «инвалидов»: сам в Куите, а «рука» осталась в Москве. Уверен, что после поездки в столицу, он здесь долго не задержится. Привез нам по бутылке джина и по 5 банок тоника, а еще продукты и фильмы. Отправили почту на Родину. Я дежурный: на обед борщ из свежих овощей, но без картошки. На второе — всеми нами любимый рис.

По ночам дежурный не спит: в бригаде готовность номер 1. Годовщину **ФАПЛА** отметили второго вечером.

Август 1984 г.

Весь август мы пополняли запасы боеприпасов и продуктов, проводили учения и стрельбы. В конце августа в Куито-Куанавале прибыла 1-я пехотная бригада и мы принялись готовиться к походу на Мавингу.

30.08.84

Началась первая операция по освобождению Мавинги, в которой были задействованы три бригады: 1ПБр (1-я пехотная бригада), 16ПБр и 13ДШБр [13-я десантно-штурмовая бригада] — последняя присоединилась к нам 15 сентября.

Подъем в 03.00. Завтрак. В 05.00 — начало движения для выхода в район сосредоточения. Нас, советников, 9 человек. Все хозяйство: **УАЗ**, **БРДМ-2** и **УРАЛ** с прицепом. Караул из бойцов **ФАПЛА** — 7 человек.

Перешли мост, организовали все, что необходимо в таких случаях согласно боевого и полевого уставов, и тронулись в путь. Мы все веселые, часть советников

на **уазике**. Ангольцы советовали нам не брать **УАЗ**, но мы исходили из того, что пока мы будем брать Мавингу, оставшиеся в Куито-Куанавале «окружники» разобьют наш **уазик**. К тому же мы слышали, что в Мавинге имеется госпиталь, где работают француженки, и посчитали, что асессору (советнику) не подобает заезжать в город на **БРДМе**.

Геннадий Ефремов поет о том, как мы вернемся с победой. Прошли 12 километров и стали – поломались четыре авто.

Параллельно с нами движется 1-я бригада. Все нормально: кругом лес, пробиваем дорогу с помощью **БРДМ-2**. Стали на ночевку. Первый день мы на настоящей войне, но, вроде, ничего особенного пока не произошло.

31.08.84

Подъем в 04.00. Завтрак. В 08.00 – вперед. С утра был шумок, будто засекали противника, но обошлось. Впереди река Куатир – первый батальон переправился на тот берег, чтобы обеспечить переправу главных сил бригады.

В 08.30 наших впервые обстреляли из минометов, а 1-ю бригаду противник атаковал с тыла, но бригада быстро сумела дать достойный ответ, и противник отошел. Первое боевое крещение бригады.

Результаты: 1 ПБр – 2 человека убиты, 1 ранен; противник – 7 человек убито, 2 человека взято в плен.

Мост разрушен – будем восстанавливать. Ночь прошла спокойно, организовали круговую оборону. Один солдат наступил на мину, но она не сработала – всех предупредили: не шататься, смотреть под ноги. Днем прилетала наша авиация – сбросили четыре бомбы по противнику. Восстановление моста займет пару суток.

Сентябрь 1984 г.

01.09.84

Подъем в 04.00. Завтрак в 05.00. Идет ремонт моста, необходимо восстановить 100 метров. Снова прилетала наша авиация. Наносили бомбовые удары. По кому, не знаю. Я — дежурный повар.

Сегодня мои дочери пошли в школу без меня, а я даже не могу их поздравить. День простояли: идет ремонт.

02.09.84

Подъем в 04.00. Очень замерз ночью: спал на броне, над мотором. Бойцы бродят, шумят — идет завтрак. У моего младшего брата сегодня день рождения, но возможности поздравить нет. В 07.30 начали переправу. К 09.40 переправились. Тактика передвижения в лесу не определена никакими уставами — прошли 14 км и стали — пока для нас это просто прогулка. Двигаться на технике по лесу тяжело, а по имеющимся дорогам — нельзя. Давим лес. Назад сдавать на технике невозможно: поваленные деревья отрывают все снизу. Впереди снова река Ситу. Разведка докладывает, что там тоже мост разрушен. Опять, наверное, будем долго стоять. Досадно. Всем невтерпех добраться до француженок (шутка).

03.09.84

Подъем, завтрак. Подошли к реке Ситу — мост разрушен. Организовали круговую оборону, разослали разведгруппы. Первому батальону приказано к 11.00 занять оборону на противоположном берегу. Мы с Ана-

толием **Пилипенко**, техником по ремонту, под видом проверки техники пошли на речку искупаться, уверенные, что батальон уже на том берегу. Искупались и довольные идем назад, а батальон, который по моим прикидкам должен был находиться на том берегу, сидит на этом и ждет, когда саперы оборудуют переправу. Ну, конечно, оторвался я на комбата «по-нашему». Когда комбат видел, что я сильно не в духе, он мне всегда говорил: «Ассессор **Даниель**, твою мать не надо».

Пойма реки сильно заболочена, а ширина реки всего метров 10–15.

Испекли хлеб в полевых условиях. Пекарню сконструировал **Вениамин Пономарев**, советник начальника артиллерии. В бензобаке от **Урала** с торца сделали дверцу. Закапываешь этот бак в землю, разводишь внутри костер и сверху прогреваешь хорошо землю. Закладываешь формы с тестом и через 30–40 минут хлеб готов. День прошел спокойно. Вечером оприходовали бутылочку на всех для согрева — по ночам очень холодно.

Поспорил на бутылку с начальником политотдела бригады **Кампушем**, что завтра переправу не закончат.

04-05.09.84

Перед самым выходом на операцию сменили командира и начальника политотдела нашей бригады. На эти должности назначили моего подсоветного комбата и его замполита. Поэтому я и за комбрига переживал и в то же время гордился тем, что новым комбригом стал мой подсоветный — значит, не зря я с ним работал. Ну, естественно, на повышение пошли и ротные и взводные.

Замечаний больших к новому руководству у нас нет, хотя теперь мы у них учимся, как в этих условиях воевать. На том берегу разведка обнаружила базу противника, но противник оставил ее 4–5 дней назад.

Насчитали 170 окопов. Вообще, в лесу много проселочных дорог, по которым можно передвигаться и на технике. Видимо, раньше люди тут активно общались между собой.

Наконец-то переправились и вошли в район, контролируемый **унитовцами**. Почему-то у нас в бригаде все их называют «**Квача**»⁵.

По нашим данным, **Савимби** бросил сюда, в сторону Мавинги, основные силы. У **унитовцев** тоже имеется разведка, и работает она неплохо.

06.09.84

С утра – вперед. Мы получили информацию, что вдоль реки Ситу, на стороне, откуда мы переправились, обнаружен противник численностью до двух пехотных рот. Решено идти вперед.

В 09.00 встретили разведку противника в количестве 12 человек. Наши разведчики не стали ввязываться в бой – тихо отошли. Первый батальон, шедший в авангарде, обнаружил противника, который готовил окопы. Увидев наших, противник в спешке отошел. Выслали на преследование до двух рот, но преследование в лесу – дело безнадежное.

Встали, выясняем обстановку, ждем результаты работы разведгрупп. Те докладывают, что был слышен шум автомобилей. Дана команда организовать круговую оборону. Кругом сплошной лес, видимость не более 25–30 метров. Попадаются поляны протяженностью до 1 километра. На всех автомобилях погнуты бамперы.

В 10.15 противник начал обстрел из минометов и атаку – все это продолжалось до 11.30. У нас окопы вырыты только до колена. Все высовываются из окопов: любопытно же, что происходит, когда рядом разрывается мина – ведь на учениях такого не увидишь.

Получил ранение в плечо советник начальника штаба **Сергей** (фамилию не смог вспомнить) — любопытство подвело. Недалеко от нас взрывом перевернуло 120-миллиметровый миномет и разбросало расчет. Ранен в руку начальник тыла бригады. Бой был очень интенсивный.

Прилетели два **МиГа**, побросали бомбы. Хорошо не на нас — с ними никакой связи. Авианаводчиков нет.

Результаты: у нас — 3 человека убито, 8 ранено; у противника — 8 человек убито (в том числе замполит 49-го пехотного батальона), согласно списку личного состава батальона, в ротах у них осталось по 38—40 человек.

Приказано стать на ночлег.

07.09.84

В 09.30 прилетели два **Ми-8**, привезли почту, письма. Все раненые, в том числе и наш **Сергей**, эвакуированы. Теперь он будет у нас орденосцем: здесь недостаточно просто хорошо работать, чтобы получить орден — надо, чтобы тебя убили или ранили. Это начальство может получать ордена за хорошую службу без ранения. Даже те, которые три года просидели, выглядывая самолеты, чтобы забрать газеты и разложить по столам. Кто на что учился.

В 17.15 авангард встретился с боевым охранением противника, который после короткого боя стал отходить. Затем вступили в бой главные силы противника. Атака с ходу у наших не получилась, батальон перешел к обороне. Ночью противник отошел. Противник, 118-й пехотный батальон, потерял 30 человек убитыми. Мы захватили 1 гранатомет **РПГ-7⁶**, 1 винтовку **G-3⁷** и 21 удостоверение. Этот 118-й пехотный батальон входит в состав первой бригады 66-го военного округа Юго-Восточного фронта, если мы правильно разобрались в документах. Среди убитых и командир роты

«С». Наш комбат первым в рукопашном бою сумел вырвать у противника винтовку и ликвидировать его штык-ножом. Бой продолжался 30 минут. Противник решил контратаковать и вышел из окопов, что закончилось для него печально.

Как выяснилось, у них в каждой роте есть минометный взвод.

Первая бригада следует параллельным курсом.

08.09.84

До 12.30 ждали вертолет, но он не прилетел, и мы тронулись на 156 градусов — повернули на Шамбингу.

В 13.00 первая бригада нанесла залповый удар из **БМ-21** по району, где разведкой был обнаружен противник. После выяснили, что в результате этого удара было уничтожено 23 **унитовца** из 154-го батальона. Прошли 7 километров и стали. Там, куда ударили из **БМ-21**, полыхало всю ночь.

09.09.84

В 07.40 батальон первой бригады встретил разведку противника; в 08.40 батальон был атакован. Атака была отбита, но противник подтянул резервы численностью до одного батальона, и наш батальон оказался в окружении. Просят помощи, боеприпасы на исходе. Огнем из минометов мы им помочь не можем — далеко, а из **БМ-21** можно стрелять только далеко — лес мешает.

К 10.00 на месте боя все затихло. В 10.00 прилетели вертолеты, привезли боеприпасы и продукты, забрали раненых.

В 15.00 обнаружился пропавший батальон. Его потери: трое убитых, двоих ранило. По их сведениям, уничтожено 23 **унитовца**.

Вечером решили устроить баню: кругом пожары, воды не хватает. Пьем коричневую воду и на ней же готовим пищу. Фильтруем, кипятим, бросаем таблетки — ничего не помогает.

Днем ужасная жара. В **БРДМе** температура за 60 градусов — каждые полчаса снимаю и отжимаю рубашку, ведь я же водитель **БРДМа**. Иногда меня **Анатолий** подменяет. Он тоже, как белка в колесе крутится: техника часто ломается.

09-10.09.84

Все время шли по выгоревшему лесу. Все, и мы тоже, черные. Уже стали похожи на них. Ориентироваться по карте очень тяжело. Хорошо в Союзе: заблудился — спросил у местных, а тут не у кого спрашивать.

13.09.84

Прилетели два вертолета — с **Вьетнамом** и **Вольским**. Загрузили трофеи, раненых. Вертолет с трофеями зацепился лопастью за дерево. Его развернуло, и он ударился хвостовой частью о дерево и свалился — никто не пострадал. Выгрузили раненных, погрузили трофеи и начальство. Улетели, сказав, чтобы ждали до следующего дня другой вертолет — для эвакуации раненных.

В 14.00 разведка противника напоролась на нашу оборону. В 14.35 противник атаковал обе наши бригады крупными силами: только на позицию 9 ПБр упало 37 мин. У нас убито 3 человека, семеро ранены.

В первой бригаде шариком от мины ранен старший группы (фамилию не помню, в моем альбоме есть фото). Эти мины разрываются над землей, а шарики летят вниз. Очень хреновая штука — даже окопы не спасают.

Бой шел с очень близкого расстояния. В наш **БРДМ-2** пули попадали много раз. У нас и у соседей пробито много колес. В первой бригаде 14 человек ранены.

Прилетели два **МиГа**, постреляли, бомбы побросали и улетели. У нас нет взаимодействия с авиацией, да и по топливу у них ограничения — уж слишком далеко мы от Менонге.

Ждем подхода 13-й десантно-штурмовой бригады. Они привезут нам боеприпасы и продукты, а то мы уже перешли на коз (которых отстреливаем без лицензии) и местные фрукты. Фрукты разные попадают, но не все они съедобны.

14.09.84

В 13.00 прилетели два **МиГ-23** и два **Ми-8**: постреляли вокруг нас, побомбили, вертушки сели, забрали раненых. Среди прилетевших за ранеными были наши спецы по вертушкам — они сняли с упавшего вертолета все, что можно. Выпросили у наших ребят бак для запасного топлива, помыли хорошо и залили водой. Упавшую вертушку мы подорвали, но через несколько дней **УНИТА** передала по радио, что сбита этот вертолет. Стоим на месте. Обе бригады выслали по одному батальону на разведку, ждем результатов.

Ночью спим на земле, а рядом выкапываем окопы: когда начинается бой или обстрел, сначала ныряешь в окоп, а потом разбираешься, что к чему.

ЧАСТЬ 5 (отступление)

15-17.09.84

Стоим на месте. Подошла 13-я ДШБр с советниками, привезли нам боеприпасы и продукты. На марше батальон 1-й бригады и передовое охранение 13-й ДШБр встретились и повоевали между собой — есть потери и раненые с обеих сторон. С утра прилетали два вертолета и постреляли вокруг нас. В зоне, где они работали, оказалась одна из рот 13-й ДШБр — никого из ее бойцов не зацепило. Впереди мост. Заминирован: двоим нашим бойцам оторвало ступни.

16.09.84

В 15–20 километрах от нас наша авиация обнаружила противника силами до 2–3 батальонов. Четыре самолета нанесли по ним бомбовый удар. Результаты неизвестны.

Вместо раненого советника в бригаду прибыл старший группы. Из разговора с ним видно — настоящий «**Чапаев**»: готов сразу всю **УНИТА** уничтожить. Нас уже три бригады, но 13-я ДШБр только сформирована и не имеет никакого опыта ведения боевых действий.

Несмотря на то, что здесь воюют почти все войска округа, представителя округа так и нет. Каждый комбриг — царек: делает все, что хочет. Несмотря на все наши попытки организовать взаимодействие между бригадами, ничего не получается.

Устроили себе баню, вода непонятно какого цвета. Нашу бригаду усилили шестью **БТР-60 (БТР-60ПБ)**⁸, одним **БРДМом** и одной ротой 13-й ДШБр, оставив ее в резерве комбрига.

17.09.84

В 08.30 получили приказ выступать вперед, но разведка сообщила, что впереди до двух батальона противника. Пришлось вернуться на позиции. Выслали вперед по одному батальону от каждой бригады, но противника не обнаружили.

Над нами полдня кружились самолеты, сменяя друг друга. Должен заметить — от самолетов толк небольшой, ведь сверху ничего же не видно. Но моральная поддержка хорошая.

18.09.84

Подъем, завтрак. В 08.30 тронулись вперед. Прошли 15 километров. Мое место в **БРДМе** за **КПВТ** — большинство офицеров знают его плохо, мне приходилось со всеми вновь прибывшими советниками проводить практические занятия. До курсов «Выстрел» я тоже не очень хорошо владел этим пулеметом и, приехав на курсы, получил по **КПВТ** «двойку». Преподаватель на курсах заставил разбирать и собирать его с закрытыми глазами — как часто я благодарил его за это. Ведь из всего, что у нас есть, **КПВТ** — самое мощное оружие.

В обед напоролись на засаду: противник открыл огонь с двух сторон. Слева от нашего **БРДМа** стоял **БРДМ** ангольцев, а за ним — начальник штаба бригады с адъютантом. Неожиданно ангольский **БРДМ** сменил позицию, и эти двое вынуждены были упасть на землю. В это время между ними разрывается мина. Жуткая картина: начштаба подбросило почти на метр и разорвало до пояса. Погиб и второй. Начштаба, капитан **Мабанза**, учился на курсах «Выстрел», по-русски говорил хорошо и всегда помогал нам при составлении планов занятий, когда их надо было переводить на португальский.

Бедный наш **уазик** опять получил 4 пробоины. У нас 24 человека ранено — основной удар пришелся по моему первому батальону. Обнаружили 8 убитых **унитовцев**.

Стали на ночь. Я заступил на дежурство.

19.09.84

Прошли 3 километра и стали в ожидании вертолетов. Подготовили площадку. Для этого необходимо выбрать участок, где как можно меньше деревьев, размером не менее 50 на 50 метров, и там вычистить все и обозначить границы. Прилетели два вертолета, привезли кое-что. В частности, нам два бензобака на **уазик** (старые были пробиты осколками мин), но один бензобак оказался дрявым.

В 17.00 впереди начался бой — там 1-я и 13-я бригады. Позже они рассказывали, что давили **УНИТУ** даже **БТРами**. К нам прибыл новый начштаба бригады, вместо погибшего.

Получили радиограмму с приказом привести все средства ПВО в боевую готовность № 1. Глупее ничего не придумаешь, ведь все знают, что у нас нет никаких средств ПВО.

Сравнивая действия и результаты трех бригад, мы пришли к выводу, что 16-я бригада стоит намного выше остальных. Что значит куитовская практика постоянного ведения боев.

20.09.84

В 07.00 мы выступили вперед, но в 07.40 начался обстрел из минометов и одновременно был атакован первый батальон. Один крупный осколок попал в **БРДМ-2**, другим осколком разбило лобовое стекло нашего **Урала**, кругом разрывы, стрельба. Во время боя я сижу за

КПВТ: нас девять человек, а **БРДМ-2** рассчитан на 4 человека, и никто не должен мне мешать поворачиваться по кругу — тесновато. Первый батальон доложил, что противник отошел. Трое **унитовцев** убиты.

В 06.00 атакованы 1-я и 13-я бригады — результаты пока неизвестны.

В 15.30 нас снова атаковали с тыла крупными силами. Тылы и артиллерия сбежали вперед, осталась одна пехота. Пришлось возвращать артиллерию на место. Только через 30 минут мы смогли открыть огонь. Впервые за все время атака была столь мощной. Основной удар пришелся на 2-й и 3-й батальоны. Бой шел полтора часа. Обе стороны сражались до последнего патрона. И в этот раз исход боя решили **БРДМы** и **БМ-14⁹**. Строго говоря, в таком густом лесу машины **БМ-14** неэффективны: прямой наводкой стрелять невозможно, мешает лес. Но после каждого выстрела прекращается перестрелка, и все ждут разрыва снаряда. После этого перестрелка возобновляется.

13-я ДШБр двигалась слева от нас, но после атаки противника она оказалась справа и стала вести огонь через наши головы — еле уговорили не стрелять. Нервы у всех советников на пределе: никому не хочется умирать. Да еще наш **уазик** словно притягивает к себе все мины. Предлагали нам его взорвать, но рука не поднимается. И к тому же никто потом не выделит нам новую машину.

У всех закончились сигареты. Благодаря некурящему **Вениамину Пономареву** у меня осталась запрятанная в **БРДМе** заначка, о которой знаю только я. Вечером бойцы попросили у меня закурить. Я поставил им условие: даю пачку сигарет за каждого пленного. В 03.00 меня разбудили бойцы 3-й роты и стали требовать две пачки сигарет. Я долго не мог сообразить, чего они от меня хотят, но, когда сообразил, пришлось выполнять обеща-

ние. Как раз в это время из округа требовали пленного. Наши ребята привели двух пленных из 15-го пехотного батальона **УНИТА**, который недавно был снова сформирован. Вооружение: автоматы **АКМ** китайского производства. Пленные рассказали, что здесь действуют четыре батальона. Один из них — **специальный батальон для захвата техники**. Это уже седьмой крупный бой и с каждым разом атаки противника становятся все интенсивнее.

Противник начал применять новую тактику: атака в два, а то и в три эшелона — первый эшелон атакует и продвигается вперед на определенное расстояние, после чего вступает в бой второй эшелон, а первый эшелон отходит, забирая раненых и убитых.

У нас убито трое, ранены 18 человек; ранен в плечо командир 3-й роты. У **Квачи** убито 18 человек.

21.09.84

Первая бригада с утра начала движение вперед, но доложили, что впереди противник, и бригада вернулась на исходные позиции. В 12.30 прилетели три вертолета **Ми-8** и один **ПС-9** — забрали раненых и двух пленных.

В 10–12 км от нас разведка первой бригады обнаружила противника. В 15.00 все бригады начали движение. Прошли 4 км и стали на ночевку. У нас заканчивается вода. Осталось только для приготовления пищи, умытья нечем. В начале операции противник устраивал засады и атаки силами до батальона с одного направления. Теперь чаще нападает с разных сторон одновременно, чаще с тыла и по флангам. Чем ближе подходим к Мавинге, тем больше возрастает его сопротивление. Вчерашний бой — наглядный пример смены противником своей тактики.

22.09.84

К исходу дня добрались до воды. Здесь существует негласное правило, не знаю, кем заведенное: когда кто-то набирает воду — мы или **унитовцы**, никто друг в друга не стреляет. Видимо, вода важнее любой революции. Но, как только немного отъехал от воды, берегись. Во время нашего продвижения один **унитовец**, увидев наших, залез в нору — их тут очень много, разного диаметра. Сколько его ни уговаривали, не захотел вылезти, а вытащить его невозможно. Тогда наши бойцы забили вход кольями и пошли дальше.

Разведчики принесли два крокодиловых яйца — они чуть больше гусиных. Возле подхода к воде — сухой лес высотой 2–3 м. Двое **унитовцев** подожгли этот лес, но все обошлось.

Мой запланированный на сентябрь отпуск накрылся. А ведь дома меня ждут!

Второй день подозрительно спокойно — наверное, готовят нам сюрприз. Мы уже точно знаем, что против нас действуют 15, 18, 154, 118, 75 и 49-й пехотные батальоны, а также спецбатальон по захвату техники, и со всеми ними мы уже вступали в бой.

День прошел нормально. Общего руководства тремя бригадами на месте нет — все команды сверху спускаются по радио. У каждого советника есть календарь, и каждый, кто утром, кто вечером, зачеркивает дни. Я зачеркиваю только вечером, ведь неизвестно, доживешь до вечера или нет.

Почему-то минным осколкам и пулям нет разницы, кто ты есть — они убивают и ранят всех одинаково, не глядя на цвет кожи.

23.09.84

В 06.00 — короткая артиллерийская перестрелка с противником. В 09.50 — снова атака на второй батальон, 12-минутная, небольшой группой. Наверное, разведгруппа. В 10.50 привезли пленного из 118-го пехотного батальона — говорить пленный отказывается.

Первая бригада тоже утром вела бой с противником.

Результаты: 1-я бригада уничтожила 19 **унитовцев**; наши — 15 **унитовцев**, и одного взяла в плен. У нас потерь нет. Прилетели три вертолета и один **БС-9** (а может быть **ПС-9**¹⁰ — не помню, как правильно), забрали раненых и пленного. Два вертолета поработали вокруг нас минут 15–20.

В 14.15 начали движение. По дороге пристрелили еще одного **унитовца** — не захотел сдаваться. Прошли 6 км и стали на ночь.

24.09.84

В 07.20 наш третий батальон атакован 118-м батальоном **УНИТА**. Наши сумели быстро дать отпор **унитовцам** — они этого не ожидали и отошли. Бригада с каждым днем становится мобильнее, на все атаки реагирует мгновенно — сказывается опыт. Нет той неповоротливости, которая была вначале. Снова захвачен пленный из 118-го пехотного батальона **УНИТА**.

В 12.40 мы снова атакованы тем же батальоном: противник выпустил по нам несколько мин и после короткой перестрелки отошел. По всей видимости, у противника осталось мало боеприпасов и мин — его атаки стали скоротечными. Думаю, что с подвозом снабжения у них проблемы. Раньше разведгруппы докладывали, что слышали шум автомобилей, видели свежие следы, но теперь ничего не видно и не слышно.

Первую бригаду атаковал 75-й батальон. У них тоже есть пленный. По пути снова один **унитовец** спрятался в норе — наши подогнали груженный грузовик и проехали по норе.

От взрывов загорелся лес — сушняк высотой 3—4 м — это намного страшнее любого обстрела: началась паника, горит с трех сторон, огонь перемещается с большой скоростью.

Выбирались кто как мог. Если бы нам устроили засадку здесь, на выходе, никто бы не вышел.

В 16.30 стали на ночь. Кругом видимость не более 20 метров: сплошной лес.

Пленный говорит, что весь его батальон разбежался. Очень наглый: заявил, что устал и хочет отдохнуть.

Все время по маршруту движения разбрасываем листовки, агитируя **унитовцев** переходить к нам, но очереди к нам нет. Пленные ведут себя по-разному: те, которые у них недавно, говорят. От остальных ничего не добьешься. Днем над нами пролетели два **МиГ-23**. Чем они там впереди занимались, не знаем. Подобрали на поле боя 4 **АКМа**, патроны к ним и мины — все китайского производства, все номера тщательно забиты. Несколько вещмешков с обмундированием и небольшой кусочек мамалыги — кормят их неважно. Хочу отметить — пленных с пристрастием ни разу не допрашивали.

Прошли 12 км и стали. Вечером привели еще одного пленного — из 75-го батальона.

25-26.09.84

Первый день прошел нормально: машины ломаются, запчастей нет, зампотех с нашим техником прапорщиком **Анатолием Пилипенко** творят чудеса — хоть и долго ремонтируют, но техника двигается. 26-го с утра два раза интенсивный обстрел из минометов.

28.09.98

Остановились и основательно окопались. Топливо, боеприпасы, продукты — все на исходе. За все время пополнение снабжением было один раз, когда подошла 13 ДШБр.

Все уверены, что дальше такими силами идти нет смысла. Начал проситься в отпуск, но пока не разрешают. Ждали «вертушку», но она не прилетела.

С 30.08 по 28.09 мы прошли в сторону Мавинги 175 километров, средняя скорость движения составила 5,8 километров в сутки. Продолжаются обстрелы и атаки небольшими силами с различных направлений.

29.09.1984.

Ура! Мне разрешили в отпуск. Вылетел вертолетом в Куито-Куанавале, посмотрел вниз — ничего не видно, сплошной лес. Как там летчики обнаруживают цели, непонятно.

А бригады так дальше и не пошли — окопались и стали потихонечку огрызаться. Противник начал подтягивать к ним свои силы и «долбить» их со всех сторон. Не буду утверждать, но, по неутонченным данным, кубинцы настояли на прекращении этой операции.

Войска вернулись в места постоянной дислокации.

Октябрь и ноябрь [1984 г.] я провел в отпуске. В начале декабря я вновь прилетел в Менонге, для следования в 16-ю ПБр в Куито-Куанавале. Все, кто меня знал, были очень удивлены тому, что я вернулся. Ведь раньше второй год в Куите никто не служил. В Луанде мне предлагали другие варианты, но мой выбор определил отношение лично ко мне офицеров и солдат 16-й ПБр и местного населения. Теперь я был уверен, что в любой ситуации они меня не бросят. А с коман-

диром бригады у нас были очень хорошие дружеские отношения.

ЧАСТЬ 6

1985 год

К сожалению, в январе и феврале я не вел свой дневник. Может быть это связано с моим послеотпускным настроением, а может просто хандра какая-то — не помню.

В начале марта 1985 г. я по болезни вылетел в Мелонге, а затем в Луанду. Неделю лечился в поликлинике при миссии, пока меня совсем не прижало. Утром 13 марта повезли меня сначала в ангольский, а затем в кубинский госпиталь, но почему-то ни там, ни там меня не приняли. Мне было так плохо, что я уже не мог сам передвигаться. Врач миссии, подполковник (фамилии не помню), уже не знал, что со мной делать. Надо сказать, мне опять повезло: в ночь с 12-го на 13-е марта в одной комнате со мной ночевал доктор из Кабинды. Провозившись со мной всю ночь, он сопровождал нас по всем госпиталям. Ранее я говорил врачу миссии, что начинаю болеть малярией и мне надо сделать укол, но тот объяснял мое состояние реакцией на уколы, которые мне тогда делали. В кубинском госпитале у меня взяли анализ крови и подтвердили малярию. Еще сделали рентген желудка и обнаружили кучу проблем. Собралось несколько докторов, которые решили, подлечив немного на месте, отправить меня для дальнейшего лечения в Союз. Доктор из Кабинды настоял, чтобы меня отвезли в госпиталь при советском посольстве.

Диагноз, который мне поставили, звучал так: малярия, амебиаз кишечной формы, гастродуоденит — все это в приемном отделении посольского госпиталя в

моем присутствии сообщили главному врачу. Положили меня в палату, и, когда наш врач ушел, ко мне зашел главный врач и разложил все мои «болячки» по полочкам. «Все это ерунда, — сказал он. — Полежишь здесь, мы все вылечим. Не волнуйся». А когда он узнал, что я из Куито-Куанавале, отношение ко мне стало еще лучше. Я до сих пор очень благодарен врачам из посольского госпиталя и этому доктору из Кабинды. Наверное, уже сотни раз я рассказывал своим знакомым, как эти люди отнеслись ко мне. Именно поэтому я так подробно описываю этот случай.

Пролежал я под капельницей трое суток и 28 марта выписался из госпиталя, после чего еще 10 дней лечился при миссии. В Менонге я прибыл 8 апреля и через 5 дней снова малярия, снова в госпиталь к кубинцам. А вспомните, ассесоры, какие девчата работали в кубинских госпиталях!

В Куито-Куанавале я вернулся 4 мая — на Ан-26¹¹, и не с пустыми руками — привез 75 килограммов настоящей картошки. Картошку мы готовили только на первое, установив норму — не более пяти картофелин в день. Шестого мая я опять почувствовал себя неважно — подозрение на малярию. На всякий случай сделал пару уколов. Если так будет продолжаться, надо проситься в Союз.

Май 1985 г.

07.05.85

Третий батальон вышел на сопровождение колонны из Менонге. В 40 километрах от Менонге он был атакован противником и занял оборону. Противнику удалось уничтожить 5 машин. Мы потеряли 7 человек убитыми, 20 человек было ранено. С помощью присланной

из Менонге авиации атаку удалось отразить, и колонна прибыла в Куито-Куанавале. Вечером – обстрел Куиты с двух сторон.

Необходимо переходить к более активной обороне, менять систему огня. Все что у нас имеется, **унитовцы** знают. И к нашим действиям по отражению их атак адаптировались.

Юра Барсуков сильно болеет, малярия. Нас здесь осталось пять советников, что-то мы все чаще стали болеть. Из округа поступил приказ об отмене отпусков и выездов в Союз – наверное, намечаются «мероприятия». Приехали по замене новые советники: зам. по тылу, переводчик, техник по ремонту – но пока они сидят в Менонге.

16–17 апреля юаровцы начали отвод своих войск в направлении Намибии, и **унитовцы** повсеместно активизировали боевые действия.

Город Лонга был атакован четырьмя батальонами **УНИТА**: **фапловцы** не устояли и отдали городок. Потом из Менонге подошли два пехотных батальона **ФАП-ЛА** – совместными усилиями, при поддержке авиации, Лонгу удалось освободить. **УНИТА** стягивает войска на север, с каждым днем их вокруг нас становится все больше и больше. Мне кажется, **унитовцы** знают больше, чем мы, и уже начали подготовку к предстоящим нам секретным мероприятиям.

Почти через день **унитовцы** обстреливают Куито-Куанавале – в основном ночью или вечером, чтобы их не преследовали. Опять болею малярией, стоит заболеть одному из нас, как начинают болеть и остальные.

09.05.85

С утра все спокойно. В 10.00 пришли к нам представители бригады, муниципальный комиссар, поздрави-

ли с праздником, был праздничный обед. В 13.00 поехали в штаб выяснять обстановку. В 18 километрах от Куито-Куанавале атакована наша колонна из Менонге. Бой шел 1 час 40 минут. Комбриг **Рубен** с личным составом выехал на помощь из Куиты, вызвали авиацию из Менонге. Прилетели два **МиГ-23**, поработали, **унитовцы** отошли. С первой машины видели гранатометчика у обочины, но никто не догадался пристрелить его, вот и поплатились. Опять безответственность. Гранатометчик, пропустив четыре машины, подбил пятую, после чего колонну стали расстреливать в упор. Сожжено пять автомобилей, погибло 30 человек, 17 человек ранено. Потери **УНИТА** неизвестны.

10.05.85

Прилетели два вертолета из Менонге. Прибыли специалисты **РТВ**¹² **Олег Тимошенко** и **Рамазан**. Я, вроде, отошел от малярии, заступил дежурным по миссии. Вертолеты забрали раненых и улетели.

11.05.85

По нашему пляжу выпустили пять мин, но нас там не было.

Когда по несколько раз просмотрены все фильмы, прочитаны от начала до конца все газеты — «Правда», «Красная Звезда» и журнал «КВС» [коммунист вооруженных сил], включая данные о тираже и составе редколлегии, вечерами делать нечего. Мне нравилось пройтись по Куито, пообщаться с местным населением. Везде возле кимб горят костры — готовят ужин. Возле одной из кимб, где сидели две семьи с детьми, пришлось задержаться. По-португальски я уже разговаривал неплохо и мог общаться без переводчика, а местному населению было

очень интересно все, что связано с СССР. Они задавали мне вопросы, я им отвечал и, конечно, расхваливал нашу жизнь. Действительно, по сравнению с ними, мы в Союзе жили шикарно. Один из мужчин спросил меня, почему все советники здесь без жен, и как мы обходимся без женщин. Не стал я ему разъяснять все причины. Просто ответил, что женился бы здесь, но нет желающих, «выйти за меня замуж». Он тут же предложил мне жениться на одной из его трех дочерей, а им было от 16 и больше. На что я ответил, что согласен, но у нас в Союзе принято, перед тем как жениться, прожить со своей будущей женой месяц и, если все нормально, можно сыграть свадьбу. Немного подумав, он разрешил мне попробовать пожить по 10 дней с каждой из его дочерей, чтобы у меня была возможность выбора. На мой вопрос, что от меня требуется, он ответил, что я должен приготовить к свадьбе мешок сахара для приготовления самогона, 10 кур, поросенка — все это на закуску, и для него новую **фапловскую** форму. Он знал, что у нас были куры и поросята.

В это время из миссии прибежал мой посыльный, которого я перед выходом предупредил, по какому маршруту буду двигаться во время прогулки, и доложил, что противник напал на соседнее село, и в бригаде объявлен сбор. Через несколько дней приходит ко мне мой несостоявшийся тесть и спрашивает, когда я заберу к себе его дочь. Мне пришлось изворачиваться, говорить, что я позвонил начальнику, и он не разрешает мне жениться. Тот был искренне возмущен тем, что начальники не понимают нас, и даже предложил лично поговорить с моим начальником.

12.05.85

День прошел как обычный выходной. В 17.25 обстрел из минометов по позициям 6-й роты. Наши бы-

стро ответили, и **унитовцы** поспешили смыться — видимо, наши угадали куда бить. Проблема в том, что в лесу сразу определить огневую позицию минометов очень тяжело — необходимо засечь место выстрела хотя бы с двух точек, а на это нужно время. Пока эти две точки свяжутся по радио, пока подготовят данные для стрельбы, **унитовцы** успевают сменить позицию. **Барсуков Юра** сильно болеет, ему стало хуже, уколы уже не помогают.

13.05.85

У **Юры Барсукова** температура 41 градус. Дали телеграмму о необходимости эвакуировать его в госпиталь. Обещали самолет на завтра. Может быть, и почту привезут. Вечером написал письма домой. Днем сварил несколько щитов для пристрелки стрелкового оружия — давно не проводил это мероприятие.

14.05.85

Прилетел **Ан-26**, прибыли новый зам. по тылу **Расторов**, переводчик, техник **Чохленко** и двое проверяющих из Луанды, все получили письма: я — от жены, матери и дочери. Первым к самолету подошел я. В это время у меня была приличная борода, и когда я поздоровался с вновь прибывшими, они удивились, что я разговариваю по-русски. Я понял, что они меня приняли за кубинца, и не стал их разочаровывать — сыграл для них роль переводчика. Почему-то наша машина задерживалась, и они попросили меня сообщить советникам о том, что они приехали, и побыть с ними, пока не приедут советники. А когда я вместе с ними сел в машину и поехал в миссию, то кто-то из них спросил: «Вы тоже здесь живете?».

Самолет улетел, забрав **Барсукова** и переводчика **Виктора Ключкова**. Интересно наблюдать за новичками:

все у них вызывает восторг, особенно, условия проживания, можно сказать, со всеми удобствами. Да, действительно, я ранее обращал на это внимание, у нас имеются все удобства. Все это мы создавали собственными руками. Мы ознакомили новичков с их обязанностями по боевому расчету, предупредили, чтобы они не роняли гильзы снарядные, которые мы использовали вместо пепельниц. У нас везде по периметру были развешены гильзы от 76-мм пушки [ЗИС-3]¹³. В случае любой неожиданности, часовой начинает стучать по гильзе куском арматуры, и все сначала бегут в убежище, а уж потом разбираются, что случилось. При начале обстрела счет идет на секунды, а у вновь прибывших этот звук не вызывает никаких эмоций. А когда гильзу роняешь на бетонный пол, получается такой же звук, как и при тревоге — частые улары. Я тоже вначале часто ронял эти гильзы и никогда не понимал, почему остальные так реагируют на этот звук. Но со временем сам стал реагировать так же.

Заступил в наряд.

17.05.85

Целый день готовили второй батальон к выходу в направлении Соби. Выход назначен на завтра, на 06.00. В 22.30 начался обстрел поселка Сан-Мари, который продолжался 8 минут. Этот поселок с населением около полусотни человек находится в 2–3 километрах от Куито-Куанавале.

19.05.85

В 11.40 начался обстрел опорного пункта 6-й роты — выпущено 5 мин. О втором батальоне ничего не слышно.

20.05.85

Снова признаки малярии — делаю уколы. Или мне кажется, или я уже стал специалистом по определению малярии. А может, это уже просто страх заболеть, поэтому делаю уколы так часто. Запасов лекарств и одноразовых шприцев нам хватит на полгода. Шприцев этих одноразовых я раньше в Семипалатинске и не видел и вначале относился к ним с опасением, но теперь привык. В самом начале своих записей я отмечал, что привез с собой хозяйственное мыло — наше советское, темное, с не очень приятным запахом. А здесь у нас этого мыла, всех цветов радуги, с таким приятным запахом, оказалось полно. А в Куито-Куанавале бананов нет.

21.05.85

В 17.40, из-за реки, с двух направлений начался обстрел второго батальона — выпущено 10 мин. Второй батальон вышел на связь и докладывает, что обнаружено очень много свежих следов и отдельные небольшие группы, которые, избегая вступления в бой, уходят в сторону. Я неоднократно убеждался в том, что ангольцы могут по следам очень точно определить, сколько человек прошло и когда.

24.05.85

Разведка докладывает, что выявлено очень много передвижений противника в районе между Куито-Куанавале и Лонгой. Начали готовить первый батальон в рейд в направлении Лонги. Подготовка заключается в проверке снаряжения бойца: магазины, подсумки, боеприпасы, еда и все остальное, что ему необходимо на несколько суток. Бывают случаи, когда еды выдают

на три дня, а рейд длится неделю и больше. Что они там едят? Когда спросишь, чем питались, показывают на лес — там еды много.

25.05.85

Набрали 361 человека и отправили в составе первого батальона. В обороне у меня остались только больные и хромые. Пришлось из третьего батальона взять один пехотный взвод на усиление моих больных, да еще три танка. В 16.40 начался обстрел. Суббота — банный день! Я в это время стоял под душем, намылив голову, так и пришлось бежать в убежище — в трусах и с намыленной головой. Ох, как хочется жить!

27.05.85

В 17.40 начался обстрел с двух направлений — выпустили 12 мин — 6 штук по левому флангу второго батальона, а другие 6 штук легли возле речки, метрах в 400—500 от нас. Мои находятся в районе Лонги. Вечером они были в 30 километрах от нас.

28.05.85

Первый батальон на подходе — в 10 километрах от Куито-Куанавале. Мы засекли много мелких групп, но все они уходят в сторону, избегая столкновения с нашими. Наверное, тоже разведгруппы. **Вениамин Пономарев** ремонтирует печку в бане. Меняет колосники на рессоры от **Урала**, но их хватает на 2—3 месяца: металл плавится от высокой температуры, которая выделяется от горения красного дерева. Мы готовим еду, выпекаем хлеб, топим баню только красным деревом — такая вот роскошь по-африкански.

29.05.85

В 17.30 опять обстрел из двух минометов с разных позиций. Начали из одного миномета, но во время ответного огня под шумок начал стрельбу второй миномет. Две мины упали с перелетом в 300 метрах от нас, остальные — в реку. Третья батарея засекла огневые позиции и выпустила по ним 32 снаряда из 76-миллиметровых пушек (ЗИС-3). Результаты посмотрим завтра.

Июнь 1985 г.

01.06.85

Вот и отпраздновал свое 39-летие в Африке. Спасибо **Артуру Кушхову**: организовал передачу из Менонге — через кубинцев достал вина, и было чем отметить. Комбриг **Рубен** тоже не остался в стороне — выделил из своего резерва вина, и получилось неплохо. Офицеры, остальной личный состав и местное население очень точно чувствуют, как ты к ним относишься, и точно так же относятся к тебе. Если ты начнешь проявлять высокомерие и воспринимать их как «черномазых», как это делают многие в Союзе, нормального отношения к себе ждать не стоит. Личный состав бригады, в основном, люди малограмотные. В каждой роте организованы курсы по ликвидации неграмотности. При наличии времени 2–3 раза в неделю с такими людьми проводятся занятия. У нас в бригаде самым грамотным считается начальник политотдела — он окончил семь классов школы. Но, несмотря на это, любой солдат может без бумажки выступать на митинге неограниченное время.

Во время праздников танцы в Куито-Куанавале начинаются в пятницу вечером и заканчиваются толь-

ко к утру понедельника. Если кто-то устал или захотел спать, он устраивается тут же на земле и, выспавшись, продолжает танцевать. Женщины начинают готовиться к танцам за несколько дней. Когда они делают друг другу прически, на каждую прическу уходит минимум один день. Мне приходилось неоднократно наблюдать, как одна сидит на земле, а другая, положив голову подруги к себе на колени, в течение целого дня, без перерыва на обед, колдует над ее волосами. Все знают и видели, что детей ангольские женщины носят на спине. Во время танцев дети так и висят у них на спинах. Представьте себе, мать всю ночь пляшет, а ребенок болтается на спине.

05.06.85

Вечером снова обстрел: две мины перелетели через нас, остальные — недолет. Что-то в последнее время противник уделяет нам много внимания — все время мины падают возле миссии. По вечерам, где-то часов до десяти, у нас работает дизель-генератор, с помощью которого освещаются наши два дома, дом муниципального комиссара, дом комбрига и два дома, где живут офицеры штаба бригады. Когда начинается обстрел, необходимо в первую очередь выключить освещение. А батальонные офицеры живут при своих подразделениях в «рефужах» [землянках]. Так вот, опаснее всего, когда обстрел начинается во время кино. В это время все население Куито-Куанавале, и часть личного состава бригады собираются вокруг нашего кинотеатра, и в это скопление людей могут попасть мины. В целях безопасности местного населения вокруг всех кимб в приказном порядке вырыли траншеи, куда во время обстрела стали прятаться люди. За два года не было ни одного случая попадания

мины в толпу. Каким-то образом, через несколько секунд после начала обстрела, вокруг не оставалось ни одного человека.

Однажды со мной приключился довольно забавный случай. Во время показа фильмов, особенно, когда шли эротические сцены (хотя, какие могли быть эротические сцены в узкоплечных фильмах 1980-х годов!), вокруг нашего кинотеатра стоял такой гул, что по несколько минут ничего не было слышно. Я брал из **БРДМа** шлемофон и, подключившись к киноаппарату, слушал звук через шлемофон. Вот сижу я в шлемофоне, кручу фильм, а сам в мечтах в Союзе. Чувствую, что-то не то. Снимаю шлемофон, а вокруг никого, и обстрел Куито идет полным ходом. А ребята, оказывается, уже давно мне кричат из убежища. Пришлось выключить дизель и бежать в убежище.

06.06.85

В Менонге в сопровождении первого батальона ушла колонна. Старшим поехал командир батальона **Семау**. К вечеру колонна добралась до места назначения. Проскочили удачно. Видимо, не успели предупредить **унитовцев**. У меня сложилось впечатление, что у них везде сидят свои люди, которые очень своевременно дают им довольно точную информацию.

07.06.85

В 17.30 обстрел Куито-Куанавале – прямое попадание в кимбу. Кимба сгорела, жертв нет – хорошо, что мы заставили всех местных жителей выкопать окопы возле своих кимб, и теперь во время обстрелов они могут укрыться в этих окопах.

08.06.85

Пришла колонна из Менонге. Всю дорогу ее сопровождали два вертолета — оказывается, так можно. Доложили, что на маршруте установлено много мин.

11.06.85

Утром прилетел на **Исландере**¹⁴ начальник штаба 6-го военного округа с офицерами, привез нашего муниципального комиссара. **Исландер** улетел за второй партией офицеров. Второй раз из Менонге он вылетел в 13.20, но до нас он в этот день не долетел. Говорят, что он полетел сразу, без набора высоты. В 20.00 обстрел из минометов: 8 мин по Куито и по второму батальону.

12.06.85

Выяснилось, что на **Исландере**, кроме экипажа, летели еще пять офицеров. Они везли в бригаду зарплату за несколько месяцев, где-то около 89 млн. кванз. Мы с инженером бригады, перед его вылетом в Менонге договорились, что он нам привезет ящик виски, но он тоже оказался в этом самолете. Жалко его, хороший был парень. Кубинцы нашли место падения самолета в 80 км от Менонге через неделю, все люди погибли, и самолет сгорел — он ведь весь из фанеры. Прилетели два вертолета, нам ничего не привезли, забрали НШ (начальника штаба) округа и провинциального комиссара. После обеда прилетел **Ан-26**, в нем — советник командующего 6-м округом полковник **Вольский** с каким-то специалистом по аэродромам из наших. Наставили нам задач по контролю над строительством аэродрома — торопятся. Необходимо удлинить ВПП на 300 метров и сменить покрытие. Техники в Куито-Куанавале чего

только не навезли. Все из Японии! Для нас, дикарей, это супертехника. Одновременно будут строить и укрытия для самолетов-истребителей. Подготовка идет по всем правилам военной науки. Поживем — увидим, чем все это закончится.

13.06.85

Я в наряде. В 16.05 обстрел из двух минометов с высоты за рекой: восемь мин и все с большим недолетом — побоялись подойти поближе...

14.06.85

В 11.30 в Менонге ушла колонна. В 40 км от Менонге колонна попала в засаду — бой шел два часа. На помощь прилетели два вертолета. С их помощью **унитовцев** разогнали и продолжили движение. Какие потери, нам не известно.

17.06.85

В 17.30 начался обстрел со стороны второго батальона: выпущено 12 мин. Еще через 8 минут начался обстрел со стороны реки, и завязалась артиллерийская дуэль, которая продолжалась 30 минут. Юаровское радио передало, что в нашей зоне сбили два самолета, в том числе, наверное, и **Исландер**. Утром я устроил офицерам батальона разнос, переругался со всеми. Плохо идет совершенствование обороны. Но, если быть объективным, работать нечем — не хватает даже лопат. Когда я начинаю выходить из себя и ругаться, офицеры просят меня: «Ассессор **Даниель**, твою мать не надо». Зато после обеда все были шелковые, надо чаще устраивать такие разносы.

20.06.85

В 35 километрах от Куито-Куанавале, в районе населенного пункта Масака, напоролась на засаду колонна из Менонге. Противник сумел подорвать два автомобиля и один **БРДМ-2**. Колонна остановилась на ночь, заняв круговую оборону. В 22.30 в миссию приехал комбриг **Рубен**. Он сообщил, что вокруг Куито-Куанавале обнаружено сосредоточение крупных сил противника. Боевая готовность номер один. Дежурили до утра. Всю ночь разведгруппы прочесывали местность, но к утру данные не подтвердились – вроде, пронесло.

21.06.85

Прилетели два вертолета **Ми-8**, нам ничего не привезли, Ждем колонну: из батальона почти всех забрали ее встречать. Колонна прибыла в 14.00: по дороге туда погибло 14 человек, оттуда – 18 человек, ранено 18 человек. **УНИТА** потеряла 15 человек, наши захватили три **РПГ-7**, мины, много боеприпасов к стрелковому оружию. Привезли 24 машины с керосином, одну сожгли **унитовцы**.

22.06.85

В 10.00 прилетели два вертолета **МИ-8** – на борту советник начштаба округа полковник **Казачук**, советник начальника ПВО и переводчик **Артур Кушхов**. Озарили выше крыши и в 13.00 улетели.

23.06.85

Воскресенье – я в наряде. В 11.30 обстрел по позициям второго батальона – все нормально. По вы-

ходным дням мы ходим на речку, у нас там свой уголок. Если я не в наряде, и иду туда с фотоаппаратом, к нашему уголку стягивается вся женская половина городка с просьбой сфотографировать. И тогда, вместо того, чтобы купаться, я провожу фотосессию с местными красотками. В первое время я их не мог по фотографиям различить — казалось, все на одно лицо. Но потом научился. Оказалось, они, как и мы, все разные. На следующий день после того, как я впервые отпечатал и раздал фотографии, рано утром к нам явился фотографироваться почти весь городок. Некоторые люди впервые увидели себя на фотографии. Такое, наверное, было не везде. В Менонге, например, местное население вело себя совсем по-другому. Там люди намного отличались от наших: у нас была окраина. У нас не было ни одного магазина, ни одного базара. Деньги вообще не имели никакого значения, работал только обмен. При ГВСе **Курочкине**, нам вообще не начислялись кванзы, но с приходом нового ГВСа нам стали выдавать местные деньги, правда, для чего, непонятно.

29.06.85

Суббота. Целую неделю ничего не писал. В 15.30 начался обстрел с двух направлений: со стороны второго батальона и из-за реки — он продолжался 30 минут. Сегодня банный день. Только пошли в баню, как пришлось прямо в плавках бежать в убежище. Что за дурацкая привычка появилась у **унитовцев**, как нам в баню, начинать обстрел. Первый батальон готовят в рейд, в каком направлении, будет сообщено перед выходом. Утром отправили колонну в Менонге — теперь колонны на Менонге ходят постоянно, раз в неделю.

30.06.85

Воскресенье. Сегодня день рыбака — сходить бы на рыбалку, посидеть и расслабиться. Мы иногда ходим на рыбалку, чтобы разнообразить наше скудное меню. Для рыбалки у нас есть полмешка взрывчатки по 100 граммов. Берем пять литров бензина, несколько штук взрывчатки, сачок и идем к мосту. Там стоит моторный катер. Наливаешь бензин, заплываешь на катере подальше, и начинается рыбалка. Правда, долго рыбачить опасно, и рыбаков должно быть не менее трех человек: один на руле, один с «удочкой», а третий работает сачком. Без оружия тоже нельзя — всякое может случиться. Если прочитают соответствующие органы эти строчки, то, надеюсь, учтут давность срока или, как там у них это называется.

В 05.30 первый батальон, усиленный 6-й пехотной ротой, ушел в направлении населенного пункта Соби, а колонна, в сопровождении еще одного батальона, благополучно добралась до Менонге (а то те, кто будет читать мой «роман», решат еще, что колонна каждый раз попадала в засаду). В бригаде остались одни больные и хромые — можно брать нас голыми руками. Но до этого **унитовцы** не додумаются, а, может быть, им этого и не надо. Странная война: в настоящее время **унитовцев** вокруг лазит намного больше, чем бойцов в нашей бригаде. Может быть, они понимают, что все равно **ФАПЛА** отвоюет Куито [если его захватит **УНИТА**]. Строительство аэродрома ведется от зари до зари... (В сбитом **Исландере**) были инженер фирмы «Аэровия», начфин бригады, инженер с округа, два пилота и, по уточненным данным, 69 миллионов кванз.

ЧАСТЬ 7

Июль 1985 г.

01.07.85

Накануне, 30.06, в 17.15 первый батальон нарвался на хорошо организованную крупными силами засаду — не менее двух батальонов. В течение 40 минут шел очень интенсивный бой. Во время боя, приданная батальону шестая пехотная рота была развернута на левом фланге. Не выдержав напора противника, она без команды начала отход. Начальник штаба батальона **Лукаш Авелино** побежал в сторону шестой роты, чтобы воспрепятствовать ее отходу, но был убит. За шестой ротой потянулись и остальные. Тяжело ранен замполит батальона. Последним из боя вышел командир батальона **Семау** со взводом. Батальон потерпел полное поражение. Впервые за все время моего пребывания здесь мой любимый батальон так опозорился. К ночи они уже были в районе обороны второго батальона. Ночью комбриг **Рубен** заехал к нам и доложил обстановку. Мы выехали на позиции второго батальона и стали уточнять ситуацию. Когда мне доложили (да, вы правильно прочитали — именно доложили), что погиб начальник штаба батальона **Лукаш**, и его не вынесли с поля боя, я не сдержался и обозвал отступивших трусами, за что на меня сильно обиделись комбриг и комбат. Я настоял, чтобы на поиски тела **Лукаша** выслали усиленный взвод, что и было сделано, но тела не нашли. Многие видели, как он бежал в сторону шестой роты, видели, как в него стреляли и он упал. Возможно, он был ранен и противник его забрал. Все, чему меня учили в армии, я старался передать этому парню — он был по-настоящему исполни-

тельным и толковым офицером. Каждый раз, когда я рассматриваю фотографии или перечитываю свои записи, он как живой стоит перед моими глазами. В результате этого боя у нас ранено 26 человек. Сколько мы потеряли убитыми не помечено. Замполита батальона вынесли с поля боя тяжело раненым. Главная причина этого поражения — слабая работа разведки. Сколько бы я ни настаивал, разведгруппы не отрываются от главных сил дальше, чем на 200—300 метров. Я пытался высылать несколько групп, но организовать связь с ними нет возможности. Есть уверенность в том, что противник не передвигается большими группами.

02.07.85

С утра готовим роты: целый день тактико-строевые занятия. В 17.20 начался обстрел с довольно близкого от нас расстояния. Отдельные осколки попадали в наш дом. Было несколько прямых попаданий в кимбы — три кимбы сгорели. Местные жители успели спрятаться в укрытиях. Жертв среди них нет.

03.07.85

Целый день мы готовили батальон и приданных 100 человек ополченцев **ОДП** к выполнению задачи по охране и обороне колонны — продумывали всевозможные варианты. Все, кто ходил по трассе Куито—Менонге, знают, что лес начинается сразу с обочины, и видимости почти никакой. Мы пришли к выводу, что самый лучший вариант, размещать колонну внутри коробки из личного состава. Тогда колонна защищена со всех сторон.

Неделю назад у нас закончилась мука. Теперь размачиваем макароны и печем из них лепешки.

04.07.85

В батальоне проведены учения с боевой стрельбой. Прилетели два вертолета **МИ-8**, привезли нам муку, фильмы, почту, поездили по новой полосе. Навестил замполита: он ранен в грудь, в обе ноги ниже колена и в предплечье, кроме того, у него оторван большой палец левой руки — он нуждается в эвакуации.

05.07.85

Весь день провел на работе: усиленно занимаюсь сколачиванием подразделений. Выдумываем разные варианты развертывания, передвижения, разрабатываем различные варианты сигналов для передачи сообщений и сведений. В 17.30 — обстрел Куито — отсиделись в убежище, все нормально.

06.07.85

Стоял в наряде, испек 12 буханок шикарного хлеба — после лепешек из макарон, наелись хлеба.

07.07.85

Утром в Менонге вышла колонна. Дошли до Масаки — разведка обнаружила противника, предположительно до двух батальонов, и остановились выяснять обстановку. Из Менонге прилетел **МиГ-23**, пролетел над Куито и повернул обратно. Колонна организовала оборону и стоит на месте.

08.07.85

Колонна стоит на месте. Вечером **унитовцы** напоролась на нашу засаду за рекой и, побросав все, разбежались — наверное, шли нас обстреливать.

09.07.85

Колонна стоит там же, в районе Масаки, в 35 км от нас. Выслали им в помощь группу с начальником штаба. Противник крутится вокруг колонны, но не нападает. Выгоднее нападать, когда колонна идет обратно: есть, чем поживиться.

12.07.85

Колонна тронулась — прошли 50 километров и стали на ночь. Получили радиogramму из округа, что ожидается нападение на Куито-Куанавале. Тяжко: половины бригады нет на месте. Разведка обнаружила много следов в зоне первого батальона.

13.07.85

Обнаружено скопление сил **УНИТА** в 12 километрах от Куито-Куанавале. Доложили об этом в округ, и оттуда прилетели два **МиГ-23**. Отбомбились, но с 8-километровым отклонением от указанной точки. Колонна движется обратно — комбат третий (командир третьего батальона) с группой выехал ей навстречу. Войска в повышенной готовности. В 17.00 колонна пришла — без потерь и происшествий. Среди того, что привезли, продукты для нас — завтра будем искать их. Целый день дул сильный ветер, как в Семипалатинске.

14.07.85

Чувствую себя неважно. Вчера выпил две таблетки снотворного и проспал сегодня до обеда. Ветер стих. Почты нет уже две недели. В 16.30 начался обстрел со стороны второго батальона. Я вовремя встал, а **Борю Лобанова** пришлось будить — он хотел спать до ужина.

Переходим на режим экономного питания: заканчиваются мука, дрожжи, да и другие продукты тоже. В последнее время со снабжением стало туго. Во всем ощущается, что уехал по замене советник начальника тыла округа **Теймураз Романович Двали**. Даже с сигаретами перебои, не говоря уже о спиртном — его вообще зажали. Хочу описать способ добывания спиртного, который мы стали применять после введения ограничений. В 1983 г., прибыв в Куито-Куанавале, я ознакомился с заявками, которые подавали до назначения ГВСа **Курочкина**. В этих заявках на месяц указывалось по ящику водки, вина и пива на каждого советника — ума не приложу, когда они успевали все это выпивать. С приездом генерала **Курочкина**, запросы стали значительно меньше, а в 1985 г. нам стали выделять всего по бутылке водки, коньяка или вина, а также по несколько банок пива на месяц. Я не знаю, как было в других бригадах, поэтому пишу только о том, как было у нас. Во-первых, с этим вопросом нас выручал **Артур Кушхов**, который находился в Менонге. Во-вторых, мы разработали и свой собственный метод добычи спиртного — ведь ангольцев-то никто не ограничивал, и они получали свои «наркомовские». Те, кто был в Куито-Куанавале после нас, должны помнить, что мы обеспечивали электропитанием дома комбрига, других офицеров и муниципального комиссара — у нас был дизель-генератор. Я, как главный энергетик, установил на нашем щитке отдельный выключатель для каждого дома. Если мы видим, что командир бригады или муни-

ципальный получили положенные им «наркомовские», то выключатель на его дом неожиданно окислялся, и возникла необходимость промыть контакты спиртным, а для этого было необходимо не менее двух бутылок. Со временем ангольцы привыкли к этому, и необходимость напоминать «о промывке контактов» отпала. Кроме того, у нас был неплохой самогонный аппарат, но, признаюсь честно, его запускали только в исключительных случаях. Году в 1984 какой-то добродетель в Луанде нас заложил, и когда кто-то из Куито приезжал в Луанду, там говорили: «О, самогонщики приехали!».

15.07.85

Ушла очередная колонна на Менонге – прошла 40 километров и стала на ночевку. Из округа пришла информация о готовящемся нападении на Куито-Куанавале. Все силы, в том числе и **ОДП**, брошены на оборону. Информация, поступающая из округа, выматывает нас больше, чем бои. Ведь за всю поступающую информацию необходимо отвечать, докладывать, что предпринято для отражения возможного нападения. К тому же округ требует добыть пленного.

16.07.85

День прошел нормально, занимались боевой подготовкой. В 17.40 за рекой ополченцы **ОДП** обнаружили небольшую группу **унитовцев**. Завязалась перестрелка, и противник отошел. Наверное, шли обстреливать нас.

17.07.85

В 10.30 **унитовцы** за рекой снова напоролись на засаду **ОДП**. Завязался бой. Возможно, это опять вчераш-

ние. Артиллерия открыла по ним огонь, а бойцы **ОДП** его подкорректировали. У **унитовцев** убито 5 человек, у **ОДП** — 1. Захвачено 5 вещмешков, 5 **АК**, взят пленный. От первого батальона выслали взвод на прочесывание места боя. В 11.00 нам сообщили, что в районе Масеки атакована колонна из Менонге — уже полтора часа идет бой. Второй батальон занялся учениями, но в это время **унитовцы** начали обстрел — артиллерии пришлось переключить внимание на противника, и поэтому произошла наибольшая заминка. В захваченных вещмешках оказались консервы и галеты — видимо, **унитовцев** стали кормить лучше. Группа была из восьми человек. В 17.00 начался обстрел с трех сторон, который продолжался 18 минут. С трех сторон — это уже что-то новое. Может, противника вокруг нас стало больше.

20.07.85

В 16.00 прилетели два вертолета, привезли немного продуктов и почту. **Николай Дударев** прислал письмо и сообщил, что он находится в Менонге, вместе с **Павлом Симаковым** — они оба мои однополчане по Семипалатинску. Вертолеты высадили советников восьмой бригады в Лонге. Раньше там советников не было. Пленный, как его ни допрашивали, не сообщил ничего, кроме того, что он из 118-го батальона. Отправили его на вертолете в округ. Прилетели к нам из округа четыре офицера, передали приказ готовить бригаду к рейду. Подготовку начать с проведения тактических учений с боевой стрельбой в составе отделений и далее — взводов и рот. Из Менонге вышла колонна. Ночевала она в Лусанго. Наш советник начальника политотдела улетел в Луанду лечить зубы. Выменяли у местных на продукты обезьянку — красивая, шоколадного цвета. Наша **Чика**, по сравнению с новой, урод. Следовавшая в Менонге

колонна была атакована. Бой шел 1 час и 30 минут, есть убитые и раненые.

21.07.85

Колонна добралась до Лонги нормально. А обезьяна оказалась с покалеченной задней ногой — говорят, долго просидела в петле и скоро умрет — зря потратили продукты.

22.07.85

В 09.00 была атакована разведгруппа 2-го батальона. Не приняв боя, ее бойцы сбежали. Один наш ранен в ногу. День прошел нормально — вычеркиваем еще один день в календаре. Ждем колонну из Менонге.

23.07.85

В первом батальоне сформировали из наиболее подготовленных солдат и сержантов две разведгруппы, выставили впереди обороны батальона еще один пост из 12 бойцов.

Окружники ездят по батальонам, подсказывают нам, что делать. Колонна уже в Масеке — сопровождающие колонну идут пешком.

25.07.85

В 19.00 пришла колонна, дошли нормально. Вместе с нашими прибыла 8-я бригада с советниками.

26.07.85

Прилетели четыре вертолета: прибыли начальник

генерального штаба **ФАПЛА** с советником и много офицеров из Луанды. Заслушивали нашего комбрига, который при виде такого количества офицеров немного растерялся. Сделали общий вывод, что мы все плохо работаем, и улетели — ощущение такое, что приехали просто отметить. Приходили к нам в миссию советники 8-й бригады. У них ничего нет, даже спать не на чем. Они оказались совсем не приспособлены к походной жизни. Мы оказали посильную помощь.

Какое-то затишье, как перед бурей. С офицерами из Луанды мы отправили письма домой. Начальство из Луанды проинформировало нас, что со стороны **унитовцев** будут попытки захватить советников. Приказано всем усилить бдительность. Мои все как сговорились: шагу не дают ступить в одиночку — куда бы я ни пошел, везде за мною ходят двое. Вначале я испугался, у меня была привычка ходить из первого батальона в миссию напрямую через небольшой лесок пешком. Подозвал сопровождающих к себе и переговорил с ними — оказалось, был приказ: если любой солдат или сержант увидит, что я иду один, сопровождать меня до миссии. И им хорошо — они у меня сигаретку стрелянут — и я под охраной. Однажды случился такой смешной эпизод: командир бригады **Рубен** еще в начале нашего знакомства попросил, чтобы я учил его разговаривать по-русски, ну и выучил немного русских слов. Обычно, когда мы встречались по утрам, я всегда спрашивал его по-русски, как дела, и в зависимости от ситуации и настроения он отвечал так, как я его учил. Как-то один из наших советников из Луанды, уже не помню кто, спросил его по-русски: «Как дела, комбриг?». И он, желая показать, что владеет русским хорошо, ответил: «Зае...сь, товарищ генерал!» Когда ему перевели, что он ответил, дословно, он стал красным, как свекла, и долго со мной не разговаривал. Ну а когда плохо было, ответ звучал на букву «ха».

28.07.85

Ушла колонна в Менонге. Новая обезьяна подохла — наверное, заражение крови из-за поврежденной ноги. День прошел нормально.

30.07.85

Стоял в наряде. В 19.25 начался обстрел Куиты со стороны второго батальона и из-за реки: выпустили 10 мин — все нормально. Батальон получил в пополнение 30 солдат и 6 офицеров, в том числе командира третьей роты. Все новички вроде ребята нормальные. Получили приказ: сколачивание подразделений закончить до 14.08.85 года.

Колонна дошла до Менонге. Шла очень долго: вдоль трассы напичкано **УНИТЫ**, поэтому приходится идти осторожно. У нас в бригаде числится полторы сотни машин, а в наличии — не более полусотни. За каждый рейс на Менонге теряем по несколько машин. Сейчас постоянно возим топливо и боеприпасы.

Август 1985 г.

01.08.85 (День ФАПЛА)

С утра **Василий Иванович** испортил всем настроение своим ворчанием. Потом мы поехали по батальонам и поздравили всех с днем **ФАПЛА**. К празднику ни нам, ни **фалловцам** ничего не подбросили — ни сигарет, ни выпить. Не смогли. По Куито-Куанавале народ разъезжает на машинах, поют песни. Танцы будут, как всегда, до утра. Ночью посадили на гауптвахту начальника артиллерии, зама по тылу первого батальона и еще нескольких офицеров — за перебор самогона. Вечером нас

пригласили на праздничный ужин. Наш повар принес для нас нашу же посуду и накрыл стол. Небольшое пояснение: свою посуду мы после тщательного отмывания помещали в большую алюминиевую кастрюлю, где она все время находилась в кипящей воде. Вытаскивали ее из воды перед едой. Вода, возможно, и чистая, но мы чистим зубы, умываемся и пьем только кипяченую. Иначе обеспечен амебиаз кишечной формы — его часто подхватывают советники во время операций, когда нет таких условий. И еще одна деталь: в Куито-Куанавале я впервые увидел холодильник, работающий на керосине: 20 литров керосина хватает на неделю, и при этом работает холодильник ни сколько не хуже электрического. Вернулись от ангольцев в 22.00.

02.08.85

Полным ходом идут тактические занятия с боевой стрельбой, сейчас в составе взвода — затем будут ротные и батальонные. Сегодня мы с **Юрой Барсуковым** возили воду в миссию. Как и на чем возим, я уже описывал. Нам сообщили, что к нам идет 7-я пехотная бригада. Правда, не дойдя до Лонги, она была атакована противником — результаты боя не знаем. Наша колонна еще не вышла из Менонге.

06.08.85

Пришла наша колонна — все нормально. С ней пришла и 7-я бригада с советниками. Приехал наш замполит, привез очень мало писем: говорят, нашу почту по ошибке отправили в Эфиопию. Нашу бригаду тоже планируют на операцию — точно еще ничего не известно, но мы готовимся. Первый и второй батальон готовим бросить в сторону населенного пункта Соби.

08.08.85

В 06.00 два наши батальона вышли в сторону Соби — уж очень много **унитовцев** бродит вокруг нас, необходимо их разогнать. В 10.00 в районе реки Шамбинго засекли противника, постреляли из 76-мм [ЗИС-3] пушек. Снова подготовка колонны на Менонге. Советники 7-й бригады ночуют у нас.

13.08.85

Вернулись наши два батальона — за три дня ни одного боя. Противник старается в бой не вступать, сразу уходит в сторону. Полным ходом идет реконструкция аэродрома, строят и укрытия для истребителей. Вся техника на аэродроме работает по 12–14 часов в сутки и, что самое странное, не ломается — нигде даже масло не протекает. Ротные учения провели, но с батальонами провести учения сложнее: сопровождение колонн, рейды — на все это требуется очень много людей.

16.08.85

Прилетел новый главный военный советник [генерал-лейтенант **Л. Кузьменко**], устроил всем разнос: все мы делаем не так, да и вообще ничего не умеем. Кто не хочет нормально работать, — отправить в Союз. Когда он узнал, что на сопровождение колонны иногда уходят до двухсот человек, то сказал, что одного **БРДМа** впереди и одного позади колонны достаточно.

В настоящее время в Куито-Куанавале находятся 7-я, 8-я, 13-я, 25-я и 16-я бригады. **Бориса Лобанова**, нашего советника командира батальона, перевели в 25-ю бригаду. Техника **Чохленко** — в 7-ю бригаду. Нашу 16-ю

бригаду оставляют здесь обеспечивать операции, подвозить воюющим бригадам снабжение.

Приехали окружники и советники из **ФАПЛА**: нас выселили из наших благоустроенных домов в заброшенный домик. Целый день мы выгребали мусор, навели небольшой порядок – жить можно. Во всяком случае, лучше, чем на операции. Вечером виделся с **Павлом Симаковым** – он в Семипалатинске был у меня начальником штаба батальона. Настроение у всех советников такое, что хорошим я бы его не назвал. Но никто не подает виду – все держатся молодцами.

17.08.85

В 06.10, только сели завтракать, как в Куито-Куанавале начался такой грохот, что можно было подумать, что на нас одновременно напали сразу все **унитовцы**. Оказалось, что во время заправки автомобиля, рядом с которым штабелями были сложены боеприпасы, пролили бензин, а один нерадивый боец стоял рядом и курил. Покуриив, он выбросил непотушенный окуроч. Штабель с боеприпасами загорелся, затем начало гореть все, что нам завозили целый месяц. Всего сгорело около 30 тонн имущества, в том числе две тысячи 82-мм мин, реактивные снаряды к **БМ-14** и прочие боеприпасы. Взрываясь, все это летало по всему Куито-Куанавале. Самое главное, невозможно было определить, в какую сторону полетят реактивные снаряды.

Второй день метем взлетно-посадочную полосу, четыре вертолета бегают по ней взад-вперед – мы должны принимать большие самолеты и истребители. У нас находится генерал от авиации из Луанды, который приехал принять ВПП. После осмотра он «обрадовал» всех, заявив, что истребители сюда сажать нельзя: «По такой ВПП можно только на тракторе **Беларусь** ездить».

Раньше пилоты **Ан-12** тоже жаловались, что после Куито они каждый раз меняют колеса. Но главное, авиационной поддержки отсюда войскам не будет — вся работа коту под хвост. Кто во всем этом виноват, не знаю. Из Менонге летать на поддержку далековато — ограничение по топливу. Все бригады, кроме 16-й, перешли реку Куито и находятся на марше в направлении Мавинги. В 17.20, в 15–20 километрах от нас в направлении реки Шамбинго послышались разрывы мин: произошло первое столкновение наших с противником. Вообще, здесь разрывы мин слышны с расстояния 20–25 км — то ли воздух чище, чем в Союзе, то ли что еще — не знаю.

18.08.85

Советнику командира 16-й бригады полковнику **Василию Ивановичу Малюкину** перенесли вылет в Союз с 27 сентября на 9 сентября. Кажется, новый ГВС решил поменять нас на новых советников, не знаю. Новая метла начинает мести по-новому.

Передний край обороны первого батальона мы решили перенести вперед еще на 800–1500 метров. Работы ведутся уже почти месяц и в настоящее время близятся к завершению. Перенос переднего края связан с тем, что противник уже пристрелялся по старым участкам. Недавно я уговорил вертолетчиков поднять меня на вертолете, чтобы я сверху посмотрел на свою оборону — все просматривается, как на картинке — надо заставить **фапловцев** лучше замаскировать весь передний край.

19.08.85

Заканчиваются работы по совершенствованию обороны. Поставил задачу по маскировке. Получили почту. Живем теперь в другом домике: никаких удобств,

все на улице. Суббота и воскресенье — рабочие дни. Наша обезьяна **Чика** наказана и переведена в первый батальон на исправление. Три дня болел малярией — заглушил уколами. Говорят, что в районе Мавинги наша авиация разбомбила нефтяной склад и штаб фронта (**УНИТА**). Говорят также, что пилоты были наши [советские]. Привязывали с **В. Пономаревым** новую оборону. Получили на наш **УАЗ** три новых колеса. В сторону Мавинги на поддержку бригад пролетели два **МиГа-21**, два **СУ-22** и два вертолета.

20.08.85

Наши войска перешли реку Шамбинго и продвигаются вперед. Один солдат подорвался на mine. Впервые к нам в Куито-Куанавале прилетел **Ан-12** с боеприпасами. Два вертолета из Куито полетели на огневую поддержку бригад.

24.08.85

Ежедневно прилетают **Ан-12** с боеприпасами, правда, летчики жалуются, что часто приходится резину на колесах менять после Куито-Куанавале. Улетел в Луанду лечить зубы советник начальника штаба **Н. Носов**.

Накануне, 23 августа, 8-я и 13-я бригады были атакованы, и противник потерял убитыми 50 человек. Потери наших — 10 человек убитыми. Сегодня, 24-го, снова бой. Привезли пленного, второго за время операции. Снабжение войск осуществляется вертолетами, пока нормально. Шестнадцатая бригада ведет активную разведку вокруг Куито. Разгоняют **унитовцев**: несмотря на проводимую операцию, и в районе Куито, и здесь их полно. Работы всем прибавилось: разгружаем

боеприпасы, охраняем. В Куито находятся и кубинские советники — хорошие ребята, большинство нормально говорит по-русски. К сожалению, у меня нет ни одной фотографии с ними.

Заступил в наряд. Целыми днями кручусь, как белка в колесе: много начальников — мы к такому количеству начальников не привыкли.

28.08.85

Прилетел ГВС, мечет громы и молнии. Мне кажется, что операция идет уже не по нашим планам. Противник сорвал все планы и графики. В Куито-Куанавале прилетают иногда до пяти самолетов с боеприпасами в день. Веселая жизнь настала, столько разных людей.

25-я бригада в течение двух часов вела бой, есть убитые и раненые. Войска стоят в 54 километрах от Мавинги. Противник стянул туда основные силы. В то же время **унитовцы** контролируют дорогу, связывающую Менонге и Куито-Куанавале, и территорию вокруг нас. Непонятно, сколько же бойцов у **Савимби!** Авиация каждый день летает на поддержку наших войск. Не знаю, насколько ее удары эффективны. Если, как всегда, работают без корректировщиков и без связи с войсками на земле, то все должно быть так же, как было в 1984 году.

29.08.85

Наша колонна вышла из Менонге и в районе реки Луасинги была атакована противником. Сожжены пять машин, есть убитые и раненые. На нашем аэродроме находятся четыре **Ми-8** и два **Алуэта**¹⁵, которые возят в бригады боеприпасы, топливо и продукты.

Сентябрь 1985 г.

Первого сентября прибыла колонна из Менонге.

02.09.85

Улетел в Менонге советник командира 16-й бригады полковник **Малюкин** для следования в Союз. Четвертого сентября прибыл новый советник командира бригады и советник комбата вместо **Бориса Лобанова**. Не завидую я этим вновь прибывшим – сколько же им придется пережить. А самое главное, никто этого не оценит.

03.09.85

Погиб советник начальника политотдела 25-й бригады майор КИРИЧЕК ДМИТРИЙ ДМИТРИЕВИЧ. Произошло это в 18-ти километрах к югу от Кунжамбы, в районе реки Ломба. Ранен переводчик 8-й бригады **ЮРИЙ ПАНЧЕНКО**. Перед выходом на операцию советники 25-й бригады приходили к нам, и мы с ними почти каждый день общались. Насколько я помню, он пробыл в Анголе больше года и не был в отпуске, и ребята ему говорили, что после операции ему останется пробыть здесь всего несколько месяцев, и уже нет смысла ехать в отпуск. Очень хорошо помню его слова: «Все равно, если даже останется один месяц, поеду в отпуск, а то уже сперма из ушей давит». Как потом рассказывали очевидцы, после обстрела бригад из минометов начали приходиться в себя, подсчитывать потери, и в это время противник снова, с другого направления начал обстрел из минометов. Все попрыгались кто куда, а **Дмитрий** присел за **БТРом** и в это время был ранен в спину осколком мины. Положили его

в **БТР-60ПБ**, но прожил он недолго — говорят, что-то перебило внутри.

07.09.85

Сбили один наш вертолет. Войска заняли круговую оборону и стоят. **УНИТА** кругом: возле войск, рядом с нами и вдоль всей трассы Куито—Менонге. Не знаю как обстановка в других округах. Из мест боевых действий вывезли советника начальника тыла 13-й ДШБр с сердечным приступом.

09-10.09.85

Каждый день наша авиация летает в район боевых действий бомбить. Войска продвигаются потихоньку. **Савимби** дал пресс-конференцию — заявил, что Мавингу и Кунзумбу не отдаст никогда. Наш второй батальон в рейде в районе Куито-Куанавале.

11.09.85

Прилетел ГВС [генерал-лейтенант **Л.Кузьменко**]. Нас не пригласили на разборку, но оно и к лучшему, ГВС лично мне не понравился с первой встречи. Говорят, что он очень недоволен ходом операции. Как здесь воевать, не учат ни в одной академии. Опыт ведения других операций в Анголе никто не анализирует, выводов не делается. После первой операции в 1984 г. никто даже не поинтересовался, как воюет противник. На ура и шапками закидать **унитовцев** не получится.

Привезли нам фильмы, почту, снабжение продуктами стало лучше, жизнь стала веселее. Второй батальон с рейда вернулся поздно ночью, и командир батальона **Жоржи** (?) застал у своей подружки какого-

то сержанта — тут же, возле порога его и пристрелил. Пришлось сажать его на гауптвахту на десять суток, но через трое суток пришлось выпустить: надо было идти в рейд. Я по-прежнему киномеханик и показываю в миссии кино. Теперь мы ходим в гости смотреть фильмы.

12.09.85

Пролежал целый день, чувствую себя неважно уже несколько дней. Жара страшная, в тени температура до +40. А мы все время на улице. РТВ засекали над Куито-Куанавале два **Миража** — так далеко они еще не залетали. Пока подняли истребителей в Менонге, **Миражи** улетели. Поддержка войск авиацией, как и прошлый раз, осуществляется в течение 2—5 минут: ограничение по топливу — ведь истребители базируются в Менонге, а вся наша годовая работа по реконструкции аэродрома коту под хвост. Говорят, были большие разборки, ведь денег ухлопали прилично.

16.09.85

Войскам очень тяжело. Днем их долбит **УНИТА**, а по ночам юаровцы обстреливают из реактивных установок и артиллерии. Днем наша авиация в составе восьми **МИГов** и десяти **Ан-26** летала бомбить позиции противника. Может быть, у меня неточная информация по количеству самолетов — не представляю, как бомбили **Ан-26**¹⁶. Результатов бомбежки не знаем.

17.09.85

ЮАР ввела на территорию Анголы войска, батальон **Буффало**. Был осуществлен массированный налет

авиации на наши позиции. По данным, полученным из района боевых действий, их бомбили 10 самолетов **Канберра** и 8 **Миражей**. Стали в круг над войсками и безнаказанно бомбили, а в бригадах нет средств ПВО, кроме **ЗПУ-1**. То же самое было и в 1984 году. Это, наверное, ответ на вчерашний налет нашей авиации. В войсках очень много раненых и убито до 80 человек.

18-19.09.85

В Куито-Куанавале уже девять вертолетов, в том числе 2 **Алуэта**. Вот уже три дня вертолеты не могут доставить войскам снабжение. Им не дают садиться для разгрузки. Как только вертолеты подлетают, противник открывает огонь из всех видов оружия и не дает им приземлиться. 19 сентября вертушки летали три раза, но сесть так и не смогли. Ранен советник командира 7-й бригады. В Куито привезли врача-хирурга, советского. Вывезти раненых тоже не могут. По опыту знаю, когда сверху приходит радиограмма со словами «эвакуировать нечем, окажите помощь на месте», на людей это оказывает сильное психологическое воздействие. Говорят, в Менонге авиации много, каждый день летают в зону боевых действий, но опять же поработают 2–3 минуты и улетают. Пилоты **Ан-12** по-прежнему недовольны нашей взлетно-посадочной полосой. Нас предупредили, что возможны бомбежки Куито-Куанавале: наш городок, с единственной улицей – отличная мишень для авиации противника. Пролететь вдоль улицы и сбросить несколько бомб, и городка не будет. По утрам в 04.00 встаем и уезжаем из городка в лес до 7–8 часов, чтобы нас не застали врасплох. Прилетел из Менонге советник командующего 6-м округом **Вольский**. Наконец-то взяли Кунжамбу – это уже успех. До Мавинги остался один рывок.

Предлагали ГВС эвакуировать советников, но он сказал: нет, пусть набираются мужества. Заболели наш техник **Чохленко**, который находится в 7-й бригаде, и советник начштаба 8-й бригады.

20.09.85

Войска стоят в 18 километрах от Мавинги, а с другой стороны Мавинги, в 14 километрах, стоят войска ЮАР. Наверное, **Савимби** выдохся, раз просит помощи у юаровцев. У наших стало очень туго со снабжением, ведь вертолеты так и не могут садиться. Решили брать 200-литровые бочки, вскрывать с торца и закладывать в них цинковые ящики с патронами, а затем эти бочки сбрасывать с высоты 200–300 метров. Правда, после падения на землю, часть патронов выбраковывается, а мины таким способом и вовсе не сбросишь, и продукты тоже.

Опять вертолеты пытались трижды сесть, но им не дали, и они вынуждены были сбросить весь груз на головы нашим. Теперь непонятно, что страшнее – 200-килограммовая бочка или мина противника. Раненых и больных не могут эвакуировать. Наши советники – кто с желудком, кто с сердцем. Про нашу 16-ю бригаду пока ничего не понятно. Хотят, чтобы мы повезли в район боевых действий снабжение, но нет достаточного количества автомобилей.

Вечером прилетели наши, советские вертолетчики, чтобы вывести советников из района боевых действий. Решили оставить советников комбрига, переводчиков и техников по ремонту, а всех остальных эвакуировать. Но ангольцы нашему экипажу в этот вечер не дали вертолет.

21.09.85

С утра, в 06.30, семь вертолетов с боеприпасами вылетели в район боевых действий, но не смогли сесть и сбросили нашим груз с воздуха. Днем проблему с вертолетом для нашего экипажа решили, и поздно ночью они полетели в район боевых действий и вывезли основную часть советников. Вертолет получил множество пробоин. Говорят, когда он подлетел на минимальной высоте, противник открыл такой ураганный огонь! Но ребята — молодцы.

Утром вертолетчики с советниками улетели в Менонге. В течение дня мне довелось пообщаться с нашим экипажем. Ребята казались такими скромными, но оказались настоящими профессионалами.

К нам в Куито-Куанавале пришел один батальон с Лонги: не знаю, для чего.

25.09.85

С утра вертолеты с боеприпасами полетели в район боевых действий, но два из них были сбиты, а остальные вернулись, не долетев до войск. Восьмая бригада продвинулась на 4 километра. Сразу же вылетели 5 самолетов ЮАР и стали ее бомбить. Наши **эртэвэшники** каждый день засекают самолеты противника. Получена информация о том, что замечено движение колонны войск ЮАР в направлении Куито-Куанавале.

28.09.85

В 10.30 в 75 километрах от Куито-Куанавале засекли пару истребителей ЮАР, подняли наших в Менонге, но противник отвернул в сторону. Прилетели наши истребители, но было уже поздно. Желудок меня мучает,

надо проситься в госпиталь или в Союз. Может, все это от нервов.

30.09.85

С утра у нас, в 50 километрах от Куито, сбиты четыре вертолета с боеприпасами. Обстановка везде очень нервная, войскам очень тяжело, нет перевязочных средств, продуктов, топлива, мин, снарядов к **БМ-14**, вообще ничего. После налетов авиации были завезены около 30 **ПЗРК**, но, то ли **ПЗРК** оказались негодными, то ли специалисты, непонятно. Сверху дали команду вывести всех советников, но, как это сделать, не ясно. Ангольские вертолетчики отказываются летать в район боевых действий. Опять прилетел наш экипаж, те же пилоты. Снова проблемы с вертолетом, и они улетели назад. Прилетел в Куито **Николай Григорьевич Дударев**, советником комбата 16-й бригады, вместо **Бориса Лобанова**. Он тоже мой однополчанин по Семипалатинску. Как будто наш семипалатинский полк взял шефство над 16-й бригадой: **Дербасов, Гуков**, теперь **Дударев**. От нашего техника **Чохленко**, за месяц в районе боевых действий, остались кожа да кости. Да и все вывезенные оттуда советники очень сильно похудели. Улетел в Луанду наш **Лукашенко**, заменить фильмы и получить продукты.

Октябрь 1985 г.

01.10.85

Мои ушли сопровождать колонну в Менонге.

03.10.85

В 02.30 авиация ЮАР бомбила бригады. В 05.30 сно-

ва 5 самолетов бомбили наших. В 08.00 над нами в сторону Мавинги пролетели два наших МиГ-21 [МиГ-23?]. Один из них упал в районе боевых действий — предполагают отказ двигателя. Летчик успел катапультироваться — неизвестно, куда упал.

Прилетел ГВС, привез замену **Вольскому**. Собрал всех нас и устроил нам разнос: пытал, допрашивал всех. Видно, что очень недоволен ходом операции. Нам объявил, чтобы готовили бригаду на сопровождение колонны в район боевых действий, когда наберут необходимое количество автомобилей. Я не понимаю, как можно планировать ведение боевых действий, когда нет тылового обеспечения и командный пункт войск находится в 200 километрах от переднего края.

Стою дежурным. Вечером показывал фильм, который привез **Лукашенко** из Луанды. **Лукашенко** обрадовал меня: мой вылет в Союз назначен на 11 октября 1985 года. Нам бы день продержаться, да ночь простоять.

04.10.85

Кубинский вертолет полетел искать летчика упавшего истребителя, но наши эртэвэшники засекли, что навстречу вылетели два истребителя, и предупредили пилота. Он ушел назад над рекой на высоте 20 метров. В районе боевых действий кто-то из советников ранен в голову. Говорят, что советник командира 13-й ДШБр **Николай Иванович Мизюков** — я его хорошо знаю.

05-06.10.85

Этот же [советский] экипаж ночью вывез советников, остававшихся в районе боевых действий. По рассказам очевидцев, противник организовал им такую же

встречу и проводы, как и в первый раз. Опять эти летчики оказались на высоте. Молодцы, ребята!

07.10.85

Я вылетел в Менонге. Перед моим вылетом советник начальника штаба 6-го округа полковник **Казачук**, имя и отчество не помню, написал мне справку, что с ноября 1983 по октябрь 1985 года я находился в постоянно воюющей 16-й бригаде, и несколько раз предупредил, чтобы я в Луанде взял точно такую же справку для Москвы. Но в Луанде кадровики решили дать мне другую справку, а на мой вопрос, почему так, сказали, что все будет записано в личном деле. Дескать, не переживай. Да и времени не было: необходимо было обходной лист подписать, получить деньги, сделать анализы на малярию, а я там никого не знал. Правда, в магазине мне выделили банку печенья и бутылку черную, в форме негритянки, с вином. Приехал в Анголу с двумя чемоданами, уехал с одним тощим чемоданчиком. Одним рейсом со мной улетал начальник связи 6-го округа с женой. Уже в Москве нам пришлось брать два такси, чтобы перевезти их вещи, а его жена спрашивала меня, почему у меня так мало вещей. Это я к тому, как делили [поставки] Совиспано.

Еще когда я ночевал в Менонге, под утро, где-то в 04.30 кто-то постучал в дверь и сказав «всем в убежище», убежал. Проснувшись, я услышал разрывы мин километрах в двадцати. Решил, что бой далеко идет, и снова лег спать. Минут через 10–15 снова стучат в дверь и говорят, что все собрались в убежище и старший группы возмущен тем, что меня там нет. Он вызывает меня. Пришлось идти. А в убежище — все оставшиеся советники и все жены — основная группа советников округа в это время находилась в Куито-Куанавале. Когда меня

начали воспитывать (не помню уже, кто оставался за старшего), я сказал, что для волнения нет причин — стрельба идет в 20 километрах, да кубинцы рядом — они никого не пропустят. После моих слов я сразу заметил, что женщины немного успокоились. Через некоторое время один за другим приходят два советника, которые по боевому расчету были закреплены за пулеметами на **БРДМах**, и заявляют, что они не знают, как вести из них стрельбу. Пришлось мне обоим показать, как все это делается. После завтрака всех приказали вывести на стрельбище и проводить со всеми советниками практические занятия по ведению огня из пулеметов. Эти занятия были последними, которые я проводил в Анголе.

Из разных источников я узнал, что и в этот раз наши не смогли захватить Мавингу: войска были окружены, и день, и ночь их бомбили и обстреливали. Узнал я также, что снова моя любимая 16-я бригада прошла в район боевых действий и помогла остальным бригадам выйти из окружения. Я и сейчас уверен, что 16-я пехотная бригада была в то время одной из лучших бригад в Анголе.

11.10.85

Я вылетел в Москву — вот и закончилась моя командировка.

Post Scriptum

Прошло уже много лет, как я вернулся из Анголы. До сих пор, рассматривая фотографии тех времен, перечитывая свои записи, я вспоминаю те годы — воспоминания вызывают только положительные эмоции. Да, было тяжело. Да, я мог погибнуть или остаться инвали-

дом после очередной малярии. Но все равно я вспоминаю то время, как самое интересное, самое насыщенное разнообразными приключениями.

Только там я смог полностью применить все, чему меня до этого учили: проявлять инициативу и доводить до завершения задуманное, не думая о том, что меня станут одергивать начальники, говоря, будто по уставу не положено. Проанализировав свою работу, я могу с гордостью сказать: я выполнил ее в полном объеме и качественно, сумел научить своих подсоветных всему, что знал, и сам многому у них научился. Я никогда не считал, сколько зарабатываю в день, в час. Вместе со мной выполняли так же качественно свою работу советник начальника артиллерии подполковник **Пономарев Вениамин Алексеевич**, советник командира батальона **Лобанов Борис Михайлович**, советники начальника штаба **Забродский Владимир Денисович**, **Носов Николай Николаевич**, переводчик **Клочков Виктор**, призванный из гражданки — он достойно прошел первую операцию на Мавингу.

Кроме того, я в Анголе научился ценить жизнь, каждый прожитый день. Конечно, были и недоразумения, и недовольства, но все это связано с отношением нашего руководства к таким как я, к низшему звену советников. Во время пребывания Куито-Куанавале мне не пришлось участвовать в унижительных дележках «Совиспано», я не боялся, что меня из благополучного места переведут в бригаду подальше. «Кинули» нас и кадровики: не достались нам ордена и медали. Но жизнь продолжается и положительного все равно больше. Читая статьи посвященные Анголе, особенно про Куито-Куанавале, **Игоря Ждаркина** и других авторов, я чувствую себя значительно моложе, и мне кажется, я вернулся в то время.

Мои записи короткие. Зафиксированы только наиболее значимые, на мой взгляд, события. Перечитывая их помногу раз, я вспоминаю все новые подробности.

Огромное спасибо создателям Союза Ветеранов Анголы и Клуба Ветеранов Анголы за то, что они дали всем нам возможность высказать то, что до сих пор мы держали в себе! Растревожили общество, власть имущих и сумели, пусть и частично, отвоевать права таких, как я.

С глубоким уважением ко всем ветеранам!

Гуков Данияль.

Сноски

¹ **Ан-2** — советский легкий пассажирский или транспортный самолет. Производился с 1947 по 1968 гг., но ныне производится по лицензии во многих странах. Экипаж — 2 человека и 12 пассажиров (или 1300 килограммов груза). Оснащен одним поршневым двигателем. Скорость — 180–240 км в час. Дальность полета без дозаправки — 900 км.

² **Пулемет КПВТ** калибра 14,5 мм (14,5x114 мм). В два раза мощнее пулеметов **ДШКМ**, **УТЭС** калибра 12,7 мм (12,7x108 мм) или **Браунинг** калибра 12,7 мм (12,7x99 мм) (*прим. ред.-сост.*).

³ Совместная советско-испанская фирма, поставляла продукты и предметы первой необходимости посольствам СССР в страны Африки и Латинской Америки в обмен на поставки в Испанию советской нефти по фиксированным ценам (*прим. ред.-сост.*).

⁴ **Ми-8** — военно-транспортный вертолет советского производства. Дальность — 620 км. Экипаж — 2 человека. Перевозит до 4 тонн груза. **Ми-8** — военно-транспортный вертолет советского производства. Дальность полета — 620 км. Экипаж — 2 человека. Перевозит до 4 т груза. Вооружение — 20 неуправляемых ракет и четыре скорострельных пушки калибра 23 мм. Ныне выпускается его улучшенный вариант **Ми-17 (Ми-8МТ)**.

⁵ Так именовали сторонников **УНИТА**. **Квача!** (Да здравствует!) — один из лозунгов **УНИТА**. Не следует путать с **квача** — денежными единицами Замбии и Малави или с одноименным пропагандистским журналом, выпускавшимся **УНИТА**.

⁶ **РПГ-7** — ручной противотанковый гранатомет калибра 40 миллиметров советского производства. Предназначен для борьбы с любыми современными типами самоходных артиллерийских установок, танков, **БТР**, **БМП** и другими бронированными средствами противника. Длина **РПГ-7** — 950 (**РПГ-7Д** — 960 миллиметров). Масса гранатомета — 6,3 килограмма. Масса гранаты — 2,2 килограмма. Скорость гранаты — 300 метров в секунду. Прицельная дальность стрельбы — 300 метров (**РПГ-7**) или 500 метров (**РПГ-7Д**). Выпускается в различных модификациях с 1961 года. Выпуск его прекращен в СССР в 1981 г., но многие страны мира производят его до сих пор. **РПГ-7** пробивает броню толщиной до 30 сантиметров, а с расстояния 350 метров — броню толщиной до 50 сантиметров.

⁷ **G-3** — западногерманская автоматическая винтовка калибра 7,62 миллиметра (патрон пулеметный НАТО 7,62x51 мм). Вес — 4,9 килограмма. Длина — 1020 миллиметров. Прицельная дальность выстрела — 400 метров. Боевая скорострельность — 100 выстрелов в минуту (40 выстрелов одиночными). Магазин на 20 патронов. Производилась с 1957 года. Выпускалась по лицензии в Португалии. Широко использовалась **УНИТА**. Состояла на вооружении или состоит в резерве в армиях более чем 40 стран мира.

⁸ **БРТ-60ПБ** — модификация бронетранспортера **БТП-60ПА**. Оснащен полностью герметизированным корпусом. Шины пулестойкие, с центральной системой регулирования давления воздуха. Мог преодолевать рвы шириной до двух метров. Основное отличие от предшествующих моделей — установленная на крыше вращающаяся коническая бронированная башня со спаренной установкой пулемета **КВПТ** калибра 14,5 миллиметра и ручного пулемета **ПКТ** калибра 7,62 миллиметра. **БТР-60ПБ** выпускался в СССР с 1965 по 1976 г. Масса — 10,3 тонны. Скорость — до 80 км в час и до 10 км в час на воде. Экипаж — 3 человека и 8 солдат. Броня — 6–8 миллиметров. Много поставлялся за рубеж.

⁹ **БМ-14-16** — реактивная система залпового огня калибра 140 мм на 16 направляющих советского производства на шасси грузовика **ЗиС-151** (и позднее — **ЗиЛ-131**). Запас хода без дозаправки — 600 км. Выпускалась с 1952 г. Дальность выстрела — до 9,8 км. Много поставлялась за рубеж. Используется в локальных конфликтах до сих пор.

¹⁰ Возможно **Pilatus PC-9 (Пилатус ПС-9)** — двухместный одномоторный самолет швейцарского производства.

¹¹ **Ан-26** — транспортный самолет советского производства для перевозки и десантирования грузов. Является грузовой модификацией самолета **Ан-24**. Экипаж — 4–5 человек. Скорость — 430 км в час. Даль-

ность полета без дозаправки — до 2000 км. Перевозит до 40 солдат или 30 раненых. Максимальная загрузка — 5500 килограммов.

¹² Радиотехнические войска противовоздушной обороны (ПВО).

¹³ **ЗИС-3** — дивизионное советское артиллерийское орудие калибра 76,2 миллиметра. Вес — 1150 килограммов. Перевод из походного положения в боевое занимал 30—40 секунд. Для перевозки служили грузовики, тягачи или шестерка лошадей. Максимальная дальность стрельбы — 13 290 метров. Лучшее дивизионное орудие Второй мировой войны. Выпущено в СССР с 1942 по 1945 гг. После войны выпускалась по лицензии в странах Варшавского договора (оснащалось не только оптическим, но и инфракрасным ночным прицелом) — советские системы были модернизированы аналогичным образом. Орудие состояло на вооружении многих стран мира. Активно используется в локальных войнах до сих пор, хотя и считается сильно устаревшим (боеприпасы производятся в Румынии).

¹⁴ **Islander (BN2 Islander) (Исландер)** — двухмоторный пассажирский или транспортный самолет английского производства. Рассчитан на девять пассажиров. Максимальная дальность полета — 1400 км.

¹⁵ **Алуэт (SA.316 Alouette II)** — французский легкий многоцелевой вертолет. Длина — 9,75 метра. Высота — 2,75. Масса — 1650 килограммов. Скорость — до 205 км в час. Дальность полета — 720 км. Продолжительность полета — 8 часов 18 минут. Практический потолок — 3300 метров (статический — 1550 метров). Экипаж — 1 человек. Перевозил 4 пассажира. Вооружение — авиационная пушка **MG121/20** калибра 20 миллиметров или пулемет **AA52** со 100 патронами или две управляемые ракеты воздух-поверхность **AS.11** и **AS.12** или неуправляемые ракеты. Выпускался с 1960 года по 1975 год. Было выпущено более 1300 единиц.

Алуэт SA.316 Alouette III — французский многоцелевой вертолет, модификация вертолета **Алуэт SA.316 Alouette II**. Производился по лицензии в Индии и Румынии. Длина — 10 метров. Высота — 3 метра. Масса — 2200 килограммов. Скорость — до 210 км в час. Дальность полета — 540 км. Практический потолок — 3200 метров (статический — 2880 метров). Экипаж — 1 человек. Перевозил 6 пассажиров. Вооружение — авиационная пушка **MG121/20** калибра 20 миллиметров или пулемет **AA52** со 100 патронами, или две противолодочные торпеды **Mk.44** или **Mk 46** или две управляемые ракеты воздух-поверхность **AS.11** и **AS.12** или неуправляемые ракеты. Выпускался с 1960 года.

¹⁶ Кубинцы действительно использовали грузовые двухмоторные **Ан-26** для бомбардировки, подвешивая ему под крылья бомбы (*прим. ред.-сост.*).

Советник командира 3-го батальона 16 ПБр подполковник **Ефремов Геннадий Григорьевич** проводит занятия с офицерами по тактической подготовке. Куито Куанавале 1984 г.

Слева – командир 1-го батальона, в 1985 г – командир 16 ПБр, **Рубен Сакаяя**, его советник подполковник **Гуков Д.И.**, замполит батальона, с 1985 г – начальник политотдела 16 ПБр, **Кампуш**, начальник штаба батальона **Лукаш**, погиб в бою под населенным пунктом Соби 1.07.1985 г.

Советник командира батальона подполковник **Дударев Николай Григорьевич** знакомит с новостями в СССР. 1985 г. 16 ПБр.

Таких танков **Т-34** в бригаде было 6 шт. Своими силами было восстановлено под руководством подполковника **Лобанова Бориса Михайловича** три единицы. Остальные танки перетаскивали трактором на наиболее опасные участки.

Куито-Куанавале 1984 г. 16 ПБр: политзанятия со взводом.

Минометный расчет
ведет огонь на учениях по
условному противнику.

Советник начальника артиллерии проводит занятия с
офицерами минометных батарей по огневой подготовке.

Расчет СПГ-9 поддерживает огнем наступление пехотной роты.

Ротные тактические учения с боевой стрельбой по теме «Наступление усиленной пехотной роты на обороняющегося противника», Куито-Куанавале, 1984 г.

Тренировка расчета ЗПУ-1 по ведению огня по воздушной цели. 16 ПБР, Куито-Куанавале, 1984 г.

Пехотная рота в обороне отражает атаку условного противника.
16 ПБР, стрельбище 1-го пехотного батальона. 1984 г.

БОЕВЫЕ ЗАСЛУГИ АВТОТЕХНИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Воспоминания

подполковника запаса

Анатолия Александровича Шкляренко

В Анголе я служил с ноября 1983 по ноябрь 1986 года в должности специалиста по подготовке водителей при Центральной автошколе автобронетанкового управления **ФАПЛА**. Основная задача, которая была поставлена: вывести школу на уровень, позволяющий качественно готовить военных водителей для **ФАПЛА** и других структур — пограничников, службы безопасности и пр. Кроме того, как всегда, приходилось решать и другие вопросы — от бытовых условий подчиненных и организации службы войск до решения проблем чисто технического характера.

Основу парка автомобильной техники в **ФАПЛА** составляли советские автомобили. Они использовались и как транспортные средства (легковые, грузовые и специальные) — **ГАЗ-24**, **УАЗ-469**, **УАЗ-452А**, **ЗиЛ-130**, **ЗиЛ-131**, **Урал-375**, и как **СПВ** (средства подвижности вооружения) — **ЗиЛ-131**, **ЗиЛ-130**, **Урал-375Д** (затем — **Урал-4320**, которые при мне только начали поступать в Анголу), **МАЗ-500** (в тех модификациях, которые относились к этой серии машин). Кроме того, использовались и чисто «гражданские» автомобили.

Среди отечественных «невоенных» автомобилей в ангольской армии были **ВАЗ-2106**. Кроме того, в 1985 г. (точно не помню, возможно, и в 1984) в Луанде проводилась конференция неприсоединившихся государств. Под эту конференцию СССР поставил 100 шт. **ВАЗ-2105** и 10 шт. **ВАЗ-2107** — семерки использовались как Мер-

седесы, а пятерки — для членов делегаций. А после проведения конференции все эти машины распределили среди больших начальников. В том числе и в армию. А в начале 1986 г. начали поступать **ГАЗ-2410**, в том числе и в **ФАПЛА**. В миссию дали только одну — для генерала **Рябченко** (он был советником у полковника **Ндалу** — начальника Генерального штаба **ФАПЛА**).

В целом, парк автомобильной техники **ФАПЛА** был настолько пёстрым, что всё перечислить, думаю, невозможно. Это и советская техника (в подавляющем большинстве), и западные образцы (тяжело спорить против **Land Rover 110**), и то, что осталось после колониального периода. Всё тыловое обеспечение центрального звена было построено, к примеру, на грузовых автомобилях **Volvo**, который, при всём патриотизме, тяжело сравнить с нашими машинами. У нас тогда просто не было аналогов. Те же **КамАЗ-5320**, **КамАЗ-5410** существенно проигрывали им и по техническим параметрам, и по эксплуатационным показателям.

Кроме наших автомобилей, в армии также использовались английские **Land Rover**, французские грузовики **Renault**, шведские **Volvo** и **Scania**. И хотя парк их был намного меньше (всё-таки за них приходилось платить), но конкурировать с ними нашей технике было довольно сложно. К примеру, наши **ГАЗ-66**¹ (как комендантские) и **БТР-60ПБ**, сопровождавшие тыловую колонну из грузовиков **Volvo**, не могли угнаться за этими машинами: колонне приходилось сбавлять скорость, рискуя попасть под прицельный обстрел.

Встречались и такие автомобили, как **Star-260**² (Польша) и **IFA-W50** (Германская Демократическая Республика).

Но, пожалуй, самым признанным и уважаемым у ангольцев был наш **КрАЗ-255**³. Этот неприхотливый и в то же время выносливый автомобиль выполнял прак-

тически все задачи — от перевозки и буксировки всего и везде до «протаптывания» троп в саванне для движения колонн пехотных бригад. Дело в том, что автомобильные дороги часто минировались. Поэтому колонны уходили от дороги в сторону метров на 30 — 50 и двигались параллельно. А впереди «шел» **КраЗ** — и как минный трал и как путепрокладчик, пробивая путь пешим колоннам. Даже «наступая» на мину, машина не получила серьезных повреждений.

На **МТ-ЛБ**⁴ я служил семь лет в Союзе (до командировки в Анголу), сталкивался с ними и в Анголе — они там использовались как СПВ (средства подвижности вооружения) под комплексы **Стрела-10**⁵. Их прибыло 10 штук и мне довелось не только отправлять их в округа (грузить в самолеты, затем разгружать и передавать местной стороне), но и заниматься текущим ремонтом. Ведь специалистов по шасси в Анголе тогда практически не было.

Еще хочется вспомнить о **МАЗ-537** (многоосные тягачи). Они используются как средство переброски танков на значительные расстояния (до 500 километров), тем самым экономится моторесурс самой боевой техники. В Анголе было 10 таких тягачей, которые получили из Союза в конце 1985 года. Мне довелось с капитаном **Владимиром Поляковым** заниматься их выгрузкой в порту, а затем перегонять в Центральный рембат [ремонтный батальон]. Оттуда, после подготовки, мы их передали по округам. Кроме того, такие **МАЗы** были у кубинцев, и они активно использовали их при переброске танков. Я не знаю, использовались ли они в операции под Куито-Куанавале, но, думаю, что да. Особенно кубинцами. К тому моменту я уже был в Союзе... Об этих машинах можно много рассказать — и что **МАЗы-375** прибыли в Анголу в «северном исполнении», и как кубинцы брали их взаймы, а возвращали свои (старые),

и как одну из машин подбили **Стингером**⁶, а нам с майором **Сергеем Мартыновым** её пришлось потом восстанавливать (в районе Лукапа), не имея при этом никаких запчастей. Одному из **МАЗов-375**⁷ мы даже спасли «жизнь» — его хотели просто подорвать, так как никто не верил, что его можно восстановить. А мы восстановили.

У меня есть фотография, где видно, что ракета вошла в дверь механика-водителя, а вышла в передней левой части. Взорвалась на вылете, внутри корежило, я так думаю, реактивной струей. Рулевой вал (около 80 мм в диаметре) был как коленвал изогнут. Пробовали ровнять кувалдой — без толку, пружинит и все тут. Как выход — в этом месте смастерили «тюльпан», т.к. нужно было к чему-то крепить систему управления коробкой передач.

Большую помощь нам, военным автомобилистам, оказывали ребята из Автоэкспорта — представители заводов **ГАЗ**, **Урал**, **ЗИЛ** и **УАЗ**. Это были настоящие профессионалы, знавшие свою технику до последнего винтика, до последней прокладки, умевшие не только организовать, но и сами выполнить ремонт техники в самых сложных условиях. Кстати, эти ребята ездили вместе с нами на сопровождение тыловых колонн, помогая выполнять задачи автотехнического обеспечения. И если военные ещё могли вести разговор о каких-то льготах, участии в боевых действиях и т.д., то им это было недоступно изначально. К примеру, сборная бригада из 3-х человек успевала за 6 часов привала колонны «перебрать» 2 двигателя, заменить 2–3 коробки передач, и провести «профилактику» (мелкий ремонт) на остальной сотне машин, обеспечив тем самым возможность дальнейшего продвижения колонны с продуктами, топливом и боеприпасами до следующего привала. И это в полевых условиях, при полном отсутствии парко-

гаражного оборудования. Кстати, наши военные автомобилисты и танкисты тоже умудрялись ремонтировать технику, как говорят, «в чистом поле и голыми руками», проявляя при этом и высокий профессионализм и смекалку. Ведь ремонтных средств и специалистов просто не было — то мизерное количество, которое готовила Центральная школа, не могло покрыть потребность войск, ведущих боевые действия. А если добавить, что эвакуация техники проводилась только в зоне бригад, то получается, что весь войсковой ремонт ложился на плечи наших советских специалистов в звене бригада — округ. Но это — отдельная тема.

Сноски

¹ **ГАЗ-66** — грузовик высокой проходимости (2х2) грузоподъемностью две тонны. Выпускался в СССР и России в 1964—1999 гг. Обладает очень хорошей проходимостью, благодаря системе регулирования давления в шинах. Много экспортировался за рубеж.

² **Стар-260 (Star-260)** — польский трехосный (3х) грузовик грузоподъемностью семь тонн. Оснащен дизельным двигателем.

³ **КРАЗ 255Б** — шестиколесный (3Х3) тяжелый грузовик высокой проходимости советского производства грузоподъемностью в 7,5 тонн с изменяемым давлением в шинах. Оснащен дизельным двигателем. Используется как шасси для перевозки моста типа **ТММ** или катеров-понтонных типа **БМК-К** или наплавного моста типа **ПМП** или может оснащаться тяжелым экскаватором (**ЭОВ-4421**). Может перевозить (в прицепном виде) тяжелые артиллерийские орудия калибра 152 мм или 155 миллиметра. Основные параметры грузовика — длина — 7,85 метра и высота 2,94 метра. Грузоподъемность — 7,5 тонн. Скорость — до 80 км в час. На вооружении многих стран мира. Наряду с **Уралом-375 (Урал-4320)**, за отличную проходимость **КРАЗ-255Б** имеет уважительное прозвище «король джунглей».

⁴ Многоцелевой тягач легкий бронированный (гусеничный легкобронированный вездеход).

⁵ **Стрела-10М** — зенитно-ракетный комплекс на базе **МТЛБ** (многоцелевого тягача легкого бронированного). Скорость — 60 км в час и на воде — 5 км в час. Запас хода — 450 км. Экипаж — 3 человека. Воору-

жение – пулемет 7,62 миллиметра, 4 ракеты (и 4 в запасе) – радиус действия от 25 метров до 3,5 км.

⁶ **Стингер (Жало)** – носимый зенитно-ракетный комплекс американского производства с инфракрасной головкой наведения. Оснащен твердотопливным двигателем. Предназначен для борьбы с низколетящими вертолетами и самолетами противника в районах действий мелких боевых подразделений. На вооружении с 1979 года. Дальность стрельбы – от 500 метров до 4,8 км. Высота поражения воздушной цели – от 30 до 3000 метров. Масса носимого комплекса – 15,1 килограмм. Масса ракеты – 10 килограммов. Боевая часть – осколочная. Длина ракеты – 1,4 метра. К недостаткам комплекса следует отнести частые промахи и дороговизну.

⁷ **МАЗ-537.** Это так называемый «головастик», под который цепляется платформа для транспортировки бронееквивалентов. Этими машинами комплектовались ремонтные батальоны танковых дивизий, танковых армий. Кроме того, в Советской армии были так называемые полки тяжелых машин (как пример – 3-й автомобильный полк, город Новоград-Волынский), основная задача которых состояла в переброске танковой армии к месту выполнения задач (до 500 км от места дислокации). Тем самым существенно экономился моторесурс бронееквивалентов. В полку было около 800 машин (прим. Шкляренок А.А.).

1986 год, северо-восток Анголы. Справа – специалист по ремонту бронетанковой техники майор **Мартынов Сергей**, слева майор **Шкляренко Анатолий**, специалист по подготовке водителей.

1985 год, в районе Порто-Амбоим, обеспечение марша.
На заднем плане – **БТР-60ПБ**.

1986 год. Северо-восток Анголы, один из **МАЗ-537**, который был восстановлен в полевых условиях. Этот **МАЗ-537** был прострелен **Стингером**.

1986 год, северо-восток Анголы. В нашем лагере.

1984 год, Луанда.
В центре – специа-
лист при начальнике
отдела эксплуатации
автобронетанкового
управления **ФАПЛА**
подполковник **Дят-**
ленко Валерий Алек-
сандрович, справа –
специалист по под-
готовке водителей
капитан **Шкляренко**
Анатолий.

НА СЕВЕРЕ И ЮГЕ АНГОЛЫ

Воспоминания

Вячеслава Анатольевича БАРАБУЛИ,

старшего лейтенанта запаса¹

— **Вячеслав Анатольевич, в какие годы Вы служили в Анголе?**

— Я служил в Анголе в период с 1986 по 1988 годы. Служил полтора года в 1-м военном округе, в городе Уиже, и последние полгода — как раз тогда, когда началась агрессия ЮАР — в городе Менонге и поселке Куито-Куанавале².

— **Когда Вы впервые оказались в Анголе?**

— В 1985—1986 гг. я учился на 10-месячных курсах португальского языка в Военном институте иностранных языков (ВИИЯ). А до этого, до поступления в институт, в 1983—1985 гг. я служил в армии, во внутренних войсках, в дивизии им. Ф. Дзержинского. Служил в Москве, в 1-м полку.

В августе 1986 г., после окончания курсов, в звании младшего лейтенанта я и двое моих товарищей по курсам, **Пётр Ивановский** и **Игорь Ждаркин**, отбыли в Анголу.

Летели мы на **Ил-62М**, с посадкой в Будапеште, для дозаправки, и дальше 8 часов без посадки.

— **Какие были первые впечатления от страны?**

— Необычные — я не мог себе тогда представить, что существуют в мире города, где живут одни негры и мулаты.

— **Какое впечатление произвела Луанда?**

— Как столица — Луанда произвела сильное впечатление.

чатление. Хотя, если говорить об архитектуре, многие новостройки, которые я видел во время поездок по городу, стояли брошенные — не было ни кранов, ни рабочих. Это наводило на мысль, что недострой остался от португальцев с 1975 года.

Город был изрядно заполнен автомобилями, по сравнению с Москвой, которая 20 лет назад была не так забита автотранспортом, как сейчас. И во время езды на автобусе из аэропорта до нашей военной миссии (всего минут 20) движение было достаточно сложное. Жизнь в городе бурлила.

В Луанде я пробыл дня два или три, и был первым из нашей группы, кто уехал на самый север на вертолете **Ми-8**, в провинцию Уиже, на границу с Заиром. Граница проходила по реке Конго.

Рядом находилась провинция Сойо. Забрал меня туда майор **Виктор Шепель** (отчество не помню). Он был советником начальника связи первого военного округа, центр которого и находился в Уиже. Я потом много с ним работал.

— **Кем Вы там работали?**

— Я приехал в провинцию Уиже вторым переводчиком. А первым переводчиком у военного советника командующего военным округом полковника **Краснодубца** был **Александр Еранцев**. Он служил в стране уже второй год, поэтому мог меня ввести в курс дела. Имя и отчество полковника **Краснодубца** я, к сожалению, не помню. Знаю, что он был родом из Киева. Он оставил хорошее впечатление о себе.

Вторым переводчиком я пробыл недолго и даже остался единственным в округе, потому что **А. Еранцева** откомандировали в Союз через месяц моего пребывания в Анголе.

Конечно, мне было поначалу очень тяжело, потому что, хотя переводческий опыт, который мы получили в

институте, был бесценен, в Анголе все равно приходилось записывать практически каждое слово — «дорога», «пыль», «фонарь», «чайник» (смеется), а не «дивизия», «полк» и другие военные термины, на которые у нас при изучении языка в институте делался основной упор. Одним словом, учил многое с нуля.

Обстановка в округе была достаточно сложной: **ФНЛА**, и иногда **УНИТА**, не давали покоя. Советник, чтобы быть в курсе всех дел, должен был присутствовать на ежедневных совещаниях, которые проходили в управлении военного округа.

— **Считается, что ФНЛА и его лидер Ходен Роберто к тому времени уже сошли со сцены.**

— Это общепринятое мнение. Но вооруженные формирования **ФНЛА** не представляли собой регулярную армию. Это были партизанские отряды, без единого руководства, в отличие от **УНИТА**. Тем не менее, их присутствие не позволяло **МПЛА** контролировать все населенные пункты провинции.

— **Какое оружие им приходило из Заира?**

— Оружие, скажем так, было универсальное. Начиная от наших автоматов **Калашникова**, производства разных стран, и заканчивая западногерманскими штурмовыми винтовками **G-3**, вплоть до обычных охотничьих карабинов. Мы встречали среди захваченного оружия экземпляры без прикладов, типа обреза, и тому подобное.

Основной огневой силой противодействующей нам были штурмовые винтовки **G-3**, автоматы **АКМ**, карабины и... ружья с раструбами (расширяющимися к концу стволами). Я их видел: это были португальские мушкеты.

Мы (наш советнический аппарат и наши гражданские врачи, жившие в доме недалеко от нас и работавшие в гражданской больнице в Уиже) два раза в неделю

топили баню с эвкалиптовым веничком. Сначала мылись женщины, а потом мужчины.

Кроме того, мы собирались все вместе вечерами, смотрели фильмы. Миссия наших гражданских медиков была численно больше, чем военная миссия.

Мы любили после бани пить местный напиток — пальмовый сок. Он назывался «малава». Добывался, как у нас березовый сок, — из ствола дерева.

Малава и пьется, как сок: выпиваешь один стакан — ничего, второй стакан — ничего, а после четвертого или пятого стакана возникает ощущение, как будто кто-то ватным молотом ударил тебя по голове — и ты отключаешься. Думаю, что это действие оказывает не алкоголь, а, может быть, какой-то легкий наркотик, выделяемый корой или стволом пальмы. Малаву надо пить обязательно свежей.

Вспоминается один случай. Однажды наш поставщик не привез нам малаву, и мы поехали на **уазике** на фазенду, которая находилась по дороге на Негаже. Я поехал с советником начальника штаба подполковником **Соломихиным**. Мы были вооружены, да мы никогда и не выезжали без автоматов **Калашникова**.

Это была не бывшая португальская, а местная фазенда. Я раньше ее не видел — местные сказали, что она должна быть здесь, на таком-то километре. Мы до него доехали, и там местный житель мне говорит: мол, пойдешь в лес, перейдешь через речку и — увидишь фазенду, там тебе малаву продадут. Дорога была на Негаже.

Приехали. **уазик** с дороги не убрали. Я говорю начальнику штаба, что пойду один. Естественно, автомат с собой не брал, взял две канистры, в которые можно налить малаву. Прошел по тропинке метров 200, перешел через речку по заваленному дереву.

Иду, иду и вдруг вижу вдалеке костер. Дошел до костра и увидел, что около него сидят люди (человек 20—30),

одетые разномастно — и в камуфляж **ФАПЛА**, и в камуфляжи всех цветов радуги. Причем, почти все босые.

А я знал, что все воины **ФАПЛА** ходили в ботинках. А среди этих только некоторые были в обуви, а большинство — босые. А в руках у них — самое разномастное оружие, начиная от **АКМа** и кончая этими самыми мушкетами с раструбами.

Вот тут я растерялся. Я понял, что это — бандиты, **ФНЛА**. Потому что только **ФНЛА** в том районе действовал.

Я начал шутить с хозяином — говорю, мол, нам надо малавы и прочее. Никто не улыбается, на шутки не реагирует. Хозяин тоже хмурый.

А все это происходило в лесу, похожем на джунгли. Я так и не понял, чем фазенда отличается от джунглей. Малава должна была стоить 500 кванз, но хозяин говорит: стоит 1000 кванз за литр. Я не стал с ним спорить.

«Деньги, — говорю, — у меня на дороге в машине. Давай, наливай мне малавы и пойдём, я тебе отсчитаю».

Мужики все сидят, никто не пошевелился — все смотрят на меня. Я белый, а они все черные.

— **Может, они не шевелились, потому что Вы сказали, что деньги в машине, и они решили: а вдруг там тоже сидят вооруженные люди?**

— Я не знаю, что они подумали, но хозяин говорит мрачно: «Ладно, пойдём». И мы пошли к дороге, а те мужики остались сидеть на месте. Я приношу малаву и говорю начальнику штаба: давай столько-то денег. Начальник штаба: «Чего так дорого?» Давай, говорю, и поехали отсюда.

Начальник дал деньги, хотя и не понял, в чем дело. Но когда мы отъехали, я ему обо всем рассказал, он тоже был в шоке.

Столкнуться в провинции Уиже с теми, кого сейчас называют «вооруженные бандформирования», было до-

статочно легко. Другое дело, как ты с ними разойдешься. Они не вели себя агрессивно, по крайней мере, те, с которыми я встречался. То есть, цели убить нас у них не было, но все равно было как-то жутко.

Боевые операции проводились в определенных зонах, в первом военном округе. Например, было это с 1 октября по 1 декабря. Для руководства боевыми действиями формировался оперативный штаб. Туда по приказу попадало несколько человек из нашего округа. И я в том числе, как переводчик. Но непосредственно в боевых действиях в первом военном округе мы участия не принимали.

Летали мы на вертолете **Ми-8** и на англо-французских двухместных вертолетах **Алуэт III** ангольской армии.

Алуэты летали только спарками (по двое), и если на **Ми-8** мы могли летать в одиночку, то на **Алуэте** — нет. Хотя **Ми-8** вооружен лишь **НУРСами** [неуправляемыми реактивными снарядами] — это вооружение, которое можно сравнить с пугачом: из неуправляемых ракетных снарядов ещё нужно уметь попасть в цель.

Что касается вертолета **Ми-24**³, то эту технику мы вызывали на поддержку операций из Луанды. В нашем округе таких вертолетов не было. Они прилетали, выполняли свои боевые задачи и сразу улетали.

В Негаже (местечко в 50 км от Уиже) была ангольская вертолетная школа ВВС, где работали наши преподаватели. Начальником этой школы был **Гату**, который раньше командовал ВВС Анголы. Но, вероятно, за то, что он больше любил не Советский Союз, а чехов и других демократов, его сняли с поста командующего и отправили возглавлять эту школу в Негаже. Там были реактивные чехословацкие учебные самолетики.

Гату, конечно, был неординарной личностью. И мне интересно было бы сейчас узнать его судьбу. Он мог себе

позволить прилететь на вертолете из Негаже в Уиже, сесть посередине города, или разогнать рынок: зависнуть над ним, пыль поднималась бешеная, все торговцы разбегались и бросали свое имущество. А он садился потом на вертолете на освободившееся место. И это ему всегда сходило с рук, потому что, помимо высокого звания, он был замечательным летчиком, великолепно управлял вертолетом. И при этом был воздушным хулиганом.

У нас в Уиже не приземлялись самолеты, потому что площадка для приземления позволяла принимать только вертолеты. А от Луанды до нас было 200 км. И поскольку у **ФНЛА** в провинции Уиже не было больших баз, то и не было необходимости бомбить их с воздуха. Потому что база **ФНЛА** два-три дня стоит, к примеру, в одном месте, а потом переносится в другое. Поэтому проще было базы с вертолетов достать или с реактивной установки залпового огня **БМ-21 Град**.

Были в нашем округе ещё 4 танка **Т-34 [Т-34-85]**, 4 плавающих танка **ПТ-76⁴**, 2 бронетранспортера **БРТ-60ПБ**; другой тяжелой военной техники не было.

Интересно при этом отметить, что плавающий танк **ПТ-76** не мог пересекать шану (болотистую пойму реки). Но даже в тех немногих местах, где был сухой подход к реке, танк не мог ее переплыть из-за отсутствия так называемых боковых «ресничек», поскольку ангольцы снимали «реснички» для покрытия крыш своих хижин.

С **Т-34** произошла такая история — мы ожидали атаку на аэропорт в Уиже и решили перебросить туда всю тяжелую технику. В городе были сухопутные части. Но вся техника стояла под городом, не в районе аэропорта, и аэропорт не был защищен. Когда начали перебрасывать **Т-34**, чтобы не разбить дорогу — и так целого асфальта уже немного оставалось, — пошли по бездорожью. И в

результате, идя по глинозему, танк сел на брюхо. Гусеницы вращаются, а танк с места стронуться не может.

Решили послать второй **Т-34**. Он подошел к первому, с него бросили прицепной трос. Подцепили, начинают его дергать и... второй **Т-34** тоже садится на брюхо. И вот уже два танка вращают гусеницами. Трос натянулся, как струна, и никто не знает, что делать. Ситуация пиковая, потому что плавающий танк **ПТ-76** танки **Т-34** не сдернет с места и не вытянет.

А в Уиже как раз работали итальянские лесорубы. У них была специальная гусеничная техника, которая вывозила спиленное красное дерево для последующей переправки в Луанду и — транзитом в Италию.

Попросили одного итальянца помочь. Он подъехал на своей технике — мощном гусеничном тягаче, который валит и вытаскивает огромные деревья. Итальянец, не вылезая из кабины, бросает голубой синтетический трос, его зацепляют за первый из двух **Т-34** и тягач вытягивает на асфальт и тот, и другой.

Дело в том, что наш **Т-34** с плоскими гусеницами не может пройти по глинозему, в отличие от итальянского тягача, у которого на гусеницах шипы, уходящие глубоко в землю.

И благодаря этим шипованным гусеницам, он вытащил наши танки на дорогу и сказал, чтобы они больше не съезжали с асфальта. По асфальту мы их потом прогнали до аэропорта.

Такая была специфика эксплуатации нашей техники в Анголе, где почва не подходила для наших плоских гусениц, и было лучше (особенно в период дождей) использовать колесную технику — **БТР-60ПБ**. Тем более что наша техника, поставляемая в Анголу, была не новой: наиболее современные танки, которые тогда использовались в Анголе, были **Т-62** (если честно, я их не видел; там были, в основном, **Т-54**, **Т-55** и даже **Т-34-85**).

Через год службы я поехал в отпуск на 45 дней, а когда вернулся, ещё полгода служил в той же провинции и все время просил, чтобы меня перевели куда-нибудь в боевой округ. В итоге меня перевели в декабре 1987 г. на юг страны, в Куито-Куанавале.

Сначала я прилетел в Менонге, а потом из Менонге меня перебросили в Куито-Куанавале. Когда я туда приехал, где-то в час ночи меня разбудили и вызвали на командный пункт: войска ЮАР вновь перешли к активным боевым действиям, возобновив вооруженную агрессию против Анголы.

А наша миссия была километрах в семи от самого поселка Куито-Куанавале. Из-за артиллерийских обстрелов, мы в лесу стояли.

— **Расскажите, пожалуйста, подробнее про Куито-Куанавале, что там происходило?**

— Перед моим приездом там было как будто спокойно. До этого были обстрелы нашей миссии со стороны УНИТА, в результате чего миссия была вынуждена переселиться из Куито-Куанавале в лес. И когда я приехал — миссия уже была в лесу.

После моего приезда начались обстрелы из дальноточных южноафриканских гаубиц **G-5** и самоходных орудий **G-6**. Били на расстоянии в 47 километров, на которое наша артиллерия ответить не могла.

В два раза дальше от Куито-Куанавале, чем наша миссия, находились кубинцы.

— **Где находись наши комплексы ПВО?**

— Управление комплексом **Печора** находилось в нашей миссии, но подразделения ПВО были разбросаны по фронту, и **G-5**, и **G-6** обстреливали, в основном, кубинцев. То есть район, где стояли регулярные кубинские войска.

Юаровцы били через нас. Реактивные снаряды пролетали над нами, и мы сидели и смотрели, как «жучки» летели по небу и уходили в сторону кубинцев.

С кубинцами отношения были очень хорошие. Единственное, о чем они нас предупреждали, так это о том, чтобы мы в их женский батальон не заглядывали. Хотя мы и не очень хаживали, но они все равно подозрительно относились к нам по этому поводу. К кубинцам мы ездили, как правило, раз в неделю на **узиках** — смотрели фильмы по видео.

Один раз приехали, а они нам говорят, мол, вы что тут делаете: обстрел идет, сегодня никаких фильмов нет.

— **В чем заключалась Ваша работа в Куито-Куанавале?**

— Так получилось, что я был переводчиком у военного советника полковника **Величко**.

Сейчас я уже не помню, кто был военным советником до **Величко**. Я приехал в Куито-Куанавале, когда там был другой военный советник, через некоторое время ему на замену приехал **Величко**. О нем и расскажу.

Величко только приехал — и тут южноафриканцы начали артобстрел. **Величко** прыгнул в траншею. Траншея была без крыши. А я знал, что южноафриканские снаряды при полете взрываются в воздухе, не касаясь земли. Траншея, как правило, не спасала.

Невдалеке от траншеи была наша штабная землянка с накатом бревен. Я бросился к **Величко** и сказал, что надо бежать в нормальное укрытие, что эта траншея, хотя и глубокая, не спасет от осколков. Несколько минут мы находились в траншее, в зоне опасности от разрыва пролетающих снарядов.

Потом мы перебежали в более надежное укрытие. После обстрела вернулись к траншее, а там вокруг были следы от осколков снарядов.

— **То есть Величко мог быть как минимум ранен?**

— Возможно. Когда ему объяснили опасность нахождения в траншее во время обстрела, он ко мне стал

хорошо относиться, представил меня к награде. Мне дали медаль «За боевые заслуги».

Величко был уроженцем центральной Украины, Кировограда, где жили в молодости (до переезда в Тольятти) мои родители. Хотя у него был тяжелый характер, у нас были очень хорошие отношения.

Возможно, сработало не только то, что мы земляки, но и то, что я хорошо знал советника начальника штаба полковника **Альтшуллера** — хороший мужик, он был до этого советником начальника штаба в 1-м военном округе.

Альтшуллера перевели за месяц до моего перевода в Куито-Куанавале. И когда я приехал, то встретил уже знакомые лица — тех, с кем я раньше работал.

— **Альтшуллер — русский немец?**

— Вообще **Альтшуллер** говорил, что он немец, но когда напивался, то говорил: «Да еврей я, еврей!» (смеется). А когда был трезвый, всегда говорил, что немец. Сейчас он живет в Израиле.

— **Что ещё примечательного было в Куито-Куанавале, кроме ежедневных обстрелов, до мартовского (1988 г.) наступления южноафриканцев, которое захлебнулось?**

— Вообще, наступление, обстрелы и передвижения армий начались еще в 1987 г., и ангольские бригады — 59-я, 47-я, 21-я — были разбиты юаровцами...

Что я вспоминаю все это время, так это прекрасные отношения в нашем коллективе. Я до сих пор жалею, что позднее мне пришлось уволиться из армии. Но иногда, чем больше растешь в звании, тем «худшеет» коллектив...

— **Говорят, что в армии, да и не только в армии, «работает» железный принцип — чем выше звание, тем хуже окружение.**

— Совершенно верно. А чем ниже по званию, тем лучше. Много было таких моментов, когда все друг дру-

га поддерживали. По-другому было просто нельзя, иначе было не выжить.

К примеру, такая история. Мы пили технический спирт, который приходил на техобслуживание **Печоры**. Фильтровали его всевозможными способами. И выпили почти все 200 литров за несколько месяцев.

Встал вопрос: как списывать спирт? Командир сказал: «А пишите: прямое попадание снаряда» (смеется).

— **А почему пили?**

— Когда идет обстрел, он легко переносится. А шокое состояние приходит несколько позже: когда вечером ложишься спать и начинаешь перед сном представлять траекторию снарядов, полета осколков и прочее. Вот тогда становится жутко и очень тяжело заснуть. Самый сложный момент наступает после того, как все случилось, а не до того или во время того. На передовую легко было ездить, легко переносить обстрел. Зато потом, когда возвращаешься в расположение части и начинаешь отдыхать, приходит это шокое состояние. Поэтому 200 граммов наполовину разведенного водой спирта были необходимы.

— **Все эти месяцы вас обстреливали, и вы находились в укрытии?**

— Ну, почему? Мы каждое утро ездили на свое рабочее место. Дело в том, что штаб округа находился рядом с Куито-Куанавале. И мы ездили туда каждый день на **узиках**, а иногда на **БРДМ-2**.

— **Почему именно на БРДМе?**

— У нас были и бронетранспортеры **БТР-60ПБ**, и боевые машины пехоты **БМП-1⁵**, но они все время стояли в капонирах, готовые к немедленной эвакуации. А **БРДМ-2** была у нас рабочей лошадкой, и ее использовали как разъездную машину.

Попадали мы на ней и под обстрел. Мне особенно запомнился такой случай. Вокруг нас начали рваться

снаряды, и осколками секло броню **БРДМа**. Не пробивало, но било сильно, с шумом. Нас засекала юровская **Г-6**: она была по радионаведению. У нас на **БРДМе** была радиостанция, и они пеленговали нас.

В этот день как раз шел дождь. Когда все успокоилось, по окончании обстрела мы все вылезли из **БРДМа**. Я смотрю – **БРДМ-2** стоит весь мокрый, а в местах, куда секли осколки, сухие зоны, несмотря на то, что шел дождь. В тех местах, куда попадали осколки, происходил нагрев брони. Это запомнилось на всю жизнь.

– **Когда это было?**

– В январе-феврале 1988 года. Еще очень яркое впечатление произвел захват южноафриканского танка **Элефант [Олифант]**.

– **Насколько я помню, на кубинских минных полях подорвалось несколько Элефантов, два разбитых так и остались стоять, и ещё один кубинцы перетащили на свою сторону?**

– Я не буду говорить, сколько их подорвалось, потому что такие цифры впервые слышу. Любой **Элефант**, который подрывался, оттаскивали бронированные юровские тягачи **Самил-100**⁶.

Но в результате одного из боев у юоровцев просто не было возможности эвакуировать подорвавшийся **Элефант**, и это единственная машина, которая осталась на поле боя. Тягачи не смогли к нему подойти, потому что постоянно шел обстрел, и потому что там было минное поле; тягачи тоже, якобы, подорвались.

У захваченного **Элефанта** было вырвано направляющее колесо, когда его тащили. Когда притащили захваченный танк, меня поразил простор внутри рабочей области. Танк внутри был покрашен белой краской с желтоватым оттенком. По сравнению с нашими танками, там было чисто, как в операционной. И свободы для экипажа было очень много. Хотя, с другой стороны, из-

за своих размеров и большой высоты **Элефант** был легко уязвим.

— У **Элефанта**, говорят, лучше прицел и мощнее пушка (калибр 105 мм), чем у **T-55** (калибр 100 мм), но маневренность у него хуже. А **T-62** (калибр 115 мм) его превосходит и по калибру пушки, и по всем другим характеристикам.

— Насчет того, что наши танки превосходили **Элефант**, это так. Но я слышал только об одном или двух прямых боевых столкновениях наших танков с **Элефантами**.

— Результаты этих танковых боев каждая сторона по-своему описывала?

— Скажем так, каждая сторона об итогах боя, наверняка, по-своему говорила, но результатов больших положительных для нас не было. Ни кубинцы, ни ангольцы, кроме этого случая, танки не захватывали⁷. И этот захватили потому, что была массированная атака кубинцев всеми родами войск.

Столкновений с **фалловской** пехотой было гораздо больше, чем прямых танковых боев, и **Элефант** все-таки оказывал большее подавляющее и устрашающее воздействие на **ФАПЛА** (ангольцев). Они сразу убегали, видя эту огромную чушку. Возможно, если бы у юаровцев были танки **T-54**, **T-55**, **T-62** или **T-72**, результат был бы тот же, поскольку это факт, что юаровские танки производили на **фалловцев** достаточно сильное впечатление. Каких бы типов ни были танки у южноафриканцев, большинство ангольцев драпало бы от них, едва завидев.

Еще примечательными были налеты южноафриканских **Миражей** (**Мираж F-I** и **Мираж F-III**). Я не мог определить, когда самолет летел: его точный тип — модификацию **Миража**. И не только потому, что они похожи.

Ситуация была такая: просто слышался дикий рев — самолеты шли на низкой высоте — не больше 50-ти метров. В это время мы все бросались в укрытие.

Штурмовики **Импала** летали на большой высоте, а истребители-бомбардировщики **Мираж** шли на малой высоте и бросали 500-килограммовые бомбы.

Причем, на сбрасываемых бомбах стоял механизм замедления. Однажды был такой случай: упали на шану (болотистую пойму) три или четыре 500-килограммовые бомбы и торчат стоймя.

И вот ангольцы подъезжают к ней на **БТР-60ПБ**. Вышли, похлопали по ней, дескать, не взорвалась. Только отъехали метров на 300—400 — она как рванет!

Ангольцам просто повезло, что они похлопали по бомбе, а рванула она, когда они отъехали. Могло и не повезти. Яма от взрыва такой бомбы огромная: если взять два **БМП-1** и с двух сторон опустить в яму, то их не было бы видно.

У меня где-то была слайдовая фотография той ямы. К сожалению, у меня фотографии разбросаны в разных местах, все руки не доходят собрать их. Многие я потерял, потому что был такой момент по возвращении — война в Анголе считалась не очень интересной. И я легко относился к памяти об этой войне, и фотографии начали теряться.

— **А после отхода южноафриканских войск от Куито-Куанавале в марте 1988 г. артиллерийские обстрелы прекратились?**

— Артобстрелы все равно продолжались.

Вы слышали историю про вертолеты? Для того чтобы улететь, назначали зону вылета из Куито-Куанавале — 15-ю, 16-ю, 17-ю, то есть на 15, 16 или 17-м километре от Куито-Куанавале. И вертолеты ангольские прилетали в спарке — по двое. Садись на дорогу между Менонге и Куито-Куанавале, и все раненые, и те, кто собирался улетать, подъезжали туда на машине.

И был случай, ещё до моей службы в Куито-Куанавале. Один вертолет идет на посадку и тут появ-

ляется **уазик** с нашим замполитом, чтобы забрать почту и газеты. Вертолет садится и вертолетчик видит, что сейчас столкнется с **уазиком** и дергает ручку на себя, вертолет дергается назад, попадает лопастями на другую «вертушку», которая уже села, и они оба лопастями друг друга секут и разваливаются. И два вертолета **Ми-8** были списаны на боевые потери. Погиб ли кто при этом, я точно не знаю.

Меня отозвали из Куито-Куанавале в Луанду где-то в мае 1988 г. и распределили переводчиком в разведшколу. А вообще, мне предлагали остаться до конца года, но я тогда бы не смог продолжить учебу и потерял бы целый год. И, если честно, мне все тогда надоело, очень хотелось домой, я под любым предлогом старался поскорее вернуться.

Я соскучился по свету. Ещё когда был в отпуске, я никак не мог привыкнуть к тому, что просыпаюсь ночью и могу включить свет. Захожу в ванную или на кухню — идет вода (не только холодная, но и горячая). После Анголы это была такая фантастика! Потому что даже в Уиже электричество у нас было ночью полтора-два часа. Вода шла один час в день, и надо было ею наполнять все емкости. Поэтому, когда я приехал в отпуск и увидел все блага цивилизации, для меня это было счастьем, и я думал: почему люди не могут понять, как хорошо они живут.

Я вернулся в институт в августе 1988 года. Закончив его, поехал в Германию. Там тоже был хороший коллектив. Потом боевую часть, в которой я служил, вывели в Тверь, в Завидово, где не было хорошего жилья, остались одни корпуса без окон без дверей. А у меня родился в Германии сын. И я не мог представить себе, как буду с ребенком жить в таких условиях: для отопления помещения использовали проволоку, намотанную на изолятор, который включали в розетку. Окна старались

закрыть всем, чем можно. Условия были хуже, чем в Анголе. Поэтому, как только нашу часть вывели из Германии, я сразу отправил жену в Тольятти. Месяца три я служил, а затем попросился на увольнение из армии по собственному желанию. Может быть, потом там все бы наладилось, но в тот момент у меня не было внутренней мотивации к необходимости службы.

Меня назначили на должность инженера радиоразведки. А я в этом ничего не понимаю, я же переводчик с немецкого и португальского, а не военный инженер... Находился не в своей тарелке.

Уволился и вернулся в Тольятти, где когда-то я заканчивал школу и где жили мои родители. И жена моя оттуда.

В Тольятти я устроился в «АвтоВАЗбанк». А потом, после банковского кризиса 1998 г., ушел оттуда и начал работать в коммерческой структуре, которая сотрудничала с АвтоВАЗом, и работал там до последнего времени.

Закончил экономический институт в Москве и остался здесь, потому что полюбил этот город, ещё когда учился на военного переводчика. Все друзья здесь живут. В настоящее время работаю в коммерческой структуре.

Сноски

¹ Запись произведена 20 октября 2005 г. Г.В. Шубиным.

² Подробнее о боевых действиях у Куито-Куанаале см. «Куито-Куанавале. Неизвестная война». Мемуары ветеранов войны в Анголе – М., 2008.

³ **Ми-24 «Крокодил»** – транспортно-боевой вертолет советского производства. Производился в различных модификациях с 1971 по 1992 гг. Экипаж – 3 человека. Скорость – до 330 км в час. Дальность – 290 км. Перевозит до 2,5 тонн грузов, или 8 десантников или 4 раненых. Вооружение – пулемет калибра 12,7 миллиметров и пушка калибра 30 миллиметров и четыре **ПТУРа** или управляемых ракеты и 40 неуправляемых ракет и до 1500 килограммов бомб. Было построено

свыше 2300 вертолетов данного типа. Широко поставлялся за рубеж.

⁴ **ПТ-76** – плавающий танк советского производства. Выпускался с 1951 по 1987 гг. Масса – 14 тонн. Скорость – до 44 км в час и до 10 км на воде. Вооружение – пушка типа **Д-56Т** калибра 76,2 миллиметра (боезапас – 40 снарядов) и спаренный пулемет типа **СГМТ** калибра 7,62 миллиметра (дальность выстрела – до 2000 метров). Прицельная дальность орудия – до 4000 км. Максимальная дальность выстрела – 12000 метров. Скорострельность – до 7 выстрелов в минуту. Экипаж – 3 человека. Запас хода (в зависимости от модификации – 250–400 км). Поставлялся за рубеж, участвовал во многих войнах.

⁵ **БМП** – боевая машина пехоты – **БМП-1**. Выпускалась в различных модификациях с 1966 по 1983 гг. Масса – 13 тонн. Вооружение – гладкоствольное орудие калибром 73 миллиметра и пулемет калибра 7,62 миллиметра и пусковой установкой противотанковой управляемой ракеты **ПТУР Малютка**. Боекомплект – 40 снарядов. Дальность – до 1300 метров. Боекомплект для пулемета – 2000 патронов. Вместимость – 11 человек (3 человека экипаж и 8 солдат). Масса – 12600 килограммов. Броня – от 6 до 26 миллиметров. Скорость – до 65 км в час. На воде – 10 км. Запас хода – 500–600 км. Личный состав имеет возможность вести огонь из стрелкового оружия через амбразуры с шаровыми установками, расположенные по бортам и в задних дверях. Движение на воде осуществляется за счет перематывания гусениц. **БМП-1** широко экспортировался за рубеж. По лицензии производился во многих странах. Состоит на вооружении в десятках стран мира.

БМП-2 – модификация **БМП-1**, выпускалась в СССР с 1980 года. Масса – 14 тонн. Экипаж – 3 человека и 7 десантников. Вместо гладкоствольной 73-миллиметровой пушки **2А28** была установлена автоматическая скорострельная пушка **2А42** калибра 30 миллиметров, способная вести борьбу с легкобронированными целями на дальностях до 1500 м, установками **ПТУР**, небронированными целями и живой силой противника на дальностях до 4000 метров, а также воздушными целями, летящими с дозвуковыми скоростями на высотах до 2000 метров. Боекомплект 500 выстрелов для скорострельной пушки, 2000 патронов, 4 **ПТУР**. Для борьбы с бронированными целями на дальности от 75 метров до 4000 метров на башне установлен **ПТРК** второго поколения **9М113М Конкурс**. Скорость – 60 км в час. На воде – 10 км в час. Запас хода – 650 км. В связи с установкой башни больших размеров число входящих в боевой расчет **БМП-2** десантников уменьшено до

семи. Все десантники могут вести стрельбу из стрелкового оружия через амбразуры в бортах корпуса; для наблюдения за полем боя они пользуются перископическими приборами наблюдения. Состоит на вооружении в десятках стран. Производится по лицензии в различных странах, в частности в Иране.

⁶ **Samil-100 Mk. II (Самил-100) Kwevoel (Квефул)** – шестиколесный (3х3) тяжелый грузовик высокой проходимости с дизельным двигателем воздушного охлаждения производства ЮАР на базе западногерманского трехосного грузовика **Магирус (Magirus Deutz)** грузоподъемностью 10 т. Все мосты – ведущие. В бронированном варианте назывался **Kwevoel (Квефул)**. Оснащался защищенной от мин двухместной кабиной. Масса – 9–10 т. Длина – 10,27 м. Высота – 2,5 м. Скорость – 90 км/ч. Дальность хода без дозаправки – 800 км. Преодолеваемый подъем – до 18 градусов. Преодолеывает водные преграды глубиной до 1,2 м. **Самил-100** использовался как шасси для системы залпового огня **Valkiri (Валькирия)** – 40-стволовый вариант (под названием **Bateleur**), как водовозка, как заправщик, как передвижная кухня, как кран, как передвижная столовая для доставки продуктов, как рефрижератор для доставки медикаментов, как эвакуационная машина и артиллерийский тягач. Выпускался также бронированный вариант **Zumlac** с зенитным скорострельным орудием **Zumlac (Зу-23-2)** калибра 23 мм.

⁷ Не верно. В 1976 г. ангольцами был захвачен танк **T-59** китайского производства, воевавший на стороне ФНЛА (*прим. ред.-сост.*).

В. Барбуля на танке Т-34. Город Уиже. 1987 г.

Младший лейтенант **В. Барбуля** с ангольским расчетом гаубицы Д-30. Куито-Куанавале. 1988 г.

В. Барбуля с плодом хлебного дерева.

ВОЙНА ГЛАЗАМИ ВРАЧА

Воспоминания

доктора

*Адохиной Людмилы Семёновны*¹

Я приехала в Анголу в апреле 1988 года. Вероятно, мое видение этой страны будет в какой-то степени отличаться от воспоминаний других специалистов, потому что врач, в отличие от военных, переводчиков, госслужащих, видит «картинку» с другого ракурса.

В 1988 г. мне предложили работу «где-нибудь в африканских странах». Тогда это воспринималось с радостью. Возлагались очень большие надежды на лучшую жизнь при возвращении домой. И, конечно, практически никто не отказывался.

— **Где Вы работали в то время?**

— В Четвёртом управлении Минздрава, на Украине. У меня была прекрасная работа. Но, несмотря на это, считала, что от предложения поработать за границей глупо отказываться.

— **Вас обучали перед поездкой?**

— Обучение проводилось в Академии медицинских наук в Москве. Это была короткая трехмесячная специнструктура с изучением португальского языка. «Погружение в язык» у нас было полное — практически в течение всего светового дня. Освоили язык не только на бытовом уровне, но и изучили ведение медицинской документации, научились выступать на медицинских конференциях и вести беседы на политические темы.

— **Изучали только язык?**

— Помимо языка нам преподавали курс особо опас-

ных инфекций, и углубляли знания по неотложной помощи в условиях боевых действий. После окончания этих курсов нам сказали, что мы вылетаем в Анголу.

— **Говорили ли до этого — в какую страну поедете?**

— Приблизительно. Ангола или Мозамбик — португалоязычные страны.

Информация о стране была минимальная. Приходилось узнавать у тех, кто там проработал, искать людей, их адреса, созваниваться с ними и выяснять климатические условия, условия быта и принцип обмена товаров — что на что там можно было поменять. Все знают, и это не секрет, что зарплата нам на руки не выдавалась. Был безналичный расчёт (накопления на счёт в банке), а всё остальное — если ты желал купить на рынке (к примеру — овощи или фрукты), то все это — только в качестве натурального товарообмена. Основные продукты приобретали в магазине посольства в Луанде, в котором расходы записывались на карточку.

В связи с этим приходилось очень много брать с собой. И, кстати, потому всё было обменено и продано, потому что испытывали дефицит продуктов питания в Анголе.

— **Например, что было продано?**

— Кухонная утварь, сумки, чемоданы, постельное белье и одежда. Всё было оставлено там, потому что приходилось покупать на рынке кое-какую еду, хотелось попробовать фрукты. Продукты на рынке были очень дорогие, т.к. в провинции Уиже, где я работала, шли боевые действия. Всё было заминировано в этом районе; из-за этого ананасы и бананы, которые росли там на полях, практически не собирались. В очень скудном количестве ангольцы выносили на рынок продукты, и, чтобы их попробовать, нужно было обменять на что-то. Мясо вообще не продавалось из-за болезни скота.

Снабжение осуществлялось через ангольские кооперативы натуральными продуктами. Один раз в два-три месяца они выдавали рис, растительное масло (почти всегда пальмовое), сухое молоко и муку.

– **Каким образом Вы оказались в районе Уиже?**

– А это судьба. Распределение проводилось в Луанде.

– **Куда ещё распределяли врачей?**

– Во всех провинциях Анголы были советские врачи. В основном, это были терапевты, хирурги и гинекологи. Старались в каждой провинции назначить старшим обязательно русского специалиста, а к нему были прикреплены врачи других стран – в основном, северные корейцы, вьетнамцы.

– **А кубинские врачи?**

– У кубинцев была только военная миссия в Уиже.

– **Какие первые впечатления о стране?**

– Первое ощущение, когда прилетели в страну, это «красная» земля и невообразимый запах, который преследовал везде. Я много стран повидала в своей жизни, но подобного не видела и не ощущала нигде. И к этому запаху невозможно привыкнуть. Спасало только то, что мы жили в кофейной провинции, и аромат цветущего кофе слегка заглушал этот запах на несколько месяцев.

Приехали в Уиже. Разместили нас в здании, где жили все иностранные специалисты, работающие в городе – столице провинции. Там находились учителя – болгары, кубинцы (военные, противотеррористическая разведгруппа). Врачи – северные корейцы, вьетнамцы. Все в одном доме. Отдельно находились португальские инженеры-строители и наша военная миссия. Вот, пожалуй, все иностранные специалисты, которые находились там.

Отношение охраны к советским врачам менялось: то очень благожелательное, то абсолютно равнодушное, то даже немножко агрессивное. Причин мы не знали.

Может, зависело от племенного состава охранников, которые там работали. Их очень часто меняли — как только высказывались нарекания на выполнение ими своих обязанностей.

Мы работали в провинциальном гражданском госпитале. Наша группа советских врачей состояла из 20–25 человек (количество колебалось в зависимости от приезда — отъезда). Терапевты, хирурги, гинекологи, стоматолог, фтизиатр, анестезиолог, врач-лаборант.

Госпиталь был большой. В основном, диагностические отделения. Фактически не оснащён никакой диагностической аппаратурой, кроме рентгенаппарата. Отсутствовали кровати. Все поступившие больные (а поступали только ангольцы и только гражданские) располагались на полу на подстилках. Это была центральная гражданская районная больница.

Несколько коек, конечно, были — это, как правило, в хирургических отделениях, где лечились больные ангольцы и, когда тяжело заболели наши и иностранные специалисты. А вообще — зрелище ужасное: потоки нечистот прямо в палатах и в коридорах. Водопровод не работал. Туалет на улице.

— **А канализация в городе работала?**

— Не всегда, из-за отсутствия воды и частого отключения в городе электроэнергии.

— **А водоснабжение?**

— Тоже почти не было, потому что электроэнергию давали два-три часа в сутки. Воду привозили машинами наши военные, а мы заливали ее в огромные бочки в квартире, где хранили по несколько недель.

— **Был у госпиталя собственный электрогенератор?**

— И в госпитале, и в здании, где мы жили, был электрогенератор — мы его приобрели за свои средства, вкладчину.

— **Вы жили на территории госпиталя?**

– Рядом. Условия проживания, в принципе, были нормальные. Португальцы оставили это огромное здание (Imbandeira) для проживания медицинских специалистов, когда ушли из страны. Как бы международный комплекс. Апартаменты были достаточно приличные, меблированные. Единственное, что отравляло существование — это отключения воды и света. Спасали холодильники «Электролюкс», которые более-менее держали холод в течение шести-восьми часов.

– **На чем вы готовили и где хранили продукты?**

– Готовили на газовых и на электроплитах. А хранили продукты в холодильниках, которые стояли ещё со времен португальцев в каждой квартире — массивные, мощные.

Эти квартиры и дом при португальцах были предназначены для врачей-специалистов.

Когда-то туда была завезена очень хорошая мебель, техника, посуда. Но постепенно все приходило в упадок — оставались только стены. Во многих квартирах вообще ничего не было. Один холодильник и всё.

Что касается отношений между всеми иностранными специалистами — то это самые прекрасные воспоминания. Все национальные праздники отмечали вместе. К нам присоединялись португальцы, кубинцы, болгары, реже — корейцы и вьетнамцы. Дружили, помогали друг другу. В общем, в лучших советских традициях.

У военных в миссии были кинофильмы. Каждую неделю мы к ним ездили. Иногда они нас и подкармливали. А если вертолет с нашими военными летел в Луанду за продуктами в магазин, они всегда брали представителей от нас по 1–2 человека. Летали все по очереди сделать заказ. А если военная обстановка осложнялась, то гражданские лица в полет не допускались.

– **Как Вам работалось?**

– Лично мне приходилось труднее многих, потому

что на меня возложили функции заведующей отделением, где работали врачи — кореец, вьетнамец и наш терапевт. Ещё я должна была выступать на национальных ангольских праздниках, которые они очень пышно отмечали и всегда просили, чтобы выступали советские специалисты. Вот мне и приходилось выступать от советских женщин. А также вести кружок португальского языка, который я тогда хорошо знала, в своей группе. Вот такая была общественная нагрузка.

А по специальности я кардиолог... Кстати, за рубежом врач должен знать общую патологию, а потом уже более глубоко узкую специальность.

— **Вас назначили руководить всем коллективом терапевтов ещё в Луанде?**

— Нет, в Уиже, где проработала больше года. Я была к этому готова.

— **С какими заболеваниями пришлось столкнуться?**

— В основном, это были инфекционные болезни. Не приходилось лечить гипертоническую болезнь, ишемическую болезнь. Это для них (ангольцев) — мелочи жизни. Практически никто этим не страдает. Холера, проказа (лепра), при которой у нас здесь не разрешают ближе, чем на 25 метров подходить к больному, так как проказа очень контагиозна. А в Анголе эти больные свободно ходят по улице, да и к тебе в кабинет заходят беспрепятственно и просят, чтобы ты им помог.

Кроме особо опасных инфекций приходилось лечить от поражения глистами, от чесотки, аллергии, бронхиальной астмы и других заболеваний, которые встречаются только в тропических странах.

Одна из причин обращения к врачу, скажем, мужской части населения — была жалоба на импотенцию. К сожалению, это самые трудные были больные, потому что наши специалисты к такой патологии не были подготовлены. Не знали средств лечения. Это стало пол-

нейшей неожиданностью, хотя на амбулаторном приеме таких больных было немало.

Вначале я была очень удивлена подобными жалобами. При опросе ангольцы говорят: «Доктор! Помогите! У меня половая слабость». Когда начинаешь спрашивать подробности проблемы, выясняется: «Больше трёх раз за ночь я не могу».

Это у них действительно вопрос один из самых волнующих. Потому что, по законам их племен, мужчина должен быть со своей женщиной каждую ночь и по несколько раз за ночь. А в случае невыполнения этих обязанностей, женщина могла его просто выставить на улицу, и он подвергался позору и насмешкам со стороны окружающих.

Они возлагали очень большие надежды на наших специалистов, считали, что мы в этой области сможем им помочь. Местные средства уже были испробованы ими. Применялось очень много растительных средств — кора деревьев, травы, но часто без ожидаемого результата. Все это заставляло их обращаться к нам, как к последней надежде.

— **А женщины с подобной проблемой обращались к вам?**

— Нет. У женщин этих проблем не возникало (смеется).

— **Что особенно тревожило в работе?**

— Так и осталось загадкой, что происходило на самом деле в госпитале, когда мы уходили домой. Мы работали утром, с 9 до 12 часов — делали обходы, принимали поступивших больных. С 12 до 16 мы отдыхали дома — «сиеста». Потом работали с 16 до 19 вечера в госпитале, а после этого уходили домой².

Больные были разнообразны. И тяжелые, и легкие. Очень много, помню, было женщин с маленькими грудными детками. Совершенно очаровательные дети в Анголе, которые вызывают море симпатий. Ну, не ви-

дела некрасивых детей там и не слышала, чтобы они когда-либо плакали!

А самое сильное впечатление производили на меня глаза несчастных больных. Стрдание, боль и голод — вот что я видела в них, и понимала, что многое зависит от меня, от моих усилий и возможностей помочь им. К сожалению, не всегда мне это удавалось. Но об этом позже.

С нами в отделении работала итальянка [сестра **Ирма**], которую направила итальянская католическая миссия, находившаяся с нами по соседству, в костеле. Они там и жили. Все монахини трудились в каждом отделении госпиталя.

Они были преданы своему делу, и практически всё время проводили в госпитале. Бескорыстное служение этому народу подкреплялось ещё и возможностью обеспечить ангольцев лекарственными препаратами.

— **Интересно, а сами препараты откуда поступали?**

— В госпиталь препараты поступали централизованно из столицы. Но затем всё это продавалось на рынке и до больных не доходило. Только в исключительных случаях самые непопулярные или не очень эффективные средства имелись в отделении. А самые эффективные, современные средства ведущих фармацевтических фирм мира были в наличии у итальянской миссии.

Нужно отдать должное, что сами сестры-монахини без назначения врача старались не снабжать больных этими лекарствами, и мы просили всегда у них для каких-то очень тяжелых больных сильные эффективные антибиотики и противомаларийные средства. Они с удовольствием нам помогали.

Несмотря на то, что мы снабжали тяжелых больных лекарствами, удивляло, что зачастую утром мы этого больного не находили в палате.

На вопрос: «Где больной?» — нам средние медицинские работники (ангольцы) отвечали, что он умер. Вроде и не должен был умереть, все лекарственные препараты были назначены, все было сделано для него, да и форма заболевания не токсичная, а исход — летальный.

— **Умирили так женщины или мужчины?**

— И женщины, и мужчины. Мне почему-то запомнились женщины, потому что это такое зрелище, трудновыносимое и совершенно неожиданное.

— **А патологоанатомы?**

— Патологоанатомических вскрытый не было.

Восприятие смерти у ангольцев совсем другое, чем у нас. Они начинали провожать умершего человека в последний путь утром из морга. И вот, когда идешь утром на работу, подходишь к госпиталю и, если слышишь крики, пение и танцы, значит — новая смерть. А смертность была колоссальная.

И, конечно, каждый врач думал: не из его ли отделения, не его ли больного провожают. Вбегаешь в госпиталь, в отделение, и очень часто совершенно неожиданно застаешь такую картину — пустая постель или оставленный ребенок — маленький, грудной, который был с мамой. Хотелось иногда рыдать от своей беспомощности, от непонимания, что же происходит? А дежурный фельдшер разводит руками и ухмыляется.

Я до сих пор помню, что ощущала в такие моменты. Люди молодые, красивые и, не всегда находящиеся в безнадежном состоянии, — и вдруг внезапно умирают.

И мы между собой обсуждали, думали отчего смерти нелепые, неожиданные, загадочные происходят.

— **Следствие никогда не проводили?**

— Нет. Был массовый поток больных. Люди шли без документов, без медкарточек, и как человек назовет свое имя — так его и записывают.

— **Вы говорите, что когда случались такие смерти отношение к этому среднего медицинского персонала было, как бы сказать, «неадекватное», что ли?**

— Мы обсуждали это среди коллег, это бросалось в глаза; а некоторые из местных намекали на междоусобную вражду.

— **В чем это выражалось?**

— Наверное, в манере поведения среднего медицинского персонала. Показать, что судьба больного — как бы доктор ни старался — зависит всё-таки больше от них; и с ними, в первую очередь, только с ними, должны разговаривать родственники больных, а больной не должен полагаться на иностранного врача. Они вели себя как хозяева.

— **А бывали случаи, чтобы вам больные или их родственники предлагали денежное вознаграждение или какие-либо подарки?**

— Никогда никакого подарка, никаких вознаграждений со стороны больных за всё время я не помню. Наоборот, они все просили кушать. И практически каждый день я что-нибудь им носила. Рис или муку.

Мы сами сидели на сухом молоке, ангольскими кооперативами поставленном. И только три раза за весь период ели рыбу и один раз (свежее) мясо — тоже местные кооператоры нам предложили. Хотя по договору они должны были снабжать наших специалистов значительно чаще.

Очень жалко было людей — многие умирали просто от голода, от анемии. Некоторые не видели пищи в течение многих суток. Невыносимо видеть глаза голодного человека, безысходность в них и страдание, и ощущать свою беспомощность.

— **И даже в больнице не кормили?**

— Нет, в больнице им давали похлебку один раз в день. Из чего она варилась, мы не знаем. На слайдах у

меня, кстати, есть кухня этого госпиталя. Разрушенное здание без столов, стульев. Ели на земле. И больные неизвестно чем питались. Врачи, которых я сменила, меня предупреждали, чтобы я не приучала больных к тому, что могу принести им еду, иначе все будут просить еду, и ты отдашь им все свои продукты, если не сможешь переступить через это. Я не слушала, но справиться с голодом в больнице невозможно и видеть это невозможно — эти просящие руки, показывающие на голодных детей. Это, конечно, сказывалось на общем состоянии, хотя мы сами там жили впроголодь, можно сказать. Приходилось просить родственников, чтобы в конвертах присылали ленты для кос и лавровые листья для обмена на продукты на рынке.

Так, основной пищей нашей был хлеб, который пекли сами. Хорошо, если купишь сухого молока. Картошка очень дорогая — она менялась на одежду, на украшения.

Мы поставлены были, конечно, в очень трудные условия. Нас удерживало то, что нам внушали, что вы не только зарабатываете деньги, но и выполняете интернациональный долг. С нами проводили всяческие политбеседы, убеждали нас, что надо потерпеть, что надо помочь нищему братскому народу.

А ангольцы не могли понять: почему при португальцах была еда, выпивка и одежда, а пришли советские — и не стало ничего. Не функционировал ни один магазин в городе.

Что мы могли купить — так это кофе. Ууже — кофейная провинция.

Болгары-учителя могли отправить на родину посылки — мешки с кофе, а мы не могли даже сто грамм отослать по почте. Болгары материально были обеспечены лучше всех специалистов. И режим более свободный был у них, они могли съездить в столицу, могли что-то купить, могли обменять что-то на что-то. А у нас

было жестко — не было наличных денег, спасал только товарообмен; да и слежка друг за другом отравляла жизнь.

— **Ставили ли Вы вопрос перед руководством о том, чтобы вам меняли какую-то сумму в кванзах?**

— Да. Мы ставили этот вопрос. Ответом было молчание. В то время вопросов не любили. Никто не разговаривал между собой на эту тему — все знали, на что шли. Наша военная миссия имела определенные суммы в кванзах, а гражданская — нет.

Как правило, 1–2 человека из группы на нашем военном вертолете прилетали в Луанду и покупали по безналичному расчету в магазине при посольстве на всю группу продукты по списку (каждый специалист заказывал). Всё это вписывалось в карточку специалиста, а продукты рассчитывались на полтора-два месяца.

— **Примерно сколько и чего вы могли взять в Луанде на месяц?**

— Кто сколько хотел, но все сэкономили деньги. Хотелось и от малярии спастись, с хиной тоник купить, который не так дешев (смеется). И надо было хлеба съесть, и консервов каких-то хотелось, и жвачку, и детям что-то хотелось послать или передать с кем-либо, кто уезжал.

И, конечно, живя в режиме жесточайшей экономии, все надеялись, что когда вернуться, пойдут в «Березку» и «отоварятся». Сядут за руль нового автомобиля и... все остальное.

А когда приехали в Союз, мы не знали, сколько у нас на счетах. Во Внешторгбанк невозможно было попасть, чтобы узнать счет; я уже не помню, в каких единицах этот счет выставлялся. Мы могли купить телевизор и другую бытовую технику только за безналичный расчет.

Потом всё это было переведено в Инкомбанк, который мог выдать нашу валюту, но с этим тоже были очень большие проблемы. И только спустя несколько лет эту

валюту можно было снять со счета. В общем, эти годы сидели, как собака на сене. Вроде и богатый, и валюту заработал, а снять ее не мог (смеется).

— А из Луанды нельзя было спиртные напитки привозить?

— Нельзя, но военная миссия возила. Они отоварились в посольском магазине. У них было много интересного в магазине — они и украшения могли купить красивые серебряные, и спиртные напитки, одежду, обувь.

Гражданские были лишены этого — ничего не могли. Мы могли купить по жребью или по голосованию: кому-то выделялись джинсы (смеется) или что-нибудь из одежды, или одеяла испанские и сервизы...

— А среди ангольского персонала много ли было тех, кто получил образование в СССР?

— Медицинского — никто. Я хочу сказать, что у них прекрасно обученный средний медицинский персонал — нам надо ещё поучиться у них. Они в основном все обучались в Заире и их обучали французы. Многие из них делали все, что делают наши врачи. То есть, все хирургические малые операции делали они. Гинекологические малые операции делали они, анестезию делали они. Они не вызывали наших специалистов на подобные операции. Вызывали только тогда, когда большая полостная операция или что-то сложное. А так — все сами. Например — удалить зуб. Они настолько были разносторонне и прекрасно подготовлены, что на них можно было положиться совершенно спокойно. Прекрасно знали рентгенологию, и могли снимок рентгеновский посмотреть. То есть подготовлены великолепно. Хотелось бы, конечно, чтобы и у нас так готовились средние медицинские работники...

Врач — это интеллект, а руки — это средний медицинский персонал.

– **Как к Вам относилось местное население, местные больные и обслуживающий персонал?**

– С местным руководством госпиталя складывались отношения чисто официальные – никакой дружбы. Руководил госпиталем анголец. С португальцами у нас были очень хорошие отношения – с теми, кто остался в Анголе и с теми, кто был наполовину португалец. Они как-то были ближе нам по духу. Ангольцы почему-то возомнили, что их не устраивают советские специалисты, им хотелось, чтобы были португальцы.

Все были очень доброжелательны. И все просили, чтобы им подарили что-нибудь на память. Очень нравились им ленты, они заплетали их в волосы, духи им нравились, косметика и лавровый лист. Да-да, наш лавровый лист шел там на «ура». Такое впечатление, что они ни одно блюдо не готовили без него – хотя я ангольскую кухню совершенно не знаю, потому что никто не угощал, не приглашал в гости, за исключением командующего северным фронтом **Киянды** (или **Куинде**, не помню точно фамилии). Умный человек, он по-доброму относился к нашим специалистам, как к военным, так и к гражданским. Часто устраивал у себя дома приемы. Жил он один. Семья жила у него в Луанде, и часто члены военной миссии и советские медики бывали у него в гостях.

– **Он выделял советских?**

– Только советских. Ну, ещё общался он с португальцами-строителями: у него отец был португалец, и они ему были близки.

– **А почему именно советских он выделял?**

– Потому что наши военные советники работали совместно с ним – разрабатывали операции.

– **А кубинцы?**

– Кубинцы ходили на операции на три-пять дней... А в нашей военной миссии жил руководитель кубинской военной миссии, так же в нашей военной миссии

был военный врач, переводчик и взаимодействовали они с командующим северным фронтом.

Нам пришлось оказывать помощь португальцам, работавшим на электростанции. В один из дней, идя на работу, они подорвались на противопехотной мине. У одного португальца-инженера была оторвана стопа. Наши хирурги оперировали его, спасли. И завязались очень тесные дружеские отношения с ними.

Руководство города обращалось к нам только за медицинской помощью. И мне приходилось выезжать к ним домой. Например, к мэру — тогда эта должность как-то по другому называлась — уже не помню точно. У него болела супруга, и я была у него дома. По тем меркам, конечно, у него был роскошный особняк, роскошная обстановка, и контраст невероятный — как партийная элита жила по сравнению с голодным населением.

— Наши специалисты обращались в больницу с жалобами? Приходилось ли лечить наших после участия в военных операциях?

— Раненых из нашей военной миссии приходилось лечить, потому что наш военный врач не всегда присутствовал в военной миссии — он часто выезжал в Луанду за медикаментами или по другим неотложным делам.

И, конечно, когда болели, все обращались в гражданский госпиталь. У сестры **Ирмы** (итальянки), как я уже говорила, мы частенько просили лекарства и для себя, и для наших военных.

Благодаря этим препаратам нам удалось избежать малярии. И это большая наша заслуга, т.к. мы проводили активную профилактику, обучали средствам защиты, поэтому среди наших специалистов были лишь единичные случаи заболевания. Ни острых пищевых инфекций, ни других тропических инфекционных заболеваний — всё нас благополучно миновало.

— А кроме работы, какой был досуг?

– Мы ограничены были только своим зданием, никуда не могли выйти. Абсолютно никуда. Если вызывали нас в госпиталь в вечернее время, то выезжала машина с охраной (хотя до госпиталя было два квартала), потому что вокруг госпиталя и, вообще в городе, были очень часто перестрелки.

Вот идешь в госпиталь на работу – вдруг начинается перестрелка: падаешь, лежишь, пока не прекратятся уличные бои. Кто с кем – непонятно.

И поэтому нам запрещали выходить на улицу. Мы не имели права.

– **Досуг проводили внутри здания?**

– У нас было место, где мы могли собраться – цокольный этаж – «реждушан» по-португальски. И в этом огромном зале мы накрывали общие столы. Отмечали праздники национальные. Мы приглашали к себе всех иностранных специалистов, а если праздник у иностранцев, то они устраивали национальный обед или ужин. Мне запомнился праздник северных корейцев, они приготовили необыкновенно вкусное блюдо из мяса (собак в городе поубавилось). (Смеется.) А потом нам кто-то сказал, что мясо-то тут, в городе, недоступно и не продавалось на рынке вообще: в связи с трихинеллезом весь скот уничтожили. Поэтому потом уже, после вкусного ужина, мы шли домой (смеется) в грустном настроении, думая, что наелись чего-то не того.

– **Видели ли Вы боевые действия?**

– Мы только видели трассирующие пули где-то на горизонте и слышали канонаду орудий рядом. На еженедельных политинформациях нас обязательно вводили в обстановку – кто с кем и почему ведет там боевые действия. Проводил их замполит из военной миссии, разъяснял сложившуюся ситуацию... Наши военные специалисты выезжали на какие-то военные операции, в том числе военный врач. Гражданские врачи на военные

операции не выезжали. Военные же выезжали, даже вылетали куда-то. Об этом старались не распространяться. Информация была закрытая, и никто ею не интересовался. Улетели – прилетели, живые – и хорошо.

– **Случаев гибели среди наших специалистов не было?**

– Среди военных не было. А среди членов семей наших специалистов было самоубийство через повешенье. Жена вертолетчика. И когда отправляли труп (не буду подробности рассказывать), говорили, если бы человек видел, что с ним на этой жаре делалось после смерти, то никогда на суицид не пошел.

– **Причина самоубийства?**

– Говорили, что многие не выдерживают – съедает тоска по детям, в основном, по родине, порой к этому добавляются трудновыносимые условия.

Детей с собой в Анголу не брали, оставляли родственникам или в интернате. В основном, приезжали муж и жена, оба доктора и оба работали. Было правило: женщины могли работать в Анголе без мужа, а мужчины – только с женами.

Случай самоубийства действовал очень угнетающе. Немое состояние – никто его не оценивал, воспринимался с ужасом, просто как факт.

Конечно, там было очень тяжело. Это сейчас – сижу в благополучной стране, всё у меня нормально. И совсем другое ощущение, чем когда я была там – я не знала, что будет через минуту или через секунду – заболēju или подстрелят в любой момент. Кого-то подстрелили, кто-то на mine подорвался.

– **А кто обстреливал?**

– Ангольцы. Иногда охрана между собой выясняла отношения. Но нам не рассказывали. Просто провокации какие-то были, возможно.

– **Кого называли врагом: Заир, ФНЛА?**

– Только УНИТУ. Говорили, что у них лазутчики в городе.

– **Кино не показывали?**

– Показывали в нашей военной миссии три раза в неделю. Это было наше основное развлечение. Устраивали соревнования по волейболу. Гражданские с военными, а позже – между нами и иностранными специалистами. Помню самое большое событие было – выборы. Выбирали **Ельцина** – все дружно проголосовали за него (смеется). Очень уж всем хотелось демократии, а вернулись в Союз и – одурели. Не узнали страну.

Все очень тяжело пережили землетрясение в Спитаке (6 декабря 1988 года), затем – события в Тбилиси (апрель 1989 года). Ведь среди врачей были русские, украинцы, молдаване, армяне, азербайджанцы, грузины. Это были люди одной страны. И боль за все события была одна на всех. Единственное, что отличало нас – это национальная кухня. Когда друг к другу ходили в гости, каждый старался что-то приготовить свое, особенное. Что-то с собой привезли. Армяне – виноградные листья, грузины консервирование, молдаване привезли кукурузную муку. Каждый что-то свое. Так прошло более года.

– **С каким настроением Вы уезжали оттуда?**

– С удовольствием. Я прервала свой контракт, который был на два года, а муж один остался там зарабатывать свой. Я уехала, потому что считала – не стоят эти деньги тех жертв, которые были принесены. И если честно – было очень сильное чувство тоски по Родине.

Отпуск предполагался ежегодно. Но, как правило, никто старался его не брать, потому что психологически трудно было вернуться в эти невозможные условия. Поэтому руководство предупреждало, что лучше не брать отпуск, и многие не брали.

Меня отпустили совершенно свободно. Это было

немножко похоже на мистику. Во-первых, прошел слух, что будут проведены очень сильные боевые действия в провинции Уиже. Во-вторых, мне приснилась моя покойная мама, которая сказала мне: «Немедленно уезжай!» Я твердо и бесповоротно решила уехать.

Может, я себя и спасла этим, потому что те, кто остался — многие пожалели. Обстановка по сравнению с первым годом, когда я там была, резко ухудшилась, и не скоро стала налаживаться. Лишь после того, как у нас в стране демократия началась — «победила» (смеется), — уже не такой жесткий стал у врачей режим, более свободный; рассказывают, что и материально стали лучше жить, потому что стали лучше снабжать, но только на короткий период времени...

А потом ангольцы ставку сделали на капиталистические страны, в частности, на португальских врачей. Ещё когда мы уезжали, они уже начали давать заявки на специалистов из Португалии, и те позже заменили наших врачей в стране.

Сейчас врачей из России и из бывшего Советского Союза туда не приглашают. И в Академии медицинских наук ликвидировали кафедру португальского языка, потому что он не востребован.

Может быть это связано с тем, что у ангольцев осталось представление, что они жили при португальцах иначе, чем после образования Республики Ангола и, безусловно, медицинская помощь при португальцах была на порядок выше.

Но после того как всё было разграблено, разбито и пришло в негодность — лечить на уровне какого-то средневековья, не имея ни аппаратуры, ни современных лабораторных исследований, ни медикаментов — было очень сложно.

Уезжала я с легким сердцем. Это было весной. Когда увидела подмосковные березки и одуванчики — чуть не

расплакалась. А главная награда — это маленькие ручки сына, обнявшие меня. С мужем мы расстались. Говорят: За все надо платить! Сейчас у меня все хорошо. Замечательная семья, любимая работа и интересная жизнь. Но пришла я к этому через невероятные испытания. Впрочем, это уже совсем другая история...

Сноски

¹ Запись сделана А.А. Токаревым 10 июня 2004 года.

² А почему когда-то бы не остаться на ночь и узнать, как дежурный ангольский младший и средний медицинский персонал справляется ночью со своими обязанностями? (прим. ред.-сост.)

Врач Людмила Семёновна Адохина (1989 г.),
госпиталь в городе Уиже (столица одноименной провинции
Уиже на севере Анголы). Только одна фотография: три врача
наших (она слева), а за ними — ангольцы и кубинцы;
на остальных, в основном, она с ангольцами (медицинским
персоналом и детьми).

О СЛУЖБЕ НА ГРАНИЦЕ С НАМИБИЕЙ

*Михаил Геннадьевич Маргелов¹,
военный переводчик, капитан второго ранга.*

— Когда Вы впервые оказались в Анголе?

— Я оказался в Анголе в конце августа 1988 года. После окончания одногодичных курсов военного института иностранных языков находился в командировке в Анголе — это 1988—1990 гг., — где принимал непосредственное участие в боевых действиях и в соприкосновении с войсками ЮАР.

— Вы были в числе тех пятнадцати, которых отобрали для службы в Анголе из 30 португалоязычных переводчиков, окончивших УСКОР (ускоренные десятимесячные курсы)?

— Да. Это случилось на мандатной комиссии в Главном управлении кадров в мае 1988, которую проводил генерал-полковник **Курочкин** — в то время первый заместитель начальника ГУКа [Главного управления кадров]. Он уже несколько лет как вернулся из Анголы, где пробыл долгое время в качестве Главного военного советника.

— Какое первое впечатление от Луанды?

— Луанда произвела двоякое впечатление. Во-первых, нас не встретили, т.к мы летели не «Аэрофлотом», а ангольским рейсом местной компании «ТААГ». Билетов на «Аэрофлот» не было на месяц вперед и в 10-м управлении нам дали добро на этот полет. По прибытии в миссию в Луанде нас долго потом ругали и пугали, что мы сами будем платить за билеты. Но это пробле-

мы местного руководства. А второе яркое впечатление: навстречу шел старый седой негр по дорожке и, когда я двинулся ему навстречу, он сошел с дорожки и обошел мою тень. То есть это был еще тот старичок, который воспитывался при колонизаторах. В Луанде я провел около двух недель, после чего, согласно моим личным просьбам начальству, был отправлен в действующую 19-ю мотопехотную бригаду.

— **В какой провинции?**

— В провинции Кунене.

— **Это на самом юге?**

— Да. Из наших там потом служили **Юрий Решетников** и **Сергей Потемин**. Я служил в Шангонго, практически, на границе с Намибией. В этой же бригаде служил **Ждаркин**, но бригаду из Мулондо передислоцировали в Шангонго, на юг, на самую границу.

— **А передислоцировали когда?**

— Приблизительно могу сказать. Если **Ждаркин** находился в командировке в 1986—1988, я — 1988—1990 гг., то когда я прибыл в бригаду в сентябре 1988 г., они только вошли, мы продолжали благоустройство этого дома, расстрелянного со всех сторон. То есть окна там вставляли, часть работы уже была сделана, но небольшие детали мы, русские, совместно доделывали.

— **Сколько наших было в бригаде?**

— В 19-й мотопехотной бригаде был наш командир (советник командира), замполит, артиллерист, ПВОшник, переводчик. Советника командира батальона уже сократили. Один специалист бригады ПВО **Квадрат [Печора]** жил с нами постоянно, а второй появлялся наездами. Грубо 6—7 человек.

— **Южноафриканские войска тогда уже уходили?**

— Южноафриканских войск там уже не было. Они стояли по ту сторону, т.е. на границе. Все южноафриканские базы были действующие².

В нашем районе были уже кубинцы, Настоящие, кстати, бойцы. Именно благодаря им Анголе удалось отразить все юаровские агрессии.

– **То есть они были в Намибии?**

– Да, на территории Анголы их не было.

– **Значит, кубинцы к тому времени их уже выгнали.**

– Да, выгнали, но в Куито-Куанавале (севернее нас) они еще оставались. Наш округ был пятый, а шестой был Куито-Куанавале. Там шел процесс вывода, но там постоянно действовали какие-то группы. Эта территория, начиная от Жамбы, была **унитовской**, они (южноафриканцы) там постоянно присутствовали, хотя об этом умалчивали.

– **Бригада была вооружена артиллерийскими орудиями Д-30?**

– Если не ошибаюсь, был дивизион.

– **А еще каким вооружением?**

– **ЗУ-23-2.**

– **Шилок³ не было?**

– Были **Стрелы**. Они только-только появились. При этом присутствовал начальник ПВО бригады и руководил организацией ПВО. Но прямых облетов юаровскими самолетами уже не было, потому что поставили три **МиГа-23** кубинских, и в Шангонго была хорошая полоса, которая позволяла садиться непосредственно там, и юаровцы перестали летать.

– **Примерно в это же время эти МиГи там и приземлились?**

– Чуть пораньше, но это точно был 1988 г. – в середине или начале.

– **Часто происходили бои непосредственно с унитовцами?**

– Практически, каждый день. Вернемся к тому с чего начали: 19-я бригада перешла из Мулондо в Шангонго, туда же перешла 80-я артиллерийская бригада

из 5-го округа и 35-я мотопехотная бригада. Шангонго был укреплен настолько, насколько это подразумевала безопасность 5-го округа. Потому что вы помните, наверное, юаровские операции в районе 5-го округа 1981—1984 гг. как раз проходили через 5-й округ: Онджива, Шангонго, вплоть до Мулондо, то есть этому направлению придавалось важное значение.

— **А что из себя представлял населенный пункт Шангонго?**

— Небольшой городок с взорванным мостом через реку Кунене, по которому положили просто направляющие рельсы, чтобы можно было ездить, пара десятков домов сохранившихся. В частности, наш дом мы практически восстанавливали сами. Португальские еще строения, кирпично-бетонные. А после, фактически, уже ничего не строили. Нам повезло — мы поселились в доме, который строили португалы. Местные строили из глины так называемые кимбы и еще дома из такого полого квадратного кирпича. Это с трудом можно назвать домом. Мы перед выходом на операцию в Ондживе, когда готовили уже войска, жили в таком доме. Кирпич аккумулирует тепло в течение всего дня. Когда вечером ложишься — просто задыхаешься. Это хорошо для сезона дождей, холодного времени. А так — ужасно.

— **В чем заключалась ваша работа? Вы готовили непосредственно местный персонал для операций против унитовцев?**

— Мне повезло в смысле приключений. Когда я прибыл непосредственно в штаб фронта, который находился в Лубанго, я на следующий день уехал в Шангонго. Уехал в кузове на ГАЗ-66, где сидеть было очень тяжело. Дело в том, что дороги как бы есть, но их практически нет. Все разрушено. **Миражи** обстреливали, **G-5** обстреливали — там воронки такие, их засыпали кое-как, лишь бы перебраться. Поэтому в кузове лучше было

стоять, чем сидеть. Дорога занимала около 8–9 часов. Расстояние порядка 500 км.

Я прибыл в штаб южного фронта 14 сентября. Меня встретил начальник штаба: «Завтра прибует машина, пиши завещание». Потом я зашел в штаб, там висели «Нормы вновь прибывшего», о том, что человек должен прибыть, доложить, сдать все то, что должен был сдать, и обязательно написать завещание. Видимо, это шло еще из 1970 и 1980-х, когда много советских погибло. Но завещание я так и не написал.

Соответственно, 16-го утром я отбыл в бригаду, вечером мы приехали, я привез селедку, черный хлеб, как это принято, мы посидели. На следующий день уже состоялось совещание по операции, на которую мы уходили, и на следующий день в 4 утра мы убыли на операцию.

Колонна состояла: управление – 2 БРДМ – в одном были только советские, в другом КП (командный пункт) командира бригады, далее БТР-60ПБ – 1, были 2 Стрелы на брдмовских базах⁴, ЗУ-23-2, минометы, 1 БМ-21 и легкое вооружение. Энжезы⁵ бразильские никто не брал на операцию, так как Уралы были гораздо надежнее. Уралы были по-моему дизельные [грузовики Урал-4320].

– Сколько примерно Уралов?

– С трудом вспоминаю, но с учетом того, что было 3 батальона, я думаю машин 6–8.

– Общее количество войск?

– Минимум 3–4 сотни.

– В каком направлении?

Мы вышли в направлении Кафима. Конечная цель – Каюндю. Пошли в направлении 6-го округа. В это время это считалась самая унитовская зона. Потому что 6-й округ проводил локальные операции, а в нашем [5-м] округе они спокойно плодились, размножались. Они действовали непосредственно оттуда...

– **Сколько пушек Д-30?**

– Насчет **Д-30**⁶ я не уверен, брали ли мы их, может потому, что по ходу не использовали. Топливо, продукты, медикаменты, боеприпасы – на **Уралах**.

Операция длилась порядка 2–3 недель. Нам нужно было выйти в район Каюндю, попутно уничтожив все базы. Где-то через неделю вечером вышли к базе. Дальше – остановка в пути, проблема с топливным насосом, по радио сообщают, что впереди **унитовская** база, потом все-таки общими усилиями закачиваем топливо и трогаемся. Нас всего трое советских в **БРДМ-2**. Главное, что темно. Вокруг – никого. Если бы **БРДМ-2** не завелся, не видно в какую сторону двигаться, то есть звук боя слышен отовсюду. Не понятно куда ехать. Но когда он завелся, – мы туда вышли, разобрались, выпустили коробку **КПВТ**⁷ в сторону базы **унитовцев**, естественно, на следующий день база тоже оказалась пуста. Эту базу, что мы успели обстрелять, **унитовцы** подожгли и оставили, уйдя в неизвестном направлении, поскольку уже была ночь, преследовать их было бесполезно. У местной безопасности была информация обо всех этих базах, но большинство из них, которые мы проходили в течение этих двух недель, были оставлены. Их успевали предупредить, мы приходили туда – все брошено или сожжено. Брали одну базу уже когда кончалась вода. Взяли и успели захватить **Каспир**⁸, прострелили из гранатомета. Мы его там и бросили – ходовая часть была повреждена. На этой базе нашли источник воды, но она была черного цвета. Мы брали противогаз и через фильтр пропустили воду, она становилась цвета кофе с молоком. Но мы ее пили.

Потом вода. Проблемы с водой или водяной бунт. Стрельба из миномета над головами обезумевших местных солдат прибежавших за водой, жалко их и страшно в то же время – войска становятся неуправляемы.

А у нас в дороге стояла большая железная бочка воды, которая быстро кончилась. Она испарялась, да и мы по глупости, не зная, что так будет, использовали ее иногда и для технических целей. Если бы мы бережнее относились, то у нас не осталась бы одна фляжка на троих. Фляжка воды (менее одного литра) на трех русских взрослых мужиков. Одна на три дня. А в 8 утра температура воздуха такая, что плюнешь на палец и приложишь к броне **БРДМ**, а он шипит. Два дня страшно хотелось пить (до сих пор иногда снится), когда вода закончилась. Зато когда дошли до Кубанго — все (и мы тоже) бросились в воду как животные, забыв о крокодилах, и лакали холодную чистую воду.

— **Вода, вы сказали, холодная из-за ключей, да?**

— Вода холодная и совсем прозрачная, потому что нет еще сезона дождей, все чистенько, видно камни на дне. Организовали оборону в этом районе. Это было где-то в километрах 20–30 от населенного пункта Каюндю, что тоже считалось **унитовской** зоной, как правило, каждый второй конвой и просто даже машина обстреливались. Второй день прошел, а на третий нас уже начали обстреливать из минометов. Минометы, потом **Валькирия**.

— **Южноафриканская Валькирия, которая была у УНИТА?**

— Да. Южноафриканская реактивная установка (127 мм), которая по мощности похуже чем **БМ-21** (122 мм), но тоже ощутимо.

— **Зарылись в землю?**

— Да, но активных боевых действий не предпринимали, потому что все зависело от командования, а командование сказало «ждать». Потому что, как потом оказалось, они готовили группировку, которая придет из 6-го округа к нам навстречу, и тогда мы все двинемся туда. В большинстве случаев, когда мы проявляли ини-

циативу — у нас что-то получалось, как с одной базой, так и с другой. Комбриг был капитан и принять самостоятельное решение мог с трудом. Он боялся. Он докладывал наверх и ждал.

Как правило, на активные боевые действия приказа не поступало. То есть надо было сидеть; тебя расстреливали тупо, как мясо, а мы чего-то ждали. Отрыли окопчик под **БРДМом** и туда спускались.

Еще один момент упустил во время передвижения. Застрелили козла молодого. Возможно, что даже дикого, и первый раз у нас было натуральное мясо. Мы пожарили шашлык. Правда, на следующий день было плохо, видимо плохо прожарили, с голодухи похватали кусками, а может просто организм отвык.

— **А чем питались?**

— Да, так вот, чем питались: Бак воды, наша тушенка — ящик, мешок с макаронами, пол-ящика лука, чеснок. Хлеб, галеты, то, что поставлялось из местных складов, сгущенка, чай, мясные консервы «шоурису», — это португальская колбаса такая, жирная-жирная, в чистом виде есть невозможно. Обязательно надо было либо жарить, либо гриль. На второй операции во время отступления было сложнее. Банка сгущенки и банка марокканских сардин на сутки.

В какой-то момент командир вышел на связь с нашим непосредственным командованием, доложил, какие были цели, задачи, что происходит на сегодняшний момент. Получалось, что нам там находиться смысла особого нет. Соответственно мы оставили им **БРДМ-2**, а сами убыли через 6-й военный округ, про который я сейчас расскажу, в распоряжение нашей бригады в 5-й округ.

— **Убыли на вертолете?**

— Вертолет у нас будет во второй операции. Первым убыл я в единственном числе. Потому что командир у

нас ощущал себя в полевых условиях как рыба в воде и ему было интересно, чем все это закончится. Соответственно убыл первым один я, а они получили приказ на убийство несколько позже, видимо, он сам понял, что нет им необходимости там оставаться.

— **А кто еще был, вы сказали, трое?**

— Подполковник **Кипкеев Курманбий Ахияевич** — старший группы СВСиС [советских военных советников и специалистов] 19-й бригады. Советник командира бригады — настоящий офицер и редкий профессионал. В бригаде он взял напрочь убитый **уазик** и перебрал его полностью. Съездил в отпуск в Союз, привез детали, которые было не достать в ангольских рембатах, благодаря чему появилось дополнительное транспортное средство. Подполковник **Несмеянов Александр Михайлович** — советник начальника ПВО бригады, такой же закалки и поразительного чувства юмора, которого с лихвой бы хватило на десятерых, что крайне важно в боевых условиях. Уезжать я не хотел, но командир с **Михалычем** убедили меня, что у нас все кончилось, что нам нужны продукты, курево, запчасти к **БРДМу** и многое другое и что лучше меня с этой задачей никто не справится. «Кто у нас по-португальски говорит, — ты или мы?» Так как довод был убийственным, я без лишних разговоров убыл.

Надо было выйти на основную дорогу, по ней достичь Каюндю, где стоял небольшой отряд, ехать до Каюндю было очень опасно, потому что везде мины, и часто атакуют **унитовцы**. Дорога Каюндю—Менонге, кажется, километров 60, но убитая напрочь, разрушенная еще больше, чем дорога Лубанго—Шангонго. Но проблем особых не возникло, мы ехали на **ГАЗ-66**, переночевали в Каюндю, и к вечеру добрались до Менонге.

В Менонге выяснил, что прямых рейсов на Лубанго ближайшую неделю не ожидается, пришлось лететь

Ил-76-м⁹ на Намиб, там ночевать и на следующий день попуткой (**Сканией** шведского производства, практически без тормозов) по серпантину добираться до Лубанго. Кто был на серпантине, думаю, поймет, что чувствовал я себя, мягко говоря, не совсем уютно, поэтому в бездонные обрывы старался не смотреть. Хочу отметить интересную деталь: из-под Каюндо мы убывали с комбригом, потому что его вызвали на какие-то курсы. То есть, представляете, бригада воюет, а ее потихоньку обезглавливают. В общем, сбросили они меня у ворот миссии в Лубанго, а так как на следующий день с утра попутка убывала в Шангонго, я попросил за мной заехать. Вошел в миссию, ну, естественно, весь в пыли, грязи, небритый. Доложил по команде, что следую с операции, задача такая-то. Вызвал меня старший группы советник командующего южного фронта...

— **Фамилию не помните?**

— Полковник **Шишкин**. И начал расспрашивать. Мне было приятно, как он отнесся ко мне.

— **То есть не просто как с младшим лейтенантом: «доложите обстановку», а побеседовал?**

— Да, да. С уважением. Я ему вкратце изложил ход операции, он говорит: «Мы через три дня едем в вашем направлении. Отдыхай, через три дня поедем». «Как же так, — говорю, — у меня же задача — мне нужно кучу продуктов, запчастей собрать, чтобы отвезти. К тому же завтра наша **Скания** без тормозов с комбригом идет на Шангонго». Он говорит: «Ну ладно, хочешь с ними, поезжай». **Скания** все-таки по дороге умерла окончательно, хорошо близ бригады «**Квадрат**» [**Печора**], где нас взяли на буксир, дотащили до рембата, что-то подправили. В Шангонго я прибыл в 3 часа ночи. В общей сложности добирался 7 дней.

— **На починенной Скании добрались?**

— На починенной **Скании** подъехали к нашему дому,

так как **Скания** после ремонта издавала [громкие] нечеловеческие и даже немеханические звуки, проснулись все наши советники, увидели меня, обрадовались. Следующий день отдыхал, а через день поехали выходить на связь с нашими, которые под Каюндо сидели. Вот когда я понял, что меня «сослали» — придумали повод. Тем не менее, наши прибыли где-то через неделю. Сидеть там долго не стали, в связи с тем, что и комбриг убыл, и действий никаких. Вот так закончилась первая операция, которая по сути ничего не изменила в общем расположении сил, но, может быть, слегка побеспокоила **унитовцев**.

— **А вторая операция?**

— Следующая операция проходила уже немного по-другому. Во-первых, для следующей операции мы проводили психологическую подготовку. Операция имела цель — пройти вдоль границы с Намибией как на предмет возможного обнаружения остаточных юаровских войск, так и разгрома бандформирований, причем нам придавались две роты **СВАПО**. И в конечном счете, это сыграло с нами злую шутку.

Психологическая подготовка проходила в городе Онджива, откуда началась агрессия ЮАР в 1981 г. в ходе операции «Протея», когда попал в плен наш прапорщик **Пестрецов**, погибли офицеры и их семьи. И хотя прошли годы, внешне этот небольшой городок был похож на кусок Сталинграда, — так поработали юаровцы. Там мы стояли около месяца. Это было до нового года. Собирали всех офицеров. Ручные гранаты (**РГД** и **Ф1**) показываем и объясняем, что, в принципе, в этих гранатах ничего страшного нет. Вот отрыта ямка 50–70 см, командир сначала подходит, потом я подхожу, рядом стоим, бросаем туда гранаты, они разрываются... Затем **Ф1**. Надо было лечь и ногами развернуться к ямке. Но все-таки страх у них был. Руки дрожали. И вот один капитан бросает

гранату. Думает, что через термитник перебросит, а граната попадает в термитник и отскакивает, падая где-то в метрах 8–10. Я смотрю вокруг — уже никого нет. В доли секунды все разбежались, но все обошлось.

Следующий этап. Ставили **БМП-1** и **БРДМ-2** на пригорке, открывали пулеметный огонь и все должны были пройти метров 60 навстречу огню над головами. Чтобы привыкли к свисту пуль, потом так же — стрельба из танков, из танкового пулемета. Еще преодоление водных преград на **БМП-1**.

У нас было 8–9 **БМП-1**¹⁰. Это, по тем временам, была современная машина. Практически идеальная по тем условиям: обслуживание минимальное — фильтры менять вовремя и все, идеальная проходимость, идеальное вооружение — пушка «Гром».

Это основные моменты. Далее — месяц тактико-технической подготовки. Мы стали готовиться к выходу. **БРДМ-2** у нас уже не было, он остался в Каюндю. Мы запросили **БМП-1** в наше распоряжение. Поскольку с нами был комбриг, это было не в ущерб. В одном **БМП-1**, являвшимся КП бригады, находились местный комбриг и мы. Сборы были недолгими, совещание и постановка задач, на следующее утро рано, часа в 4 — убытие на операцию.

— **УНИТА** знала об этом?

— Знать-то она знала, но дело еще осложнялось тем, что у нас были **сваповцы**. Прошло недели две, мы выдвинулись, где-то между 5-м и 6-м округами — отметка 34. Шли где-то 5 км от границы (с Намибией). Еще взяли с собой **T-55** три штуки — это ошибка была — они вязли все время (был сезон дождей). Много с ними было мороки: то есть шли медленно.

В сезон дождей гусеницы использовать — идеально, но если это гусеничный **БМП-1** или **БМП-2**. А танк **T-55** он же тяжелый, везде вязнет.

– **Лучше всего в такое время использовать легкие БМП и БМД?**

– Конечно. Даже колесные **БРДМы** и **БТРы**, но никак не древние танки. Постоянно все ломается, останки, починки, морока. Первая засада.

– **Операция примерно в каком месяце началась?**

– Это был январь-февраль 1989 года. Тогда заговорили об участии юаровцев в боевых действиях.

– **А как проходила?**

– Без особых проблем. Правда, было впечатление, что проходим по необитаемым джунглям. За все время встретили только 1 поселение из 3–4 шалашей, как в кино – люди в набедренных повязках, не знающие в какой стране они живут и кто мы такие, оставили им ящик консервов. Все было безоблачно, пока не попали в засаду в первый раз. Сидим на броне на **БМП-1**. Приятно, покачивает. И вдруг начинают пули стучать, звук очень неприятный. Все спрыгнули, рассредоточились. **БМП** остановился, мы с командиром в него залезли. Отбились без потерь, потом собрались... Надо сказать, **БМП-1** может развивать приличную скорость, то есть он может развернуться и просто передавить всех гусеницами, если у противника гранатомета не окажется. Если окажется гранатомет, это выстрел, а в **БМП-1** боекомплект может взорваться, то есть – это все, конец. В общем очухались, собрались. Командир говорит: «Надо их угостить». Выпустили залп из **БМ-21** для остротки скорее.

– **А сколько было БМ-21?**

– Три штуки. Пошли дальше. И тут нас начали обстреливать южноафриканцы из **G-5**.

– **Они обстреливали с той стороны?**

– Да. Они обстреливали со стороны Намибии. Сначала 120-мм минометы обстреливали. Когда мы попали в засаду, мы же дали круголя, трудно было разобраться.

Но приблизительно это происходило где-то километрах в трех от границы. Получается — надо отходить.

— **Они только обстреливали?**

Вот здесь самое интересное, так как перед обстрелом прошли доклады, что нас атакуют белые юаровцы. **Сваповцы** докладывали то же самое. Наверняка юаровская разведка задолго заметила **сваповскую** группу. А может они подумали, что эта вся бригада **сваповская**.

— **А сколько было их (СВАПО) всего?**

— Две роты южного фронта — это порядка 100 человек.

Надо отметить, что у ангольских бойцов страх перед юаровцами был на генетическом уровне, они же столько лет воевали, поэтому, увидев или услышав об этом, многие все, что было, побросали и побежали. А тут еще начался обстрел. Я не думаю, что это была дезинформация или ошибка, слишком многие их видели... Как только начинаешь двигаться, начинают бить, и снаряды и мины ложатся очень близко. Всем стоять. Только тронешься — начинается. Так получилось — на ночь мы просто остановились. Команда: «стоп» всем. **G5** стрелять прекратили, а минометы всю ночь работали.

— **Возможно работала звукометрическая разведка?**

— Я думаю, что с той стороны были стационарные южноафриканские орудия **G-5**, потому что самоходных артиллерийских орудий **G-6** было тогда еще мало, а к тому же, направление 6-го округа было для них очень важно и целесообразнее было бы держать их там, тем более что они мобильные, а здесь... Они не пошли за нами. Значит, были стационарные (прицепные **G-5**). Ночь мы пережили. А тут еще у моего командира дня за три приступ малярии начался. То есть он лежит весь желтый. Он малярией болел раз 8–9. У меня было 6 (раз), то есть я представляю, что это такое. Он меня позвал: «**Миша**, вот мой автомат, тут документы, тут карта, компас. Если

со мной что-то, ты пробирайся на север». Вот такое завешание, настроение у меня соответствующее. Я ему водички, чайку... Дал послушать наушники — там юаровцы на нашей частоте на ломанном русском предлагают сдаваться русским советникам. Разведка у них работала четко. На следующее утро — ангольский комбриг плачет слезами горючими, потому что не может собрать бригаду. Много чего осталось там, на границе: почти все продовольствие, боеприпасы к **БМ-21, Уралы**.

— **А танки Т-55 остались?**

— Если не считать двух танков, которые пришлось оставить по ходу до засады, так как возможности их отремонтировать не было, третий мы оставили на следующий день, вытягивать его под обстрелом было невозможно. Минировали, конечно, чтоб врагам не достались.

— **То есть, грубо говоря, кто убегал пешком, а кто на машинах?**

— Да. Дальше стали спешить¹¹.

— **Могли быть это наемники белые?**

— Вполне могли быть. Я позже встретил португальского подполковника, а потом еще и французов (это уже в другой миссии, в ООН), они мне прямо сказали, что их люди участвовали в этой войне — португальцы и французы. А одного бельгийца я встретил в Югославии в 1993 г., он вообще мне сказал, что в это время был в Намибии в военной полиции. Ну, я думаю, он был разведчик или инструктор, хотя сказал, что полиция.

— **И куда 19-я бригада стала выходить?**

— Не 19-я, а группировка 19-й бригады. Строго на север, подальше от границы с Намибией.

— **Там над уровнем моря сколько метров, 1000, меньше?**

— Там гор не было. Если вы на карту посмотрите, там вдоль границы — низина, не высокогорье.

— То есть если у них дальностью G-5 была 39 км, то нужно было на 30 км отойти?

— Да. И после пройденных нами 30 км, возможно и меньше, огонь прекратился. Комбриг плакал, думал, что звание подполковника получит, а тут такое.

— Он майор был?

— Да. Он майор был. Даже не так. Он не был комбригом, он был командиром зоны. Округа прекратили свое существование как раз в 1988 году. Были сформированы фронты. И каждый фронт делился на зоны. Он был командир зоны, т.е. части округа. Фронт мог иметь 2–3 зоны и больше. В конечном счете мы выскочили, доложили. Нам передали: срочно эвакуироваться. Мы отошли еще километров на 20 за день-два. Мы шли вперед, потому что многое оставили на границе. К тому же еще было раненых у нас человек 100. Вертолет вылетел, ждем. Но он нас не нашел. Ангольский грузовой вертолет.

— Ми-8-й вертолет?

— Нет, Ми-26-й¹².

— Такой огромный?

— Надо же было раненых забрать, а МИ-8-й возьмет от силы человек 30, и то это уже будет перегруз. А еще оружие, каски, боеприпасы. Мы организовали оборону, не зарывались. Ждем. На третий день появился вертолет. Забрал сначала тяжелых, потом легких, затем мы — поместились все без проблем. Взлетели. Полетели очень низко, почти цеплялись за ветки, чтобы не дай Бог, Стингером не завалили. Не знаю, откуда прилетел этот вертолет. Может, из Луанды. В общем нас вывезли. Прилетели мы в Шангонго. Это был конец февраля — начало марта 1989 года. Где-то в июне-июле вышел приказ сократить советников во всех бригадах, всех советников убрать. Это, думаю, был результат поездки министра иностранных дел Шеварднадзе.

То есть мы создали прецедент. Кто-то преподнес это **Шеварднадзе**, и он велел это прекратить. Было очень неприятно. Ведь это не по нашей вине [ангольцы потерпели поражение]. Мы отработали. Меня перевели в Штаб южного фронта. Советников перевели кого куда. Просто убрали из бригад. Моего старшего вызвал ГВС и предупредил, что нас на этой операции не было и быть не могло.

Начался процесс сокращения нашего присутствия в Анголе. И первыми были бригады. К 1990 г. в ангольских бригадах советников не осталось. **УНИТА** стала размножаться дикими темпами. После бригады я работал в разведотделе Штаба фронта, у нас была карта со всеми подразделениями **унитовцев**. Они провели организационную реформу и стали все базы объединять в региональные колонны (CR), а это большая численность, лучшее вооружение, иногда даже тяжелое. И по всем «местам боевой славы», где мы прошли, уже практически везде была **УНИТА**.

— **В разведотделе вы сколько прослужили?**

— До августа 1989 года. В августе я был в отпуске и когда вернулся, меня направили в военно-морской флот в Луанде. Там на военно-морской базе были наши советники и специалисты по ремонту и обслуживанию судов. Где-то с октября по июль 1990 г. я прослужил на военно-морской базе с единственным выездом. Была командировка в Маланже. Мы готовили тактическую группу. В 1990 г. встал вопрос об образовании тактических групп фактически на всех фронтах. Участие бригад в локальных операциях было, мягко говоря, неразумно, необходимы были небольшие мобильные подразделения с хорошим вооружением. На их создание как раз и задействовали советников из бригад. В Маланже я встретил известного всем тогда еще подполковника **Сагачко Вадима Андреевича**. Это было перед моим отъез-

дом — май-июнь. Они остались, а у меня заканчивалась командировка. Мне надо было убывать.

— **Подробнее расскажите о наших военных кораблях, какие были в Анголе.**

— В Анголе долгое время, вплоть до конца 1990 г., находилась бригада советских военных кораблей, как правило, с Северного флота. Один сторожевой корабль, один большой десантный корабль и плавучая мастерская. На боевой службе они выполняли свои задачи и с нами почти не пересекались, я имею в виду в служебном плане. Конечно же, много общались, помогали друг другу чем могли. Я был лейтенантом. Вернувшись в институт, стал доучиваться еще четыре года. Но не успел доучиться, потому что улетел в Югославию, в первый российский миротворческий батальон.

— **В Югославии сколько вы были?**

— 1993–1994 годы. Начало войны.

В Югославии мне повезло. Я был и в восточной Славонии (где находится Вуковар) и в Боснии (Сараево), стоял в месте откуда началась Первая мировая война.

У меня была еще одна командировка в Анголу в 1997–1998 годах. Представляете, попасть в Анголу десять лет спустя! Это была миссия ООН. Я там разыскал свой старый **БМП-1**, на котором воевал.

Я был уже специалистом-переводчиком. Тогда была очередная попытка замирения. Сдавали оружие — в основном, португальские винтовки **ЖЗ (G-3)** и даже более ранние однозарядные [португальские и английские винтовки].

А всего был в пяти миссиях ООН: в Югославии и Анголе в качестве переводчика, в Западной Сахаре, Конго и Либерии в качестве военного наблюдателя ООН. И каждая из них заставляла вспоминать Анголу.

— **То есть с кем-то вы пересекались?**

— В Югославии — с бельгийцем, который был по ту

сторону в Намибии в одно со мной время, второй раз в Анголе встретил бывшего южноафриканского военного летчика, бомбившего на **Миражах** Анголу¹³, в Западной Сахаре, с португальцем, много поведавшем об их наемниках, в Конго я вез на своем джипе юаровских офицеров, вспоминавших эту войну и, в частности, 1988 год. Каждый раз в какой-то мере эта тема всплывала.

— **Где вы были в Анголе второй раз?**

— Второй раз я был в Анголе в качестве бортового переводчика на **Ми-8** в составе нашей вертолетной группы, которая находилась в нескольких регионах и обеспечивала перевозки грузов, личного состава и разведку для военных наблюдателей. Сначала я был в провинции Уиже, на севере, затем в Луэне, на востоке. Вместе со **Ждаркиным** (и водителем-ангольцем) перегоняли джип из Уиже в Луанду. Мы были без оружия, в форме ООН.

— **Расскажите.**

— Очень большое расстояние — 7–8 часов. В 6 утра мы выехали и приехали в 16. Мы ехали на обычном ООНовском джипе — **Тойоте**. Надо было его перегнать из провинции в столицу. Мы недавно с ним встретились и вспоминали, насколько же мы были легкомысленны — это **унитовский** район, за год до этого там расстреляли ООНовский патруль. Но мы доехали.

— **Что было интересного?**

— Встретил своего комбрига **Жоакима Шилоя**. Он тогда (в первую Анголу) был майор, а здесь он уже был бригадный генерал. Командовал всеми силами **ФАПЛА** в Уиже и северном районе. Был совместный вечер ООН, на который пришли местные **фалловцы**. Мы с ним разговаривали, он меня узнал, пригласил в гости. Вечером встретились. Он рассказал обо всех общих знакомых; кто погиб, в основном все погибли.

— **На минах, на обстрелах?**

– Да. Когда меня отправили из бригады, он как раз получил ранение, я его навещал в Лубанго, у него обе ноги были прострелены.

– **Когда вы были в первой командировке в Анголе, что вы курили?**

– Первая операция – кончились сигареты. Хуже отсутствия воды, конечно, ничего нет. Вода снится по ночам. А на втором месте – сигареты. Но я заметил, что солдаты сушили табачные листья. Естественно, они поделились. Мы клали их на броню, а броня за 6 часов высушит что угодно. Лучше, конечно, два дня подержать – на второй день – это уже бумага. Брали, резали, делали козью ножку. Грубый, но табак. Пробовали и чай курить, но это такая мерзость. За день броня нагревается так, что остывает потом до середины ночи. А ночи довольно прохладные в сухой сезон – без бушлата или одеяла не обойдешься. Вот здесь на броне, в тепле, под яркими звездами, их в Африке особенно хорошо видно, начинались душевные беседы. Кстати, именно там я впервые услышал от старых солдат о якобы имевших место случаях воскрешения захороненных **унитовцев** или, другими словами, **зомби**, не берусь судить о достоверности, но рассказы свидетелей в разное время в разных местах совпадали в деталях чрезвычайно. На второй операции видел сам **унитовского** юношу с развороченным пушкой «Гром»¹⁴ черепом, пытавшимся атаковать **БМП-1**.

– **А во второй командировке?**

– Ну тут уже было все централизованно, организовано. Любые сигареты. Там было проще, потому что имелся ООНовский магазин с напитками, соками, сигаретами и прочим.

– **Что интересного было?**

– Ну что интересного, обычная рутинная работа: собирать сдаваемое оружие и т.д. Интересные встречи

были. Хотя и там были моменты: обстреливали вертолеты. В основном, из автоматов. Хотя два ООНовских самолета были сбиты скорее всего **Стингерами**. Был интересный эпизод, когда прилетели на **унитовскую** территорию. Но наблюдатели не предупредили **унитовцев** о нашем прибытии через своего офицера по взаимодействию. А я, как почувствовал — попросил не отключать двигатель вертолета. Наблюдатели только вышли, а к ним уже бегут, чем-то машут, колами какими-то, чуть его не избили. Умные-то сразу на борт обратно, а эти чего-то замешкались: бегут они, бежит толпа. Я говорю: «Ребята, готовьтесь, взлетаем». И вот такая картина: наблюдателя затаскивают, я говорю: «отрываемся», Мы поднимаемся, наблюдатель наполовину в салоне, а на ногах по **унитовцу** висит. Такие случаи бывали.

Еще был забавный случай. Бразильцы — военный контингент ООН — в своей грузовой машине, забитой местными, хотя это было запрещено по правилам ООН, перевернулись. Погибло очень много местных. Точно не помню, какая была машина, возможно, **Скания**. В ООН никогда никто хорошую технику для миротворческих операций не поставлял. Так вот бразильцев тоже потрепало изрядно. Прилетаем мы туда, я выхожу из вертолета, а вокруг этой площадки огромная толпа с камнями и палками. Ко мне выбегает начальник местной полиции и орет, что мы никуда не полетим, я смотрю — у него глаза вообще дикие — либо уколотый, либо пьяный совсем. Я его на чистом португальском языке — матом. Он оторопел. Он же не знал, что я по-португальски разговариваю. А я еще чисто ангольские выражения добавил. И он сел на пол. Я говорю: «Пацаны, давай загружать». Погрузили мы этих бразильцев. Они были живы, но уже без сознания. Через два часа они были в госпитале. Но когда очнулся один бразилец — он видно приходил периодически в сознание и видел, как все по-

лучилось, так он меня подозвал, взял за руку и сказал по-португальски спасибо.

— **А что это за встреча с южноафриканцами, о которой вы говорили, в Западной Сахаре?**

— Это было уже в Либерии в 2007 году. Там стоял батальон юаровский и некоторые офицеры меня узнали по службе в Конго, — там тоже была война. В итоге выяснилось, что в 1988 г. они служили в Намибии еще простыми солдатами.

— **А в войска ООН действительно стаскивают всю старую технику?**

— Дело в том, что в каждой миссии составляется опись всего имущества контингента, оцениваемая страной, а ООН должна все это оплачивать. За год нахождения нашего миротворческого батальона в Югославии наша страна погасила всю задолженность ООН за 1980-е и начало 1990-х годов — представляете, какие деньги? Естественно, каждый старается заработать как можно больше.

— **Стандартные вседорожники японские?**

— Да, (**Тойота**) причем такие, каких нет в свободной продаже. Они делаются по спецзаказу ООН. Улучшенной проходимости, с высокой посадкой, дизель в основном. Вы обратили внимание сейчас в Южной Осетии — накануне, как вошли наши войска в августе 2008 г., один из корреспондентов успел снять целый парк легковых машин ООН без личного состава. Как было задумано — грузины входят, они посылают ООНовских наблюдателей или наблюдателей Евросоюза, которые организуют живой барьер как бы на грузинской территории (на границе с Северной Осетией). Вовремя наши вошли, тут все висело на волоске — такая каша могла завариться.

— **Чем вы занимались после 2004 года?**

— В качестве военного наблюдателя ООН был в Конго в 2004–2005 гг. и в Либерии в 2006–2007 годах.

– **А сейчас еще служите?**

– Пока служу, но надеюсь уже в этом году стать гражданским человеком. С учетом льгот будет уже больше 25 лет службы.

Сейчас я капитан второго ранга, служу в Военно-морской академии в С.-Петербурге.

Сноски

¹ Запись произведена в мае 2009 г. Г.В. Шубиным.

² Не верно.

³ **Шилка (ЗСУ-23-4) (ЗСУ-23-4В) (ЗСУ-23-4М)** – счетверенное зенитное скорострельное орудие типа **АЗП-23 Амур** калибра 23 миллиметра на гусеничном ходу для борьбы с низколетящими целями. Выпускалось с 1964 по 1973 (1971) годы. Боекомплект – от 2000 до 4000 выстрелов. Дальность поражения цели – до 2000 метров, высота поражения цели – до 1500 метров. Масса – 19 тонн. Экипаж – 4 человека. Скорость – до 50 км в час. Масса – 20,5 тонн. Запас хода – до 450 км. Перевозится транспортным самолетом **Ан-22** и **Ил-76**. **Шилка** и ее модификация **Бирюса** широко поставлялись за рубеж, участвовали в сотнях войн, в том числе во Вьетнаме, в арабско-израильских войнах, в Афганистане и в первой и во второй войне в Персидском заливе и не только против самолетов, но и против живой силы и бронетранспортеров противника. **Шилка** эффективна в горной войне и в боевых действиях в городских условиях против живой силы и легкобронированной техники.

⁴ **Стрела-1 (Стрела1М)** – зенитно-ракетный комплекс на базе **БРДМ-2**. Вооружение – 4 ракеты. Дальность пуска ракет от 30 метров до 3,5 км. Скорость ракеты – до 430 метров в секунду. Скорость на шоссе – 60 км в час и на воде – 10 км. Запас хода – 750 км.

⁵ Бразильские грузовики **Энжеза (Engesa)** двухосные (2х2) **Энжеза-15** (с бензиновым двигателем) (**ЕЕ-15**), и трехосные (3х3) **Энжеза-25** и **Энжеза-50 (ЕЕ-25, ЕЕ-50)**. Отличались низкой надежностью. Ангольцы использовали их в 1986–1988 гг. (*прим. ред.-сост.*).

⁶ **Д-30 (Лягушка)** – противотанковая гаубица советского производства,

калибром 122 миллиметров. Масса – 3150 килограммов. Дальность стрельбы – 15,5 км (22 километра активно-реактивными снарядами). Скорострельность – 6–8 выстрелов в минуту. Расчет – 6 человек. Широко используется в различных войнах.

⁷ **Боезапас БРДМ-2** – 500 патронов к тяжелому пулемету **КПВТ** калибра 14,5 мм. Возможно имелся в виду коробчатый магазин на 40 патронов для пулемёта **КПВТ**. (*прим. ред.-сост.*)

⁸ **Casspir (Каспир) (Hippo) – Бегемот (CasspirMkI, CasspirMkII, CasspirMkIII)** – четырехколесный бронетранспортер производства ЮАР на базе английского грузовика высокой проходимости **Бедфорд (Bedford)**. Имеет хорошую противоминную защиту – V-образный суживающийся книзу корпус. Выдерживает до трех одновременных подрывов на противотанковых противогусеничных минах. Вес – 11,44 тонны. Вооружение – пулемет калибра 12,7 миллиметров. Броня – 6 миллиметров, выдерживает попадание пуль калибра до 7,62 миллиметра. Экипаж – 2 человека и 12 солдат и 1800 килограммов груза. Длина – 6,95 метра. Ширина – 2,6 метра. Высота – 2,88 метра. Скорость – до 85 км в час. Пробег без дозаправки – до 770 км. Вооружен пулеметом калибра 7,62 миллиметра (7,62X51) или безоткатным орудием **M40** калибра 106 миллиметров. (Во время войны в Анголе и при подавлении партизанских действий в Намибии данный бронетранспортер зачастую вооружался не только различными пулеметами советского производства **ПКМ** калибра 7,62 миллиметра, **ДШКМ** калибра 12,7 миллиметра и **КПВТ** калибра 14,5 миллиметра, но даже и скорострельным орудием типа **Зу-23-2** калибра 23 миллиметра.).

⁹ **Ил-76ТД** (его гражданский вариант – **ИЛ-76МД**) – средний военно-транспортный самолет. Производится в различных модификациях в СССР с 1974 года. Оснащен четырьмя реактивными двигателями. Экипаж – 6–7 человек. Оснащен четырьмя реактивными двигателями. Перевозит до 48 тонн грузов (126 десантников или 140 солдат). Дальность полета без дозаправки – до 7 тысяч км. Скорость – 750–800 км в час. Для прикрытия задней полусферы вооружен сдвоенной пушкой **ГШ-23** калибра 23 мм с радиолокационным прицелом. Является основным военно-транспортным самолетом ВВС России. Всего было построено около 950 самолетов данного типа. Используется или состоит на вооружении в десятках стран мира.

¹⁰ У кубинцев, насколько я помню, были на вооружении в Анголе **БМП-2** с пушкой калибра 30 мм (автоматическая пушка **2А42** калибра 30x165 мм) (*прим. М.Г. Маргелова*).

¹¹ **Сваповцы** отступали вместе с нами. Они смелые были с вооружением нашей бригады, а бегали быстрее нас (*прим. М.Г. Маргелова*).

¹² **Ми-26** — тяжелый транспортный вертолет советского и российского производства. Выпускается с 1977 г. Экипаж — 5–6 человек. Перевозит до 80 десантников и до 86 вооруженных пехотинцев или до 10 тонн груза, в том числе и на внешней подвеске. Дальность полета без дозаправки — от 2000 км (пустой) до 800 км (с полной нагрузкой). Является самым большим вертолетом в мире.

¹³ Он уволился из армии, так как платить стали совсем мало и летал по контракту с ООН в Анголе на **Цеснах**, и был очень доволен (*прим. М.Г. Маргелова*)

¹⁴ **73-мм пушка 2А28 «Гром»** устанавливалась на **БМП-1**.

¹⁵ Вся боевая техника (колесная и гусеничная) войск ООН (кроме вертолетов и самолетов) после завершения миротворческой операции оставляется в стране. Соответственно государства-участники миротворческих миссий, как правило, направляют туда изношенную устаревшую боевую технику и грузовики и заставляют ООН дорого оплачивать использование этой «боевой рухляди» за время миротворческой операции (*прим. ред.-сост.*).

¹⁶ Это едва ли ни единственная новая автомобильная техника, используемая в миссиях ООН (*прим. ред.-сост.*).

БМП-1. Хорошо видна пушка «Гром» калибра 73 мм

М. Маргелов позирует на **БТР-152** с пулеметом **Калашникова (ПК)**. На бампере автомат **Калашникова** складывающийся (**АКС**). 19-я мотопехотная бригада 1988 г.

Луэна 1998 г. Пункт по сбору оружия на фоне противотанковых орудий **ЗИС-2** калибра 57 мм советского производства.

Луэна, 1998 г., **М. Маргелов**
с бывшим военным летчиком ЮАР.

Т. Негаже, 1997 г., Бывшая вертолетная школа
(на заднем плане — списанный вертолет **Ми-35**).

РОССИЙСКИЕ ЛЁТЧИКИ В АНГОЛЕ

Воспоминания

Андрея Александровича РОМАНЕНКО¹

— Будучи гражданским пилотом, я, в отличие от большинства участников событий в Анголе, вряд ли смогу внести какие-то интересные дополнения. Моя точка зрения будет, скорее, мнением обывателя, стороннего человека. Я не был допущен к секретной информации, и миссия моя была чисто гражданской. Вам, возможно, будет интересен период до 1996 г., — моя первая командировка в Анголу.

— **Как Вы оказались в Анголе?**

— Это интересная и в то же время банальная история. В 1995 г. я закончил Кировоградское высшее летное училище гражданской авиации. Оно уже называлось Государственной летной академией Украины. Сам я россиянин, из Свердловской области.

Переводясь с одного факультета на другой, в итоге закончил его как пилот-штурман. К этому времени трудности дальнейших перспектив были отчетливо видны, поэтому я старался учиться «по максимуму».

В связи с распадом страны, авиация пострадала очень сильно, снизилось качество образования, появились новые компании, от которых отпочковывались другие фирмы.

К концу 1995 г. я приобрел опыт полетов на международных авиалиниях. В училище у меня был налет на пустом самолете 50 часов, из которых 25 часов — в зоне аэродрома — это тот максимум, больше которого училище не дает. Однако это не давало возможности най-

ти не просто приличную работу, но и вообще работу по специальности.

А компаниям нужны были специалисты, летающие на нескольких типах самолетов. Единственный мой плюс — я был пилотом-штурманом. Поэтому я решил специализироваться в этом направлении. Взяли меня только на второй курс Государственной летной академии Украины, хотя я был на последнем курсе факультета, выпускающего бортинженеров. Пришлось заново учиться.

У меня был хороший друг, с которым я познакомился, когда мы оказались в одной группе. К тому времени я был уже женат, хотя мне шел ещё 21-й год.

Сразу после окончания училища я не мог найти работу и уехал в Иркутск, в одну маленькую частную авиаккомпанию. В Иркутске у меня родичи, они и помогли устроиться штурманом. Кроме меня взяли ещё одного штурмана.

Конечно, мы хотели быть пилотами, а получили штурманскую работу. Слава Богу, никто не претендовал на эти должности.

Позже я стал искать работу в европейской части России, потому что на востоке страны удаленность от центра сказывалась на всем, в том числе и на работе. В частности, приходилось летать по местным деревням, развозить почту — не самое интересное занятие, хотя сейчас там появились перспективы и люди растут в профессиональном отношении.

У меня тогда были некоторые связи, и в конце 1995 г. я отказался от места в Иркутске и уехал в Киев.

В 1996 г. я пытался устроиться в Киеве. Моя жена из Кировограда. Она работала. У нас уже был ребенок.

На Украине, которая к тому времени стала независимой, мне удалось выйти на заместителя министра гражданской авиации. Я стал ездить на прием к нему.

Так продолжалось месяца четыре — сначала раз в неделю, затем два раза. А потом зам. министра сказал мне: «Чего ты, собственно говоря, сюда рвешься? Ну, будет у тебя зарплата порядка 100 долларов, а однокомнатную квартиру снять можно лишь за 120 долларов в месяц. В этой компании, куда ты стремишься, сокращаем 53 человека; ну, засунем тебя как-то. Но что тебе это даст?»

Я был очень огорчён и вернулся в Иркутск. Это был период, когда я пытался заняться бизнесом. Тем не менее, я никогда не оставлял мечты летать, хотя осуществить ее было нелегко.

И вот в один прекрасный момент, когда все это предельно надоело, мне позвонил мой друг из Кишинева и сообщил, что есть возможность устроиться в Кишиневе в молдавскую авиакомпанию и сразу уехать в Африку.

Надо сказать, что в училище я налетал допуск на международные линии и, кроме того, переучился на **Ан-72 (Ан-74)**², на которых до сих пор и летаю.

Это было большой редкостью, так как пилоты переучиваются летать на других самолетах в производственных условиях, а у меня был допуск сразу на два типа самолетов, что мне и помогло в будущем.

Я приехал в Кишинев в конце сентября 1996 года. Меня приняли в авиакомпанию «Ренам». Генеральным директором был **Андрей Юрьевич Дрозд**. Протестировали на дальность полета.

Так я оказался в Заире. Там сели три экипажа. Два экипажа на **Ан-74** и один экипаж на **Ан-32**.

— **Какая там была работа?**

— К тому времени мой друг уже вернулся оттуда и рассказал вкратце о полетах. Нашей задачей была перевозка продовольствия. Работы было достаточно много, что весьма полезно для опыта. Однако сложные климатические условия требовали акклиматизации. Вообще, бояться не стоило, никто не умер.

У меня были некоторые сведения об этом месте — в школе я изучал испанский язык, а моя учительница, когда я был в пятом классе, уехала работать в Анголу. Наверное, это был 1982-й год.

Прилетели мы в Киншасу в конце 1996 года. Я ещё не знал, на каком самолете буду летать, переучился на **Ан-32**. Правда, у меня не было аэродромной тренировки, но в условиях Африки это большого значения не имеет. Недостаточные тренировки можно восполнить во время рабочих полетов. Что-то, однако, внушало опасения, особенно, когда я уже пробыл там какое-то время.

Специфика нашей работы заключалась в следующем: нашим заказчиком была фирма «Эр Экселенс», которая арендовала самолеты у компании «Ренам». Там было два аэропорта — Ндова и Нджига. Первый — в центре Киншасы — был закрыт, но в Ндове находился офис «Эр Экселенс» (точно не скажу, была эта фирма заирская или иностранная, но заправляли ею белые люди, бельгийцы или американцы. Зарегистрирована она была в Киншасе).

В то время в Заире президентом был **Мобуту**. У него была куча жен, которых, по слухам, он менял чуть ли не сразу после первой брачной ночи. И один из сорока его сыновей, выражаясь по-русски, «крышевал» эту «Эр Экселенс». К сожалению, не помню его имя.

Фирма работала, возила на наших самолетах удовольствие в различные точки. В основном это были перевозки на базе Стошеренги в деревню Жамба (столицу **УНИТА**), а также в поселки Капуто, Андудла, Бунда. Наши туда летали. Это был пролет из серии «на юг и обратно».

В принципе, это территория Анголы. Мы летали, но там не было даже вторичной локации. Это не секретная информация, и люди, занимавшиеся перевозками, об этом прекрасно знали.

Главное направление полетов — на юг, юго-восток, в различные точки. После взлета докладываешь, что выходишь на заданный радиан, а сам идешь другим радианом, между бортами, визуально, по локатору. В этом и заключалась особенность. Такие полеты очень опасны, и здесь нужна ювелирная точность, чтобы связываться между собой по приборам. Приходилось идти на средних эшелонах, прослушивая ангольский эфир, стараясь за день сделать два рейса.

Некоторые самолеты были без опознавательных знаков. Специальных раскрасок авиалиний не было. Наши самолеты считались машинами Аэрофлота, они были серого цвета, потом их перекрасили в белый. Сначала был нарисован молдавский флаг, а потом и его закрасили.

Летали без значков, хотя регистрационные знаки на самолет все-таки были нанесены, просто не было привычной раскраски. Самолеты, принадлежавшие Молдавии, базировались на аэродромах Киншасы.

Как я уже сказал, в основном занимались доставкой продовольствия — это были достаточно опасные полеты, хотя за всю мою практику я ни разу не слышал, чтобы где-либо были столкновения [самолетов] на пересекающихся рейсах. Сложность захода заключалась в том, что все аэродромы — это расширенные куски дорог, длиной 900 метров, километр или полтора километра. Очень много было «авианосцев»³, то есть с торцов — обрывы, и, конечно, масса разбитых самолетов. Когда мы летали на **Ан-32**, рядом с деревней Угамба была полоса в 900 метров, и мы видели, что там уже лежат три самолета **Ан-32**, **ДС-4** и **ДС-3**⁴.

— **Чьи самолеты бились?**

— Такой нюанс — эти самолеты могли быть чьи угодно, их три раза могли перерегистрировать, и неизвестно, кто был владельцем.

– **А составы экипажей?**

– Это были не солдаты удачи, а люди, которые приезжали заработать деньги перевозками. С разных концов бывшего Советского Союза, многие из России, Украины, Молдавии. Причем молдавские компании были укомплектованы, в основном, не молдаванами.

Летали и пилоты из местных – вот их можно было назвать солдатами удачи. С заирцами летали в основном белые летчики на очень древних самолетах. Как мы говорили: вон пошла **Деска (ДС-4)** взлетать «за счет кривизны земли». Это ужасно – дык, дык, дык – поднимается, по сантиметрам набирает высоту... Машины **ДС-4** все старые, времен Второй мировой войны.

За некоторые сложные посадки нам выплачивалась премия по 200 долларов на экипаж.

Существовала такая специфика – всегда интереснее было работать в области коммерции, то есть возить грузы. Но можно было на «дурку» попасть – на **Як-40⁵**, который не возит грузы, а берет свои 25 пассажиров. Такие рейсы тоже нужны были. Люди работали практически за зарплату, ещё платили за переналет часов, если выходило больше 70 часов налетов ежемесячно.

Помню, в Заире с востока шло наступление повстанцев под предводительством **Лорана Кабилы**. И вот, когда телекомпания CNN показывала его на аэродроме, проводящим парад, сплошные хвосты аэрофлотовских **Ил-76** стояли, и все задавались вопросом: кто же ему возит оружие?

Да, гибли и наши экипажи. Бились, в том числе и по-дурному. Был такой трагический случай: командир с пилотом **Як-40** отошли в кусты по нужде и подорвались на mine. Один сразу умер, а другому ноги оторвало. Такова судьба – на гражданском самолете, но погибнуть на войне.

– **Встречались ли вам военные пилоты?**

— Да, я видел их в Заире. Там своей авиации не было, только какие-то два старых самолета. Тип не помню — я с военной техникой не связан. Видимо, учебные самолеты, типа чехословацкого **L-39**⁶. На них подвеску ракет повесили. Я был свидетелем.

Сын президента **Мобуту** периодически брал самолеты для своих перевозок, зачастую, это были полеты на север Заира, на родину президента.

Что касается зарплаты, то в месяц получалось поразному, но порядка нескольких тысяч долларов.

Когда летел в командировку, я задал вопрос другу о зарплате и тот сказал, что меньше, чем за три тысячи долларов, туда лететь не стоит. По тем временам это были серьезные деньги. Но у всех были разные условия контракта. Порядок оплаты, наверное, был и четыре, и пять, и шесть тысяч. Мне не повезло, я был ещё неопытный, сначала летал штурманом на **Ан-72** и **Ан-74**.

— **Можно ли утверждать, что Заир помогал УНИТА Савимби?**

— Я не думаю, что Заир помогал, но, по крайней мере, я не раз возил посла **УНИТА**⁷ в Заире в Анголу и обратно. Как его звали, не знаю, меня эти вопросы особо не интересовали. Меньше знаешь — лучше спишь.

Что интересно — мы (все три экипажа) периодически с сыном президента **Мобуту** летали на его ужины в Гбадолите — вотчину президента. Обычно выполняли один или два рейса за день. У **Мобуту** было огромное число родственников-соплеменников. И эта стая людей кидалась на самолет. Люди подбегали, чтобы улететь. Дорог как таковых нет, а там худо-бедно, наверное, под два часа полета, то есть 900 километров. Нам вообще с ними лучше было не контактировать — на французском мы не говорили. При этом сын президента сам доставал пистолет и отгонял их от самолета, стреляя в небо. Пару раз чуть не пробил стаби-

лизатор. Мы бегали, проверяли — прострелил он его или нет. Стрелял, не глядя, вверх.

Когда припекали различные срочные нужды в связи с восточной кампанией — наступлением генерала **Кабилы**, — нас стали снимать с программ развоза продовольствия, приходилось возить дезертиров. Я тоже принимал в этом участие. Была такая точка, по-моему, Бумба. Собственно говоря, там и аэродрома как такового не было — просто дорога в километр, что для нашего самолета критическая длина. И заход только по системе глобального позиционирования. Это специальное американское оборудование. Американцы с 1981 [1985] г. запустили новую систему спутников — решение задачи от пространственного положения самолета до вертикального. Туда забиты в память все точки на карте. Вот ты сел, и у тебя есть точные координаты, ты их в память внес, составляешь маршрут, и так далее.

Незаменимая штука, в частности, для африканских полетов, ну и с нашим уровнем развития навигационно-вычислительной техники она тоже необходима, потому что производить коррекцию на **Ан-72**, который являлся со своими вычислительными комплексами достаточно свежим самолетом для того времени, было сложно. Производить раз в 250 километров коррекцию в Заире просто не на чем — нет ни средств, ни приводов, ни различных маяков и т.д., то есть пустота — нет даже вторичной локации, поэтому мы летали как попало. В общем, чисто африканские условия полетов.

Были и такие полеты, когда приходилось вывозить беженцев из Бумбы в Киншасу. Сколько нам пришлось вытерпеть! С нами прилетал из Киншасы генерал или полковник, пытался навести какой-либо порядок, чтобы не все сразу кидались к самолету. Это были пьяные солдаты с оружием (гранатомётами, автоматами, пистолетами — вооруженные до зубов), и с семьями, так на-

зываемые дезертиры. Эти дезертиры, когда отступали, заодно грабили по пути все деревни. Однако с Бумбой была якобы достигнута договоренность, что дезертиров не будут судить, а повезут в Киншасу, они ещё нужны стране, поэтому будут амнистированы.

Как этих людей вывозили, страшно сказать. К хвосту выстраиваются 40 человек. Говорили, что 40 человек возьмем с багажом, а кто там будет взвешивать их багаж, — они в рампу закидывают навалом все барахло, а сопровождающие — несколько солдат — сваливают изнутри все лишнее и следят, чтобы не залезли, не запрыгнули люди сверх оговоренного числа.

Нас тогда поставили в безвыходное положение, и была такая история. Этот генерал или полковник несколько раз с нами летал, и пока его люди закидывали багаж, мы стояли под самолетом. В это время подходит какой-то боец, мужик, на которого смотреть страшно, — пьяный, понять его невозможно. Я ему по-русски, а он — по-французски.

Были от компании переводчики, как мы их называли, «говорящие». Все эти ребята, африканцы, в основном учились у нас. Так, один из них окончил в Одессе военное училище. Одного звали **Зико**, другого — **Мишель**. Я попросил их перевести, чего этот мужик хочет. Так вот, тот пьяный мужик одной рукой схватился за пистолет, а другой — за мою сумку. Я думал он хочет меня ограбить, а он хотел улететь.

Мы этих людей рейсами возили. Одновременно работали три наших экипажа. В Киншасе мы жили на трех виллах. В принципе, были неплохие условия.

Когда войска **Кабилы** окружили Киншасу, был май 1997 года. К тому времени я английский знал ещё не настолько хорошо, чтобы понимать CNN. Тогда только она давала информацию, никаких российских каналов там, естественно, не было. Войска окружили

Киншасу 50-километровым кольцом. На аэродроме началась стрельба, и приехал даже наш главный. Мы уже два месяца не работали. Фирма «Эр Экселенс» скрылась в один прекрасный день — просто вылетела в Браззавиль от страха. Она с нами подпольно связалась и объявила, что компания захвачена, и захватчики хотят поставить нас на военную перевозку президента **Мобуту**, и что надо будет оружие чуть ли не бросать с самолета. Короче, бред полный. Водили нас на переговоры — меня и наш экипаж. Бизнесмены нас уговаривали, а мы постоянно утверждали, что у нас в контракте декларировано, что мы гражданские, не перевозим военных и не участвуем в военных действиях. И в принципе был документ, где было записано (дословно не помню), что дальше такой-то параллели на восток мы не летаем согласно заключенным международным соглашениям.

— **А летали ли на самом деле?**

— Да, это было в отношении заирских военных полетов⁸. Но когда война подвинулась ближе, мы уже перестали летать. «Эр Экселенс» обращался к нам с просьбами, но мы отказывались, мотивируя отказ according our flight rules (согласно нашим летным правилам), и так далее. Это, правда, были европейцы, а с ними проще разговаривать.

Потом, в один прекрасный день, нас пригласили все это рассказать какому-то деятелю, то есть почему отказываемся перевозить оружие. Нас вывезли на переговоры. Поехали я, бортмеханик и один техник. Командир экипажа наотрез отказался участвовать в переговорах. Правда, авантюризма я в этом сразу не усмотрел, молодости свойственна наивность. Нам сказали, что, мол, вы будете просто присутствовать, а разговаривать будет, видимо, представитель «Эр Экселенс». Так и получилось. Мы просто постояли для вида с серьезными

лицами. Какие-то бумаги держали, типа того, что мы подготовлены.

В 30 метрах от нас главный под какими-то пальмочками разговаривал с сыном президента **Мобуту**. И через час нас отпустили. Мы уехали домой и для снятия стресса, естественно, выпили. Был и такой опыт.

После этого «Эр Экселенс» стала выходить на нас подпольно, но мы перестали летать. Военная ситуация ухудшилась...

У **Мобуту** был свой самолет, который стоял в специальном ангаре. Как-то произошел удивительный случай. Заходим мы на посадку в Киншасу — после первого или второго вылета нам дали на это разрешение. У нас до торца (начала полосы) две мили. Все уже расслаблены. Моя работа закончилась. Сейчас командир «прилунит» самолет к полосе, и я доложу, что посадка произошла с полосы. Работа закончена. Вдруг диспетчер на французском языке (постоянно на французском — пришлось выучить французскую фразеологию) говорит, что дает немедленно курс влево на 90 градусов без снижения. А у нас две мили до торца и высота 200 метров. Я передаю это командиру, а он уже расслабился.

Командир удивился: что случилось? Мы что-то не так сделали? Да нет, все правильно. Никто ничего не может понять. Мы параллельно полосе проходим, а из облаков выскакивает самолет и моментально скрывается⁹. Вот такая манера была у **Мобуту**. Когда он из страны убежал — это был особый случай...

Я возвращаюсь к тому, о чем уже говорил. Когда военное кольцо сжалось, «Эр Экселенс» принял некоторые усилия, чтобы нас вывезти на лодке в Браззавиль. Но мы должны были бежать налегке — только с паспортами и деньгами, никаких вещей с собой не брать и бросить самолеты. Войска **Лорана Кабилы** подступали к Киншасе.

Дело в том, что с этих широт все смотрится гораздо проще, и когда наши консулы предупреждали, а наши командиры докладывали руководству, что ситуация плохая, надо самолеты вытягивать, нам отвечали: «Ребята, так вам же платят за летный час, зачем вы эту ерунду рассказываете?»

Я сейчас в другой компании работаю, и меня до сих пор удивляет отношение руководителей к людям. Когда ухудшилась военная обстановка вокруг столицы Заира, города Киншасы, и руководство поняло, что может потерять самолеты, руководитель компании «Ренам» был вынужден сам прилететь из Молдавии (с чемоданом долларов). Три недели он был в Киншасе, «вытаскивал» самолеты. Некоторые наши бывшие эмигранты, в частности, некая мадам **Лариса**, помогала связаться с министрами, и самолеты выкупили, благодаря взяткам, и нам дали разрешение на вылет. Но у одного самолета **Ан-72**, на котором я вторым пилотом работал, был прострелен двигатель, три лопатки турбины разбились. А на завтра вылетать. Решение принято — убежать: Киншаса была уже окружена. Об этом узнали мы днем, техники вечером поехали и связались оттуда с нами по радиостанции: мол, беда.

Наш экипаж состоял из шести человек: командир, второй пилот, штурман, бортмеханик и два обслуживающих техника — один по двигателям, а второй по оборудованию.

Техники проверили, нашли повреждение. Кто-то стрелял из **АК-74**¹⁰, дырочки были маленькие, но даже одна пуля пробила шпангоут и перебила жгуты проводов, повреждения были сильные. Мы думали, что улетим на одном двигателе. Вечером запустили второй двигатель. Как ни странно, опасная вибрация была в пределах допустимого. И на двух двигателях (на правом снизили режим) перелетели в Браззавиль. В Браззавиле

у нас был недельный отходняк. Потом на этом же самолете, который подреставрировали, мы перелетели в прекрасную Республику Йемен, в город Сана.

Я был в Заире, кажется, до 22 мая 1997 года. Надо отдать должное руководителю компании «Ренам» **Гроссу**, он нам все-таки наши оклады выплатил за время простоя в Заире. Мы вернули самолеты, и **Гроссу** остался в этом плане чист перед нами, хотя после таких передрыг компания понесла большие убытки. Наш самолет вернулся, прилетел из Йемена в Объединенные Арабские Эмираты. Там остался. Потом у меня был отпуск, затем медкомиссия.

И в сентябре меня опять пригласили летать с этим же экипажем. Хочу обратить внимание на следующее: полетел командир, с которым я уже работал — **Тобулток Валентин Андреевич**... 27 сентября 1997 г. мы вновь улетали [в Африку].

Компания «Эр Экселенс» работала на одного человека. Алмазы — вот на чем держалась **УНИТА**. У людей, поставлявших в Анголу продовольствие, это было не основным бизнесом. Продовольствие было неким прикрытием. На самом деле была горстка людей, которые разрабатывали на территории, контролируемой **УНИТА**, алмазные прииски.

— **Кто они были?**

— Я могу назвать имя — **Мамед**, он из Бельгии. Это был белокожий человек, достаточно интеллигентный. Мы возили продовольствие, а он, разрабатывая эти алмазные прииски, обязан был поставлять для **УНИТА** продовольствие.

Соответственно, мы участвовали в этом бизнесе, перевоза продовольствие, хотя, по сравнению с алмазами, это бизнесом не назовешь.

— **Возили ли вы алмазы?**

— Мы возили **Мамеда**, а он — алмазы, это ведь всего

лишь горсть маленьких камешков. Несколько раз он с нами летал. Мы же возили в основном кока-колу, пиво, кур мороженных, рыбу. Загружались в Киншасе.

Надо было **УНИТА** снабжать. **УНИТА** уже стала к тому времени легальной организацией и многое ввозила из ЮАР. На своем самолете я отработал всю командировку и возил продовольствие. Подробностей, к сожалению, не знаю, и вряд ли кто-то точно сейчас скажет, что там произошло, но в тот день, в декабре 1997 г., мои коллеги по компании вылетели, и, по данным, вроде бы в Сандула (или Андудло). Этот самолет мы обслуживали два года подряд для ралли Париж—Дакар. Соответственно, в феврале самолет возвращался для участия в этом ралли. В течение недели он должен был пробыть в Кишиневе, и к нему должен был присоединиться экипаж. Однако самолет не прилетел. Первое время нас убеждали не паниковать, дескать, задержка. Кстати, семьи к нам туда не приезжали ни разу. На моей памяти вообще был единственный случай прибытия семьи летчика. Там была другая группа пилотов, которая работала на местных работодателей, причем довольно долго — по девять-двенадцать месяцев. Они, возможно, и привозили семьи. Но, в принципе, это было неразумно.

Возвращаюсь к своим воспоминаниям. Ждем возвращения борта, а его нету. Борт летел на Дакар. Я пытал своего друга **Мишу**, который к тому времени довольно хорошо продвинулся благодаря своим способностям, и фактически стал главным менеджером авиакомпании. И потому он обладал некоторой информацией. Он тоже летал, как и я, вторым пилотом, но на другом самолете. **Миша** в совершенстве знал французский язык. Так вот я его потихонечку пытал: где же самолет? И в один прекрасный день он сказал мне, что борт пропал.

К тому времени, когда нам надо было возвращаться, началась легкая паника. Конец января, все семьи сто-

ят «на ушах». Потихонечку все-таки информация, что самолет пропал, всплыла. Начальник снарядил Ил-18¹¹, организовал поисково-спасательную операцию, насколько это можно сделать в Африке. Оказалось, что когда самолет шел на Лагос, его перехватили. Отправили не туда: след остался – перехватили и сбили ангольские ПВО, хотя до этого фактически самолеты ПВО не взлетали из Луанды.

– **Вы летали по два рейса в день?**

– Было порядка 12–14 бортов. Случалось, что за один день в Казумба, Уамбо, летало по 12 бортов. Они взлетали с перерывами в две-пять минут. Улетали из Киншасы и так же кучно возвращались, стайей, один за одним.

Я не слышал (до этого случая) про столкновения с ангольской ПВО. Возможно, какие-то недоразумения и бывали. А если в какую-нибудь дыру залетишь, там могли и экипаж захватить. Например, надо прилететь в какую-то точку. Координаты дают, мы прилетаем. Заходим, садимся, а там не могут понять, что за самолет, и на всякий случай хватают. Слышал я про такое.

– **Сколько времени длилось безнаказанное пересечение государственной границы Анголы?**

– Я думаю, с 1994 г. наши первые стали так летать. Точно знаю, что наши люди работали в Анголе, ну, может быть, не на УНИТА. Но ангольская эпопея началась уже в 1992–1993 годах.

Началось с Луанды, с восточных полетов, я имею в виду государственную ангольскую авиацию. А с севера, из Киншасы, летали местные, так называемые пилоты, там и американцы были, солдаты удачи. Я с одним таким случайно познакомился. Помню, приехали мы в центр Киншасы на переговоры, он и я – пилоты. Так и так. Я на этом, а я на этом летаю. А сам американец в дым пьяный.

— **Часто ли ПВО Анголы и УНИТА сбивали гражданские самолеты?**

— Есть один порт [аэропорт] на севере Анголы, от него до Киншасы недалеко, туда лететь минут сорок. А в двадцати пяти милях расположен другой аэропорт, контролировавшийся УНИТА. У меня есть карта, так на ней красные [ФАПЛА) и черные [УНИТА) точки натыканы беспорядочно.

Если ПВО Анголы и сбивали гражданские самолеты, то по недоразумению, самолеты не перехватывались специально в воздухе. Возможно, в разовых полетах, в не часто посещаемых портах, сбивали больше с земли. В 2001 г. за полтора месяца (я туда на замену прилетел) три **Боинга**¹² были сбиты в Уэле, где находилась последнее время группировка УНИТА. Однажды был сбит правительственный **Ан-32**, возвращавшийся из Луанды — его УНИТА сбила.

Была и такая «манечка»: некоторые пилоты подписывались на перевозку бензина, и в целях безопасности нельзя было набирать эшелон, ведь бензин — спичкой чиркнул — и готово¹³. Мы, естественно, на такое никогда не шли. Но раз видим: **Ан-32** заходит, столб дыма за ним идет. Точно! Наблюдаем: на высоте трех тысяч метров — огромная вспышка. В Анголе набито самолетов, наверное, половина всех набитых по миру, огромное количество! Но какое количество из них сбито силами ПВО и перехватчиками армии Анголы, этого сказать не могу. Официальная ангольская авиация как таковая не действовала. Периодически с Луанды взлетали какие-то допотопные **МиГ-21** или что-то совсем старенькое. Взлетало и два самолета: куда они вылетали? Мне кажется, что они летали не для того, чтобы отследить воздушные цели.

— **Перевозили ли вы боеприпасы?**

— Один раз был скандал — нам стали грузить тюки.

А в Киншасе, откуда мы летели, внимательно следили за авиационными перевозками не только **унитовцы**, но и официальные ангольские лица. Был однажды с экипажем **Ил-76**, зафрахтованным Внешторгэкспортом, такой случай. Когда начинал взлетать из аэропорта Киншасы, его сбили **Стингером**, и обломки были завалены оружием.

— **Принимались ли какие-либо усилия вернуть останки наших экипажей, которых сбивали?**

— Думаю — нет, я не слышал об этом¹⁴.

Приезжали к нам из посольства — брали с нас подписку, что мы решили остаться. Нам предлагалось выехать из Киншасы — пишите расписку, что вы останетесь. Раз в неделю нас посещали посольские служащие. Недели за две до падения **Мобуту** они исчезли вообще. А посольство России защищало, в том числе, интересы и Молдавии, и Украины. А у нас там сборище бортов было. Дипломаты говорили, что со всеми вопросами можно обращаться в российское посольство.

В это время мы сидели и ждали: что будет дальше? Конечно, можно было покинуть Киншасу, бросив самолеты, но тогда вставал вопрос: что делать, где работать? Кишинев ведь город маленький, по сравнению с Москвой, и возможности заработать там практически не было.

Мы работали по контракту, у всех были разные заработки, причем, все мы были гражданскими пилотами. Мне приходилось возить людей. Так, зачастую, возвращаемся с разных точек в Анголу, а нам говорят, что надо на борту перевезти пассажиров. Каких — военных? Нет, это крестьяне местные — там по дорогам фактически невозможно было ходить.

Безусловно, в то время ангольцы очень не любили **УНИТА**, американцев. Америка их там бросила¹⁵. Для меня вообще источник ангольских внутренних резер-

вов сначала был непонятен, откуда они их черпали. А потом понял, что этим резервом и являются алмазы¹⁶. Они — та энергетическая сила, которая подпитывала весь этот «реактор» гражданской войны.

— **Мамед и был одной из «шестеренок» в этом механизме?**

— Что-то в этом роде. Вероятно, он отбирал алмазы и привозил деньги. Наверняка у него были определенные комиссионные, которые он оставлял себе. Это должны были быть очень приличные суммы. Недаром сейчас на ангольский рынок рвутся и **Де Бирс**, и наша **Алроса**. Та же алмазная тема характерна и для Заира. Он ближе к экватору и сверху хорошо видно, как полоса зелени джунглей переходит в саванну, что более характерно для территории Анголы.

— **Как относились к вам представители УНИТА, когда вы работали в Заире?**

— Практически не было никаких отношений. Киншаса говорит на французском, а здесь территория португалоговорящая. Там был некто **Виктор**, португалец лет 45, который занимался аэропортами. Он говорил по-английски, и я мог с ним как-то общаться. Это было в Андуло. Его деятельность заключалась в том, что поставили будочку типа вышки, наши ребята положили высотомер, чтобы как-то можно было контролировать полеты. А кстати, надо отметить в качестве летных трудностей — только в некоторых точках, куда мы заходили на посадку, поставили радиостанции. Диспетчер объявлял время, борт — просто выучил эту фразеологию — счет до десяти, по-английски: «Прилетает one two four (124)». Навигационного оборудования у аэропорта не было никакого.

Летали в дневное время. Ночных полетов не было. А из Анголы можно вылетать только ночью, потому что там лампочки на полосе разложили, хотя это светоси-

стемой не является. Мы были обособлены и ни с кем не общались. У нас был сопровождающий, нас должны были накормить, и если оставались ночевать, то принести продукты. После прилета наш оператор общался с местными. Груз выгружали, и трудностей никаких не возникало. С нами никто не рассчитывался, только с заказчиком. Это его рейс. Мы закрывали рамку, запрашивали запуск и разрешение, и улетали. Иногда оставались ночевать, что было, конечно, печально.

В Андуло был домик — самое лучшее место, поскольку крыша его не протекала. Несколько комнат, электричество от генератора, телевизор, стояла спутниковая антенна во дворе. В то же время — разбитые дороги, которые никто не ремонтировал, воронки от снарядов — это все было в нетронутом состоянии со времен активных боевых действий.

Балундо, куда мы прилетали, производил тяжелое впечатление. После бомбежек сохранились лишь остовы стен. Здания разбомблены, но крыши отремонтированы. И такое ощущение, что сейчас снова будет налет, что все это ещё не закончилось. Куры, которых ловили и жарили для нас, состояли из одних костей. Короче, ужасно. Поэтому мы обязательно возвращались в Андуло.

Когда в Анголе тропическое лето, температура +25°C, но не особенно жарко, там все же высокогорье: Балундо и Андуло — на полтора километра выше уровня моря.

На случай, если кто-нибудь заболел, у авиакомпании «Ренам» было два командира на экипаж. Если бортмеханик заболел, техника можно посадить — образование позволяет. Со штурманом то же. Тем более, что на **Ан-72** специального места штурмана нет. Бортмеханик после взлета уходил, я садился на его место и по приборам вел машину. Командира заменить сложнее. Так, когда **Милешкин** заболел, мы три дня не летали. Его по-

ложили в госпиталь: «Эр Экселенс» обеспечивал нам медицинское обслуживание в португальском госпитале в Киншасе. Там же мы сдавали анализы.

Как-то я заболел, не знаю чем. Меня французские врачи пытались вылечить антибиотиками. Не хотелось бы это вспоминать — описывать свою болезнь не интересно. В течение шести с половиной месяцев каждый из нас по разу переболел.

Кратце расскажу о моей последней командировке...

Должен заметить, что у меня был перерыв в летной работе с 1998 года. Когда вернулся в 1997 г., у меня была одна мысль: спасибо, Господи, что я остался в живых, больше я в такую передрыгу не свалюсь. Было такое психологически тяжелое состояние, что в июле, чуть-чуть отдохнув, я пришел к **Гроссу** и положил заявление на стол. Провел он со мной беседу. Бывший комсомольский работник **Гроссу** убедил меня не горячиться. И в самом деле, я погорячился. Он прекрасно знал, что мы работаем на **УНИТА**; впрочем, это был бизнес, в данном случае политика отходит на второй план. Я не уволился.

В октябре 1997 г. мы прилетели в Луанду, но начался какой-то спад, и нас к январю 1998 г. вернули на обслуживание ралли Париж—Дакар. К тому времени мы уже летали из Киншасы. В тот год было ралли Дакар — Огаден — Дакар. Гонщикам были ограничения на трассе. В Париже решили сделать настоящее ралли.

...После возвращения из Дакара (Киншасы?) мы продали квартиру в Кировограде, родственники собрали денег, я уехал в Москву и купил здесь квартиру.

В 1998 г. общий финансовый кризис в России коснулся и меня. «Внуковские авиалинии» брали меня на **Ту-204**¹⁷ вторым пилотом. Там кабина рассчитана на двух человек — командира и второго пилота. Меня со штурманской подготовкой готовы были взять. Но деньги на покупку самолета из-за кризиса не пришли. Я три

года работал на различных работах и потом меня пригласили в авиакомпанию «Шарк», где работают в основном очень опытные бывшие военные летчики транспортной авиации.

Многие лётчики хотят лететь в Африку, но не желают учить английский, даже терминологию радиообмена. Народ не стремится к этому. Меня взяли. Я, честно говоря, уже привык к Африке. Старый, неприятный осадок ушел. И летаю на те же точки – на Капуту, на Уамбо (из Луанды). Очень интересно.

Летаю в качестве второго пилота. В кабине – командир, я и бортмеханик. Мы базируемся в Луанде. Карты почти те же, что и раньше. Кое-что изменилось в других районах Африки, но ангольские карты технически не изменились. Те привода, которые были нанесены, сейчас работают. Только точки перешли из рук УНИТА в руки ФАПЛА. УНИТА, конечно, сильно сдала позиции. И уже прилетев в Луанду, я оценил, насколько окрепла правительственная Луанда за эти годы. Честно говоря, все мое впечатление об УНИТА сводилось к деревням, куда мы возили продовольствие. Называть Жамбу «столицей УНИТА» тоже нельзя. Мы ночевали там несколько раз – условия ужасные. Разрушенные бомбардировкой дома, залатанные крыши, брошенные кучи гофрированного железа или просто ветки. Психологически было тяжело.

А в Луанде у нас заказчики – коммерческие организации. Возим продукты (пиво, рыбу мешками, воду) не войскам, а населению. Это – коммерческие перевозки. Единственный у нас заказчик из полиции был в Кафунто. Но это тоже, по-моему, чисто коммерческая работа.

Самые интересные полеты – в Лузамбо и Кафунто, которые находятся рядом, поэтому быстро возвращаемся на базу. По два рейса. Туда, в основном, пассажиропоток шел. Сейчас туда пошли наземные караваны, поэтому авиационные перевозки оттягиваются либо на

восток, либо на юго-восток, либо вообще в них нет необходимости.

— **Есть ли рейсовые самолеты по стране?**

— Государственных рейсовых мало, какие-то рейсы выполняет «Эр Франс», южноафриканские **Боинги** летают. Но, в основном, такая ситуация: загрузились, два человека на тауэре (вышке) сидят. А пассажиры, проходя на территорию аэропорта, дают кому-то сто долларов и руководитель полетов говорит: «Возьмите пассажиров»¹⁸.

Сноски

¹ Беседа записана А.А. Токаревым летом 2002 г.

² **Ан-74** — полярный вариант **Ан-72**. **Ан-74** и **Ан-72** — реактивные грузовые двухмоторные самолеты. **Ан-72/Ан-74** — военно-транспортный реактивный самолет советского (украинского) производства. Производится с 1984 года. Оснащен двумя реактивными двигателями. Экипаж — 3—5 человек. Максимальная загрузка — до 10 тонн. Дальность полета — до 3 тысяч км. Вооружение — двуствольная скорострельная пушка калибра 23 миллиметра.

Ан-32 — легкий двухмоторный турбовинтовой военно-транспортный самолет советского производства, является модификацией **Ан-26**. Выпускался в СССР с 1977 года. Максимальная загрузка — до 7,5 тонн. Дальность полета без дозаправки — 800 км. Экипаж — 2—4 человека. Перевозит до 50 пассажиров.

³ «**Авианосец**» — в данном значении — ограниченный по длине асфальтированный участок шоссе, временно приспособленный для приземления самолетов, с обрывами, оврагами, ямами или глубокими промоинами со сторон начала и конца данной импровизированной взлетно-посадочной полосы. По сложности и опасности посадки и взлета очень близок посадке и взлету с авианосца, отсюда и его жаргонное название «авианосец». Мало кто из летчиков рискнет производить посадку и взлет на подобных аэродромах (*прим. ред.-сост.*).

⁴ **ДС-3 (DC-3)** — винтовой двухмоторный пассажирский транспортный самолет производства США. Выпускался с 1934 г. Используется до сих пор. Дальность полета без посадки — до 4300 км (улучшенная версия).

ДС-4 (DC-4) — винтовой транспортный самолет среднего радиуса действия производства США. Производился с 1943 года. Скорость — 440 км в час. Дальность полета без посадки — до 2400 км.

⁵ **Як-40** — трехмоторный реактивный пассажирский самолет для местных линий советского производства. Вмещает до 32 пассажиров. Дальность полета с полной нагрузкой — до 1400 км.

⁶ **L-39 (Альбатрос)** — легкий учебно-тренировочный двухместный реактивный самолет-штурмовик производства Чехословакии.

⁷ Такой должности не было.

⁸ Не совсем понятно.

⁹ Личный реактивный самолет тогдашнего президента Заира **Мобуту** резко взлетал с аэродрома (*прим. ред.-сост.*).

¹⁰ Автомат **АК-74** калибра 5,45 (5,45x39 мм).

¹¹ **Ил-18** — среднемагистральный пассажирский самолет советского производства. Производился с 1958 по 1978 гг. Оснащен четырьмя турбовинтовыми двигателями. Скорость — 650 км в час. Экипаж — 5 человек. Перевозит до 80–100 пассажиров, или 13,5 тонн груза. Дальность полета без дозаправки — до 8 тысяч км.

¹² В Африке используются, как правило, устаревшие образцы пассажирских самолетов **Боинг-727** и **Боинг-737**.

¹³ Авиационная перевозка бензина и керосина в старых проржавевших бочках, не помещенных в специальные контейнеры, очень пожароопасная и взрывоопасна (*прим. ред.-сост.*).

¹⁴ Не верно.

¹⁵ Ангола в течение уже порядка 40 лет обеспечивает около 7% всего потребления нефти в США, а американские правительства (как демократы, так и республиканцы) длительное время поддерживали сначала **ФНЛА**, затем **УНИТА**, не давая очень богатой как минеральными, так и сельскохозяйственными ресурсами Анголе вырваться из состояния гражданской войны (*прим. ред.-сост.*).

¹⁶ Не только.

¹⁷ **Ту-204** — российский реактивный пассажирский самолет средней дальности. Оснащен двумя реактивными двигателями. Перевозит до 212 пассажиров.

¹⁸ Перегруз старых списанных грузовых самолетов советского производства (**Ан-12**, **Ан-26**, **Ан-32**, **Ил-76**, или переделанных в грузовые пассажирских **Ан-2**, **Ан-3**, **Ан-24**, **Ан-28**, **Ил-18** и **Ил-62М**), или сравнительно новых транспортных **Ан-3**, **Ан-72** и **Ан-74**, летающих в нарушение всех летных норм, является одной из главных причин частых аварий и авиакатастроф в Африке и Азии. Нередко в них перевозят, помимо груза, и большое количество пассажиров (*прим. ред.-сост.*).

Информация с электронной площадки (сайта) Союза «Ветеранов Анголы»

[27.07.2009] Максим Гладков

Друзья! Некоторое время назад я получил от нашего британско-южноафриканского друга **Барри Фоулера** письмо следующего содержания:

«Дорогой Максим!

Вот какой документ поступил ко мне от одной из посещаемых мной дискуссионных групп САДФ. Его подлинность не вызывает у меня сомнений. Думаю, ты оценишь передаваемое им настроение, и у военных переводчиков СВАПО он тоже должен вызвать интерес.

*Я пересылаю этот документ тебе без согласия автора, но я знаю, как связаться с полковником **Брайтенбахом**, и могу, пусть и с запозданием, заручиться его разрешением. Он меня не знает, но, мне кажется, он будет рад поделиться своими переживаниями.*

С наилучшими пожеланиями к тебе и моим остальным российским друзьям!

***Барри**».*

Далее следовал весьма любопытный, с моей точки зрения, рассказ полковника **Яна Брайтенбаха** о его недавней поездке по Анголе. Напомню, **Ян Брайтенбах** — создатель нескольких элитных подразделений юаровского спецназа времен апартеида. Среди этих подразделений и недоброй памяти 32-й батальон «**Буффало**». Но, оставлю свое суждение в стороне. Для всех бывших южноафриканских военных полковник **Брайтенбах** —

герой. Человек, о котором достоверно известно, что по тихим штабным кабинетам он не отсиживался. А значит, для нас он был достойным и уж точно, высокопрофессиональным противником.

По моей просьбе **Барри** связался с **Яном Брайтенбахом**, чтобы получить от него разрешение на перевод этих коротких воспоминаний и их публикацию на нашем сайте. Вот какой он получил ответ:

«Добрый день, Барри!

Прошу простить за задержку с ответом — какое-то время я не подходил к компьютеру. Я не возражаю, пусть они переводят. Война окончена, и клинки вложены в ножны. Солдаты никогда не таят зла — только политики, и именно они первыми развязывают войны.

Удачи!

Ян Брайтенбах».

Теперь, когда разрешение получено, предлагаю вашему вниманию короткие воспоминания полковника **Яна Брайтенбаха** о его последней поездке по Анголе. Напоминаю, воспоминания адресованы участникам дискуссионного клуба ветеранов САДФ.

«Только что я вернулся из длительного путешествия по Анголе, в ходе которого мне довелось посетить Кассингу. Провожатый, из числа местных жителей, вызвался показать мне и двадцати моим случайным попутчикам массовые захоронения. Место это полностью заросло и стало практически неузнаваемым. Нет нужды говорить, что как населенный пункт Кассинга перестала существовать, и даже зоны выброски десанта и посадки теперь трудно узнать.

Местный провожатый, который, похоже, выполнял функции гида неофициально, сообщил нам, указав на две

могилы, что в них захоронены участники боев. В могиле поменьше лежат останки командиров **СВАПО**, а в более крупном захоронении — кости рядовых бойцов. При этом он ни разу не обмолвился о массовом истреблении гражданского населения, хотя на бетонных плитах, лежащих поверх обеих могил, до сих пор можно прочитать полустертые надписи: «Жертвы резни 4 мая 1978 года». Я указал ему на это и попросил уточнить, принадлежат ли эти могилы только бойцам, или в них покоятся и гражданские, на что он уверил меня, что там захоронены только бойцы **СВАПО**. Наш провожатый лично видел, как в тот роковой день из-за реки на Кассингу были выброшены десантники, и был крайне ошарашен, узнав, что, будучи одним из них, я лично участвовал в командовании той операцией. С этого момента я стал его героем — он не отходил от меня ни на шаг! Естественно, в конце я дал ему хорошие чаевые.

Я коротко рассказал историю Кассинги своим попутчикам, особо подчеркнув, что люди, лежащие под этими бетонными плитами, сражались до последней капли крови, как настоящие герои, и что большая их часть погибла в окопах, предварительно заставив нас зубами выдирать у них каждую пядь земли. Затем я попросил одного из попутчиков — зулуса и сторонника **АНК** — прочитать молитву, что тот и сделал. Молитва получилась у него очень эмоциональной, в ней он отдал должное мужеству **сваповских** бойцов. Когда он закончил, я процитировал по памяти оду Ордена стальных касок (**МОТН**) «Мы будем их помнить». Таким образом, я хотел отдать дань уважения людям, которых их собственная организация — **СВАПО** — должна была бы помнить как героев, заплативших самую высокую цену, почитая их выдающееся мужество открыто, а не скрывая память о них под искажающими действительность надписями.

*В связи с этим хочу предложить вот что: давайте мы, десантники, каким-то образом наскребем немного денег и воздвигнем на большем из двух захоронений маленький памятник с соответствующей надписью от нас, бывших врагов. И выразим в этой надписи свое восхищение отвагой бойцов **СВАПО**, павших в тот день в битве за идеалы, в которые они верили.*

*Небольшая церемония, которую я организовал у могилы **сваповцев**, всколыхнула много эмоций не только во мне, но и в моих попутчиках, включая моего друга зулуса! У меня было такое ощущение, что замкнулся круг, и по прошествии многих лет я смог лично воздать должное мужеству противника.*

Так, как вы относитесь к моему предложению?

***Ян Брайтенбах**».*

Вот такие воспоминания. Заставляют задуматься о многом. Одно мне кажется несомненным — в этом нет политического фарса. **Ян Брайтенбах** — не политик. Он профессиональный военный...

[01.08.2009] Чаленко Виктор

Представитель противоборствующей стороны «**Тинус**» в своей записке интересуется: были ли русские каким-то образом связаны с событиями вокруг моста через реку Куиту в конце 1987 г.? Являясь участником тех событий, могу сказать следующее. На протяжении всего времени ведения боевых действий советские советники прекрасно понимали стратегическое значение моста через реку Куиту. Это был единственный мост в этом районе, через который шли переброски войск и снабжение бригад военным снаряжением и боеприпасами. Охране и обороне моста уделялось должное внимание, непосредственно мост охраняла постоянно одна

из бригад, подходы к мосту были прикрыты минными полями. Для поддержки подразделений охраны была развернута артиллерийская батарея. Должен признать, в начале 1987 г. основной акцент обороны был сосредоточен на защите моста от групп, действующих по суше, о диверсантах — боевых пловцах — речи не вели и охрану не нацеливали. В марте 1987 г. впервые были разрушены две опоры моста со стороны населенного пункта Куито-Куанавале. Опоры были разрушены до основания. В это время со стороны противника велась периодическая стрельба артиллерии **G-5** и было решено, что это результат попадания артиллерийского снаряда. Я, как артиллерист, усомнился в правильности выводов, но свои мысли оставил при себе и никому не говорил. (от попадания одного снаряда разрушить две металлические опоры на расстоянии 5–7 метров друг от друга — сомнительно). Специалистов для проведения более глубокого анализа в тот момент в Куито-Куанавале не оказалось. Я, как старший от округа, основные усилия направил на восстановление моста, что и было сделано в течение трех недель. О диверсионных группах боевых пловцов речь пошла, когда осенью 1987 г. мост через реку Куиту был вторично взорван. Была подорвана опора с противоположной стороны населенного пункта Куито-Куанавале, взрыв произошел утром, часов в 7–8. Советник начальника разведки округа **Митяев В. М.** говорил, что это дело рук боевых пловцов и что километрах в двух от моста по течению было найдено снаряжение аквалангиста. С этих пор были проведены мероприятия направленные против действий таких групп. Я присутствовал при инструктаже охраны моста советником начальника разведки округа **Митяевым**. Предусматривалось применение ручных гранат для подрыва в воде в полосе охраны. Гранаты для этого выделялись. Для наблюдения выхода пузырьков воздуха из-под воды в

ночное время предусматривалось периодическое освещение поверхности воды в зоне ответственности. Назначался дежурный гранатометчик с ручным гранатометом для ведения огня по уничтожению диверсантов. Больше о применении диверсионных групп боевых пловцов в районе моста через реку Куиту я не слышал.

**[18.05.2009] Максим Gladkov –
Михаилу Федосюку...**

1. 47-я бригада [в 1987 г.] имела в своем составе 4 шт. **БМ Стрела-10**, отделения стрелков-зенитчиков, вооруженных **ПЗРК** типа **Стрела-2М** и **Игла**, батарею **ЗУ-23-2**. Кроме того, ПВО группировки войск осуществлялось частью сил 52 збр [зенитно-ракетной бригады] **ОСА**¹. Одна батарея (4 **БМ**) с командным пунктом на базе пункта управления **ПУ-12** и с **РЛС П-19**² под руководством командира бригады находилась в 47-й бригаде, а вторая – на северном берегу, в одной из пехотных бригад (59-й). В ходе неорганизованного отступления на северный берег удалось переправить только 4 **БМ Стрела-10**.

2. На вооружении 59-й и 21-й бригад были аналогичные средства ПВО, но батарея **ЗРК ОСА** только в 59-й.

3. Во время авианалетов, как правило, в готовности №1 находились **РЛС П-19** и 1 **БМ ОСА**, кроме того, должны были быть в постоянной готовности дежурные средства **Стрела-10**, **ПЗРК** и **ЗУ-23-2**. Информации о налетах от радиолокационного поста в Куито-Куанавале не поступала. Поэтому можно считать, что силы ПВО группировки войск в районе реки Ломба боевые действия вели автономно.

4. На ход боевых действий сил ПВО значительное воздействие оказывал характер местности в указанном районе. Сплошная растительность (лес, высокий ку-

старник) позволяли скрытно размещать и маскировать подразделения, но в то же время это обстоятельство значительно затрудняло выбор позиций, особенно для **РЛС** и **ЗРК ОСА**. Разведка только постами визуального наблюдения не позволяла своевременно обнаружить подлет авиации **ЮАР** и привести все средства **ЗРК ОСА** в полную боевую готовность. Тем более, что подлет авиации осуществлялся на малых высотах...

**[19.02.2009] Александр Кисель –
Сергею Коломнину**

Уважаемый **Сергей Анатольевич**, конечно, на фото одна из 4-х брошенных **БМОСА-АК**. Видно, что среднее колесо пробито, а заднее вообще отсутствует (какое-то колесо лежит на корме) и заметно деформирован корпус в задней части возле колеса. Ракеты с направляющих сняты, а заряжены они были полностью. В таком состоянии эта машина не могла самостоятельно двигаться или буксироваться, да и смысла, как оказалось, не было. Хотя и оставлять боевую технику противнику, по нашим меркам, преступление. Но остановить тогда эту, можно сказать, катастрофу для бригады, да и компании в целом, не удалось. Хорошо помню, как я неудачно выбрал позицию для нашего **БТР-60ПБ** (в непосредственной близости от переднего края, зато окоп для него был оборудован за приличного размера деревом). Эта позиция позволяла четко видеть ход боя, как оставляли позиции танки и **БМП-1**, а также массовое отступление пехоты, особенно после второй и третьей атаки. Капитан **Калмыков Н.И.** выбегал наперерез с **РПКМ³**, но ни его свирепый вид, ни отборнейший мат, ни даже стрельба длинными очередями прямо перед бегущими не могли остановить эту лавину, охваченную паникой. Хорошо помню две, исключаящие друг дру-

га тирады **Николая Ивановича [Калмыкова]**: я в плен не сдамся, подорвусь на гранате! и **Александр Николаевич**, я классный специалист по авто и бронетехнике, мне и в плену работу найдут, а вот вы со своим ПВО будете долбить кайлом на [урановых] рудниках! Сказанное должно было стимулировать меня к поиску и принятию решений по выходу из окружения. Людей мы спасли, а вот технику потеряли. Тяжелые, неприятные воспоминания...

**[18.02.2009] Александр Кисель –
Сергею Коломнину**

...В воспоминаниях **Игоря Ждаркина** есть краткое изложение наших рассказов о боях 47 ДШБр [десантно-штурмовая бригада] на южном берегу реки Ломба в сентябре – начале октября 1987 г., в ходе которых были большие потери в личном составе и технике. Совместно с 47 ДШБр действовал командный пункт и одна зенитно-ракетная бригада 52 збр **ОСА-АК**, где я был специалистом по боевому применению – старшим группы СВС. После неудачных боев на южном берегу реки Ломба было принято решение переправить 47-ю бригаду на северный берег. Для этого в течение нескольких дней строилась переправа. Бригада в это время подвергалась атакам, интенсивным артиллерийским обстрелам, ударам авиации противника. В вечернее и ночное время через громкоговорители велась пропаганда о бесперспективности борьбы, сдаче в плен, наград за захват и сдачу советских советников. Это подорвало боевой дух личного состава, устойчивость бригады резко снизилась. 1 или 2 октября, после отражения третьей атаки за день, я лично получил от своего подсоветного, командира 52-й збр [зенитно-ракетной бригады] капитана **«Жота»** информацию о том, что 47-я бригада оставля-

ет позиции и предложение убыть (можно сказать: унести ноги) вместе со всеми. Здесь же мы договорились о том, что техника и вооружение, которые потеряли ход, должны быть выведены из строя, оговорили даже, как это сделать. Накануне ночью на северный берег успели переправить четыре **БМ ЗРК Стрела-10** и еще немного другой техники. Во время отступления оказалось, что переправа находится не в тылу, куда нас направили, а фактически на левом фланге переднего края. Добираться до нее пришлось уже под огнем прямой наводкой **АМЛ-90**⁴. На месте оказалось, что никакой организации на переправе нет. Устроенные гати до собственно моста ушли в болото, на мосту стоит полуопрокинутый танк, на берегу скопление различной техники, в т.ч. уже брошенной. По всему этому ведут огонь **АМЛ-90** и минометы. Мы попытались под прикрытием танка пустить одну **ТЗМ ОСА-АК**, но она сразу же ушла передними колесами в болото и пришлось танкистов просить выдернуть ее обратно. Не знаю зачем, но это было сделано. Вскоре надежда, что будет организовано хоть какое-то противодействие противнику, окончательно растаяла, т.к. личный состав, лишенный всякого руководства, подгоняемый провокаторами угрозами плена, просто бросал технику и уходил через реку и болото на северный берег. Техника наша, за исключением моего **БТР-60ПБ**, одной **БМ** и одной **ТЗМ** [транспортно-заряжающей машины] застряла где-то вдоль берега. Поэтому, когда мы с моим товарищем капитаном **Калмыковым Николаем** начали ощущать тоскливое одиночество на этом берегу, я принял решение тоже перебираться на ту сторону. Там я встретил зам. начальника штаба группировки войск майора **ФАПЛА** и предложил ему из танков, которые были на северном берегу, расстрелять технику, которая была в пределах действительного огня танковых орудий. Майор с моим предложением согласился и

дал команду на «отстрел» техники. Я по радиостанции отправил кодограммой донесение и высказал просьбу прислать авиацию для уничтожения брошенной техники. Удивительно, но спустя какое-то время, прилетела пара **МиГ-23** и **НУРСами** обработала берег. Кроме того, мой подсоветный, командир збр, проинформировал меня, что ночью на южный берег отправлялась диверсионная группа с участием офицера «сигуранцы» [госбезопасности] с задачей приведения в негодность и уничтожения брошенной техники. Он заверил, что сам контролировал уничтожение техники ПВО: боевая техника поджигалась, на **ЗУ-23-2** выбрасывались затворы, на **ПЗРК** разбивалось стекло головки самонаведения. Проверить все это было невозможно. Понятно, что все оставшееся время (13 месяцев) службы в АНГОЛЕ я следил за информацией об этом. Но и там, и после возвращения в Москву, ничего о захвате техники сказано не было. Лично я, неплохо зная наших ангольских боевых товарищей, допускаю такой факт.

**[21.02.2009] А. Тимербаев —
Александр Кисель**

Я был твоим сменщиком и мне пришлось работать с командиром бригады **ОСА-ОКА** майором **Жота** (он был моим подсоветным), и он мне проговорился, что одну **БМ ОСА** они оставили в болоте, которую **унитовцы** вывезли и привели в боевую готовность. Во время проведения воздушной разведки двумя **МиГаами** **ФАПЛА** (до начала операции по взятию Мавинги), был сбит **унитовцами** один **МиГ** именно боевой машиной **ОСА**. Вот такая прошла информация по радиостанции «Черный петух» **УНИТА**.

**[14.05.2009] Федосюк Михаил –
А. Киселю, М. Гладкову**

При подготовке операции по захвату Мавинги были учтены недостатки в предыдущей операции на Мавингу в плане организации системы ПВО войск 6ВО. Так, в 1986 году была сформирована 52 збрб **ОСА** за счет передислокации двух батарей с 5ВО и поставки двух батарей из Союза. После прибытия в Анголу в октябре 1986 года, мне с начала 1987 года пришлось вплотную заниматься организационными вопросами ПВО: был отобран и отправлен в Союз на учебу личного состава для 16 **БМ Стрела-10** и подготовке стрелков **ПЗРК Стрела**. К августу из Союза было получено 16 **БМ** и 14 из них передислоцированы в Менонге самолетами **Ил-76**, водителем работал **Мищенко С.** Также были получены новые **ПЗРК Игла-1**. В Менонге было проведено боевое слаживание расчетов **Стрела-10** и **ПЗРК** под руководством **Мищенко С.** и **Андреева В.**, учебно-боевые пуски **Стрела-10** и **ПЗРК**. Таким образом, в ходе операции в каждой тактической группе было по 4 **БМ Стрела-10**, 10 **ПЗРК Стрела-2** и **Игла-1** и 4 **ЗУ-23-2**, в 25Пбр [пехотной бригаде] (доставка МТС и боезапасов), точно такие же средства ПВО. В 16 (?)Пбр по сопровождению грузов Менонге–Куито–Куанавале было только на 2 **БМ Стрела-10** меньше. Общее прикрытие наступающей группировки осуществлялось 2 збрб **Оса-АК** под Вашим руководством **Александр Николаевич**. Советниками по ПВО в тактических группах и Пбр [пехотных бригадах] были **Андреев В.**, **Мищенко С.**, **Романов(?)**, **Чуян В.** Непосредственно аэродром Куито–Куанавале прикрывал дивизион **С-125 Печора**, 2збрб (зенитно-ракетных батарей) **Оса-АК** и средства ПВО 13ДШБр. Из средств разведки в операции была **РЛС П-19 Александр Николаевич [Кисель]**, если что-то из перечисленных средств не-

верно, прошу поправить, — у меня нет никаких записей. По поводу результатов наших действий (я писал ранее), конечно, много вопросов. По данным одного юаровского журнала (мне давал представитель АНК) система ПВО ФАПЛА в ходе операции была организована очень хорошо и была эффективной. Они признавали, еще до окончания операции, потери более 20 своих воздушных целей, по нашим данным было уже более 30.

Александр Николаевич, Вы правы, опыта у нас не было, да и взять было неоткуда. Мы действовали на свой страх и риск, по тем шаблонам, которым нас учили. По возвращению в Союз, даже начальник войск ПВО **ЗакВО** [Закарпатского военного округа] не поинтересовался у меня, как показали себя наши средств в Африке. Конечно, потеря 4-х **БМ** обидная, но на войне без потерь не бывает.

[01.08.2009] Владимир Овсянников

...Противодиверсионная оборона советских судов

Важную роль в достижении успехов **ФАПЛА** в вооруженной борьбе ангольского народа за независимость играли поставки из Советского Союза техники, вооружения и боеприпасов, осуществляемые судами Черноморского и Эстонского морских пароходств. Однако после подрывов подводными диверсантами ЮАР в 1985–1986 годах в портах Анголы судов с военными и важными экономическими грузами, поставки из Советского Союза оказались под угрозой срыва.

Тем не менее, планируемые Штабом **ФАПЛА**, военные операции требовали бесперебойного обеспечения частей и подразделений техникой и боеприпасами.

После окончания спасательной операции по подъему судов, подорванных в порту Намиб, в сентябре 1986 года главный военный советник поставил перед группой ВМФ задачу: организовать противодиверсионную оборону (ПДО) и обеспечить безопасность советских судов во время стоянки в портах Анголы. Проводилось профилактическое гранатометание с одновременным контролем близлежащей акватории. При появлении вблизи судна плавающих неопознанных или подозрительных предметов (ящиков, сосудов, мешков и т.п.), они расстреливались из автомата.

Осенью 1986 года, с целью обеспечения безопасности советских судов при разгрузке в портах Анголы и сохранения необходимого объема поставок, между Министерством обороны СССР и Министерством морского флота СССР было заключено Соглашение, в соответствии с которым Министерство обороны СССР обеспечивало охрану советских судов в портах Анголы. Выполнение Соглашения со стороны МО СССР осуществлялось личным составом советских военных советников и специалистов группы ВМФ. К выполнению задач ПДО привлекались практически все специалисты группы. Со временем к охране перестали привлекать «семейных».

В соответствии с Соглашением, суда останавливались на внешнем рейде порта Луанды и направляли в базу ВМФ катер или спасательный бот. Катер забирал группу ПДО из трех человек, один из которых распоряжением старшего группы ВМФ назначался комендантом судна, а двое были гранатометчиками. Вахту несли 4 часа через 8 часов. Для обеспечения связи у дежурного группы ВМФ круглые сутки работала радиостанция Р-619. На дежурном 16-м канале поддерживалась связь с военной миссией и кораблями 30-й оперативной бригады Северного флота. На этом же канале

поддерживала связь группа ПДО с судовой радиостанции. В помощь группе ПДО в ночное время выделялись наблюдатели из состава команды судна. По внешнему борту судна вывешивались лампы подсветки поверхности моря с целью засечь пузыри от дыхательных аппаратов подводных диверсантов или иные аномалии. Обычно в качестве наблюдателей назначался радист и моряки из боцманской команды.

С целью инициировать взрыв возможно установленных мин с взрывателем, срабатывающим от набегающего потока воды (с усами), при стоянке в порту под разгрузкой на советских судах периодически (раз в сутки) запускали двигатель на задний ход. Носовые швартовые концы натягивались до предела, а поток воды от винтов, с бурунами, омывал весь корпус судна до носовой части. Операция продолжалась минут пять-десять.

Для прикрытия судна с моря в акваторию порта Луанды выходил ангольский торпедный катер и становился на якорь. С него тоже бросали гранаты. Прикрытие порта с моря прекратили после того, как однажды налетел шквал и катер потащило на наше судно. Двигатель на катере быстро завести не смогли и произошел навал катера на носовую часть нашего судна. Серьезных повреждений не получил никто, но катера больше не применяли. На судне группу ПДО ставили на довольствие. Комендант обычно питался в кают-компании с командным составом судна, а гранатометчики питались в столовой команды. Отличие между комендантом судна и гранатометчиками состояло в том, что комендант имел на вооружении пистолет, а гранатометчики — автоматы. И вахта у коменданта была собачья — с 4-00 до 8-00 и с 16-00 до 20-00. Но на вахте всегда имели автомат.

При отправлении на судно обычно брали с собой 10—12 ящиков гранат. На третий день стоянки судна в порту Луанды с базы ВМФ привозили еще гранаты с

учетом планируемого времени выгрузки. В зависимости от места стоянки в порту, характера груза и времени суток расход гранат колебался от 2 до 6—8 гранат в час. Бросали гранаты в рваном ритме. Использовали гранаты **РГД-5, РГ-42, Ф-1**.

При отправлении судна для выгрузки в Лобиту или Намиб гранаты брали с запасом. При прибытии на судно ящики с гранатами размещали или в выделенной для проживания каюте или в помещении надстройки судна, от которой боцман выдавал ключ.

По советским правилам, для отчета о израсходованных гранатах было приказано сдавать кольца. При мне в сентябре 1986 года, прибыв с охраны одного из первых судов, старший группы охраны мичман **Барвинок Б.И.** с ворчанием сбросил в углу комнаты советников штаба **ВМФ** охапку 400 с лишним соединенных колец от использованных гранат и пожелал успехов тому, кто их посчитает.

Еще несколько раз в качестве отчета об использованных гранатах группы **ПДО** привозили кольца, но потом стали составлять акт за подписью старпома судна и коменданта о количестве израсходованных гранат при выполнении мероприятий **ПДО** судна при стоянке в портах Анголы и скрепляли судовой печатью. Если в открытом ящике оставалось менее половины гранат, то их расходовали в последние часы или тянули время расхода гранат из последнего ящика, чтобы не вскрывать новый. Если оставалось более половины ящика — отвозили на базу **ВМФ** вместе с неиспользованным боезапасом. Полные ящики укладывали в имеющийся штабель, а отдельные гранаты сыпали в ящик в оружейном шкафу дежурного в базе **ВМФ**. Пополнение запаса гранат организовывал флагманский артиллерист, при мне это был **Муравский Виталий**.

А кольца от гранат команда судна использовала для экзотических украшений, например – шторок на иллюминаторах.

В качестве одной из мер безопасности был организован осмотр водолазами подводной части корпуса судна и гребных винтов. Осмотр проводили кубинцы, которых привозили на судно за несколько часов до его убытия. Опускали внешний трап и двое кубинцев в аквалангах, с мощными фонарями спускались под воду.

Для обеспечения безопасности водолазов о проведении подводных работ оповещали кубинское судно, если оно находилось в порту и с него тоже бросали гранаты. Ангольский катер обеспечения вызывали по радио и давали команду прекратить бросать гранаты.

При осмотре днища, судна один из членов группы **ПДО** находился на нижней площадке трапа и помогал спуску и подъему водолазов. Однажды спустившиеся водолазы вернулись буквально через минуту и я быстро помог им подняться на трап. Один из водолазов возбужденно стал что-то пояснять, а второй, сняв акваланг, побежал к своим вещам на палубе. Вернулся быстро, неся два пистолета для подводной стрельбы. Первый водолаз к этому времени пояснил, что под корпусом судна стоит крупная акула. Вооружившись, аквалангисты снова ушли под воду. Осмотр прошел без замечаний, – акула не стала дожидаться. После этого эпизода водолазы погружались вооруженные не только ножами, но и пистолетами. При выгрузке судов в Лобиту и Намибе кубинских водолазов брали с собой. Возвращаясь, суда в порт Луанды не заходили, а останавливались на внешнем рейде и доставляли группу **ПДО** и водолазов на базу **ВМФ** на катере.

В первые месяцы осуществления **ПДО** гранаты привозили в группу **ВМФ** к прибытию судна, с учетом

ожидаемого времени его выгрузки. Норма суточной выгрузки судна в порту была установлена 200 тонн в сутки. Поэтому время стоянки сухогруза было не менее недели. Суда типа **РО-РО** выгружались от нескольких часов до одного — двух дней.

В 1987—1988 годах интенсивность прибытия судов возросла и перед окном дежурного обычно стоял штабель из 30—40 ящиков с гранатами. Частота прибытия советских судов соответствовала планируемым операциям **ФАПЛА** по установлению контроля над территорией страны. Только за 9 месяцев 1988 года я участвовал в охране советских судов на протяжении более 100 суток. Исходя из среднесуточного расхода гранат — 30 штук на человека, за это период израсходовал порядка 3 тысяч гранат.

Гранаты были в основном советского производства. Но временами привозили гранаты производства стран соцлагеря. Отличия были и в типе ящика, и упаковочный лист был на кириллице, но не понятен. Но основная особенность была в том, что такие гранаты имели нестабильное время задержки срабатывания взрывателя. Время задержки «гуляло». Гранаты советского производства имели исключительно стабильную задержку срабатывания взрывателя. Оценка нестабильности задержки в 0,5 секунды не является надуманной проблемой. Когда счет примененных гранат исчисляется в тысячах, такая нестабильность чувствуется сразу и настораживает. И если члены команды судна просили в качестве сувенира скобу взрывателя, то с советскими гранатами можно было отпустить скобу взрывателя в руке, чтобы она отлетела на палубу и потом спокойно бросить гранату в воду. С гранатами братьев по соцлагерю такое было непозволительно. Надежность советских гранат позволила однажды отработать взрыв гранаты в воздухе. Задерживал бросок

гранаты с отпущенной скобой взрывателя в руке. Получилось с третьей попытки: при очередном броске, заставляя себя все медленнее делать отсчет после отлета скобы взрывателя до броска. Конечно, это была **РГД-5**. На громкий взрыв приехала на джипе сигуранция. Спросили, что случилось. Дежуривший у носовой аппарели гранатометчик, которого я предупредил о своих манипуляциях, сообщил, что в воздухе взорвалась граната. Те приняли к сведению и уехали.

Кубинцы также осуществляли гранатометание с целью борьбы с подводными диверсантами. И если в порту наши суда стояли недалеко, то мы прикрывали фланги друг друга. Следует отметить, что гранаты, применяемые кубинцами, были не очень качественными. Было слышно, особенно ночью, что сработал капсюль взрывателя гранаты при броске, а взрыва нет. Несколько раз ко мне приходили кубинцы — старший группы охраны — и просил дать хороших гранат в НЗ (неприкосновенный запас). Всегда давал по ящику. Потом кубинцы перешли на толовые шашки. Приходил к ним на судно — посмотрел на процесс. Детонаторы, бикфордов шнур, спички, шашки. Обрезка шнура, зачистка, снаряжение, поджиг — бросок. Конвейер, некогда перекурить.

В Намибе на период стоянки своих судов кубинцы устанавливали над портом, на оконечности мыса, минометную батарею и вели обстрел морской акватории на подходах к порту. Рядом находилась **РЛС**, которую я приезжал ремонтировать и мне приходилось разговаривать с минометным расчетом.

После моего убытия в СССР в сентябре 1988 г., толовые шашки появились и в нашей группе. Не могу сказать — на постоянной основе или это был эпизод, но кончился он плачевно. Как раз мой сменщик, мы, к сожалению, никогда не встречались, был дежурным

по группе и решил с помощью толовой шашки глушить рыбу. Прослужил в Анголе 2 месяца. Опыта взрывника нет. Как он передержал шашку с подожженным бикфордовым шнуром — неизвестно. Взрывом оторвало кисть руки. Ребята с ним встречались позже, в Союзе. Говорит, что болит кисть, которой нет. Фантомные боли. Жаль. А морская рыба не имеет воздушного пузыря и от взрывов просто тонет.

Однако кубинцы приспособились применять гранаты для охоты на водоплавающую дичь. При сезонном перелете в акватории порта Луанды садились для отдыха и кормежки крупные стаи уток. Кубинцы сначала пытались стрелять по ним из автоматов. Но попасть в утку из автомата за 150 метров непросто. Только рикошет от воды с непредсказуемой траекторией. После неудачных стрельб, кубинцы стали бросать одну за другой две гранаты. После первого взрыва стая дружно ныряла, и второй взрыв шел на поражение стаи гидравлическим ударом. На поверхности застывали 3—5 уток. А далее — шлюпку на воду — и команда с хорошим обедом.

Казусы при охране судов имелись и у меня. Однажды при охране судна, я поспал немного после обеда и пошел на вахту с 16-00. Вышел на верхнюю палубу. Солнце слепит глаза. Уткнувшись взглядом в ноги и на ходу доставая из кармана гранату, направился к борту. Вытащил кольцо и замахнулся для броска. В последний момент в глаза бросился козловой кран, работающий на причале. Обалдев от неожиданности стал соображать, что пока я спал судно перешвартовали другим бортом к причалу. Чертыхаясь, пошел к другому борту и бросил гранату куда следует.

При ночной вахте наблюдатели из состава команды судна просили дать пострелять. Давал с условием, что чистить автомат будут они, и не разрешал стрелять очередями и далеко от борта, чтобы не было рикоше-

та. Однажды ночью взялся пострелять молодой радист. После некоторого количества выстрелов по брошенной за борт дощечке, радист появился с автоматом и с виноватым видом сообщил, что магазин отпал и утонул. Есть определение: «Надежный как **трехлинейка**»⁵. Свой АКМС я обоснованно воспринимал так же. Поэтому, изумленный таким известием, я только переспросил: «Как это «отпал»?!». Но, увидев лицо радиста, понял, что тот ожидает обвинения в утрате боеприпасов и боевого оружия со всеми вытекающими последствиями. Быстро его успокоил, сказав, что это ерунда, но будет ему стоить две пачки сигарет. На причале как раз расположился ангольский патруль, с которым я и собрался решить возникшую проблему. Спустившись к себе в каюту и взяв две пачки сигарет и запасной магазин к автомату, вернулся на палубу и приказав радисту спустить трап, направился к патрулю. Обменявшись приветствиями и угостив солдат сигаретами, пояснил, что мне нужен магазин, показав его для убедительности. В качестве презента показал 2 пачки сигарет. Быстро посоветовавшись патрульные сказали, что нет проблем, но магазин будет без патронов. Несколько пачек патронов у меня лежали в каюте и это упрощало переговоры. Не успели мы перекурить, как вернулся гонец с магазином, и, удовлетворенные, мы расстались. Дав радисту зарядить пустой магазин, предложил ему продолжить стрельбу. Но он отказался. А у меня так и осталось недоумение, как мог «отпасть» магазин в процессе стрельбы.

Через несколько дней мое недоумение рассеялось. Наблюдая за стрельбой очередного помощника, обратил внимание, что леерное ограждение палубы имеет такую высоту, что для стрельбы по брошенным недалеко за борт дощечкам, стрелок выносит автомат, включая магазин, за трубу верхнего леера. Стало понятно, что при отдаче автомата, магазинная защелка упирается в

трубу и отжимается. Магазин отсоединяется и падает в воду. Кто бы мог подумать!

Были тревожные ночи. Как-то при несении вахты был окликнут тревожным возгласом наблюдателя с носовой оконечности судна. Подбежав, тоже увидел в глубине, в свете плафона внешней подсветки, медленно перемещающийся смутный силуэт. Достав из кармана, быстро бросил в воду две гранаты и приготовил автомат. Поднимающиеся потоки взбаламученной взрывами воды вынесли на поверхность пятнистую военную куртку с развевающимися рукавами. До утра бросали гранаты более интенсивно, а днем организовали дополнительный осмотр подводной части судна. Все было нормально.

Днем тоже бывали тревоги. Темный, округлой формы, отблескивающий на солнце предмет, то подвсплывая, то скрываясь в воде, медленно дрейфовал к судну. С расстояния около 100 метров открыл огонь одиночными. 5–7 выстрелов никакого результата не дали. Предмет не взрывался, не тонул, а продолжал свое движение. На 10 десятом выстреле, к всеобщему облегчению, плывущий арбуз развалился на куски.

Но предположение, что охрана и их помощники на судах «отбывали номер», не соответствуют реалиям жизни. Капитаны судов, при приближении к территориальным водам Анголы, официально объявляли команде, что, несмотря на требования руководящих документов о регулярном проведении тренировок по различным видам тревог, никаких учебных тревог в период работы в портах Анголы не будет. Команда понимала, что если что, то нужно будет выкладываться по максимуму. Тем более, что уж команда знала точно, что за груз находится в трюме, а детонация 2–3 тысяч тонн боеприпасов решала судьбу не только судна, но и значительной части порта.

По воспоминаниям старшего группы ВМФ в 1988–1990 годы капитана 1 ранга **Кулинич И.В.**, за вторую половину 1989 года для целей ПДО советских судов личным составом группы ВМФ было затрачено около 300 человеко-суток.

**[20.03.2009] Орест Коргут –
Сергею Коломнину**

В начале декабря 1981 г. я прибыл в 19ПБр в Мулондо. В это время в бригаде служили те люди, что попали под первый удар юаровских ВС (вооруженных сил) в Шангонго и потом на одном **уазике** все 12 человек, кроме советника комиссара **Ярослава**, – он выходил со штабом бригады; входили на Лубанго под воздействием авиации ЮАР с ночевкой в джунглях. Заблудились, потом кончился бензин и километров 150 до Лубанго их дотащила на буксире гражданская **ИФА**⁶. Спец по автотехнике **Николай** отравился выхлопными газами от **ИФЫ**, 1 – **Скорород Владимир Й.**, советник командира бригады, 2 – **Зарянов Виктор И.** – советник начальника штаба бригады, 3 – **Ярослав**, советник комиссара бригады, 4 – **Иван Григорьевич**, советник начальника артиллерии бригады, 5 – **Кундель Константин Ф.**, советник командира 1ПБ, 6 – **Красивский Николай**, советник командира 2ПБ, 7 – **Николай** – специалист по автотехнике. Не помню, кто в это время был переводчиком. Потом прибыл переводчик **Назаров Виктор С.**

[01.02.2009] Сергей Коломнин

Уважаемые посетители сайта СВА!

Публикую информацию, о которой пишет в сооб-

щении от [31.01.2009] **Александр Шкляренко «Саньч»**, администратор украинского Клуба ветеранов Анголы, опубликованную на сайте <http://angola.ucoz.ru>

За это сообщение ему огромное спасибо!

«Здравствуйтесь уважаемые ветераны ангольских событий!»

Пишет вам майор запаса **Проходцев Владимир**. Хочу вам написать о своём друге, которого я потерял в декабре 1985 года в Анголе, **Неверове Юрии**. Мы с ним проходили совместную службу в городе Могоча с 1982 по 1985 год. Очень тяжело мне вспоминать те годы (нахлынули воспоминания): мы ведь были хорошими друзьями и дружили семьями. Я хочу вам написать выдержки из письма моего друга. Это надо для того, чтобы никто не думал, что те командировки в Анголу были экзотической прогулкой по Африке, а были настоящими боевыми действиями.

«Летаю на **Ми-8**, уже облетел весь юг страны. 3 раза летал в воюющие бригады. Первый раз повезли генерала. Прилетели в бригаду. Генерал говорит, что это не та бригада: «Давай, вперед на 6 км». Залетели за линию фронта на 6 км, стали разворачиваться назад, и тут трассы со всех сторон, из крупнокалиберного [пулемета], перед носом. Благо облачность была на 550 метров, а мы шли на 500 метров, этим и спаслись. Сели в бригаду и тут миномётный обстрел. Все по нормам, под **БТР** лезут, грохоту как на войне. 15 минут просидели, загрузили раненых и улетели.

Юаровские войска окружили 3 ангольские бригады, там было 27 наших, вот мы их и вывозили двумя рейсами. Юаровцы установили 3 **ПЗРК** [противозенитных реактивных комплекса] вокруг бригад и взяли их в треугольник. А снабжение ангольских бригад

было только вертолётными. С 200 метров сбрасывали продукты и боеприпасы. Этими ПЗРК было сбито 4 вертолёта **Ми-24**, 2 **Ми-8**, и 2 **МиГ-23**. Вот мы в это пекло летали два раза. Писать не буду, как нас долбили, сам представляешь. Скажу одно, на предельно малой высоте летели 142 км ломаным маршрутом, через ПЗРК, по карте 10-ти километровке, и вышли точно. Я до сих пор не могу поверить – отделались 15-ю пробоинами. Прошли над юаровскими окопами на высоте 5–10 метров. У меня скоро от таких прогулок волосы поседеют. Всего таких полётов было 6. Остальные полёты – по перевозке продуктов и боеприпасов. Возили раненых – это финиш. Люди без ног, рук, и даже не пикнут, у одного бок оторвало с рёбрами, на внутренностях запеклась кровь, он даже не стонет. Сидит и дышит. Второму за ухом осколком часть черепной коробки оторвало, и ничего, он ещё разговаривал со своими. Я вообще заметил, что у ангольцев нет такого, как болевой шок. Выносливые черти».

Далее слова автора письма: «У **Юры Неверова** осталась жена **Надежда** и сын **Руслан**. Я сам прошёл Афганистан и Чечню и знаю, что такое война. Низкий поклон всем, кто принимал участие в тех ангольских событиях. Низкий поклон тем, кто организовал этот сайт. Ищите друг друга, по возможности старайтесь встречаться. Здоровья всем и всех благ!»

Письмо **Неверова**, который погиб в Анголе в адрес **Владимира Проходцева**, просто кричащее. И обязывает нас, ветеранов Анголы, не просто опубликовать такую информацию, но и реконструировать все обстоятельства гибели героических летчиков, погибших в ноябре 1985 г. (здесь у **Проходцева** ошибка, это случилось не в декабре)...

Даю также информацию, которая имеется в архиве СВА (Союза Ветеранов Анголы) об этом случае.

«25 ноября 1985 года, в районе Менонге, ракетой ПЗРК был сбит военно-транспортный самолет **Ан-12** экипажа капитана **Лукьяненко** ВТА ВВС СССР [Военно-транспортной авиации военно-воздушных сил СССР] из состава авиаотряда Главного военного советника в Анголе. Экипаж мужественно боролся, пытаясь спасти машину. Однако у самолета разрушилось крыло, он потерял управление, столкнулся с землей и загорелся. Экипаж и пассажиры погибли.

27 ноября 1985 г. в район падения самолета, с целью эвакуации возможно оставшихся в живых летчиков и пассажиров **Ан-12**, из Менонге были направлены два вертолета **Ми-17** ВВС НРА [Военно-воздушных сил Народной республики Ангола]. Один из них пилотировался советским экипажем в составе: командира экипажа летчика — инструктора **Дмитрия Кутонова**, летчика-штурмана-инструктора **Юрия Неверова** и бортехника-инструктора **Александра Дегтярь**. Вертолет **Кутонова** при полете к месту падения **Ан-12** был атакован с земли и сбит. Весь экипаж погиб».

[28.12.2008] Сергей Коломнин — Геннадию Шубину

Занимаюсь плотно эпизодом под Кифандонго в ноябре 1975 г., когда в Анголе впервые были применены **БМ-21**.

Помнится, вы интересовались **РСЗО** [реактивными системами залпового огня], поставленными в Анголу. И вот интересно, до чего я докопался. Оказывается, кроме массовых поставок **БМ-21 Град** и **Град-1** [122 мм] в Анголу из СССР поставлялись и машины **БМ-14-16**, (140 мм на 16 направляющих) и даже древние **БМ-24**⁷, (240-мм на 12 направляющих.) Но все же основными были **БМ-21** и **Град-1**. Последние очень часто в литера-

туре путают с одноствольной установкой **Град-П (Партизан)**. А **Град-1** — это система на основе **БМ-21**, только количество направляющих уменьшено до 36 стволов [и на шасси грузовика **Зил-131**, а не **Урал-375**].

И что интересно — все **Град-П** были поставлены в Анголу из третьих стран, а не из СССР. Хотя и производились они у нас, но на вооружении ВС СССР не состояли.

**[13.11.2008] Сергей Кононов —
Геннадию Шубину...**

Вы интересовались вооружением в Анголе.

Добавляю к ранее написанному. В Ндалатанго в 1983 году были **БМ-14-16** (поставляли болгары). Авторитетно сообщил советник командира дивизиона подполковник **Евгений Миняковский**.

**[06.12.2008] Геннадий Шубин —
Для Afrikano и Николая**

С грузовиками и внедорожниками и даже с инженерной и аэродромной техникой (благодаря воспоминаниям ветеранов), всё более или менее ясно. Другое дело — редко встречавшиеся в Анголе образцы, такие как (грузовик) **МАЗ-500**⁸ или танковый (седельный) тягач **МАЗ-537**. К примеру, никто не подтверждает применение кубинцами в 1975—1976 гг. внедорожников **Газ-67**, а только **Газ-69**. Лишь один ветеран [военный переводчик полковник запаса **Дранишников**] подтверждает применение в это время кубинцами до одного танкового батальона **Т-34-76**. Все остальные говорят только о танках **Т-34-85**...

**[04.12.2008] Afrikano –
Геннадию Шубину**

В период 1982–1984 гг. в Анголе использовались радиолокационные системы посадки **РСП-7** и **РСП-10**⁹. В Луанде была развернута **РСП-10**, смонтирована на 2-х автомобилях **ЗиЛ-131** и 2-х прицепах. В Сауримо – **РСП-7**, 1 **ЗиЛ-157** и 2 прицепа. По-настоящему в обеспечении полетов в ночное время не использовались, в связи с отсутствием подготовленного персонала по руководству полетов. В Луанде, кроме того, была развернута и использовалась по назначению **РСП-7** для обеспечению полетов **Ту-95**¹⁰.

**[03.12.2008] Сергей Коломнин –
Для Геннадия Шубина**

С 1975 по 1990 гг. в группе обеспечения полетов ПМТО в Луанде на базе ВВС имелись следующие спецмашины: **АПА** (аэродромный передвижной агрегат) на базе **ЗиЛ-131**, обеспечивающий электропитание самолетов на стоянке. «Воздушка», подающая сжатый воздух для агрегатов самолета – тоже на базе **ЗиЛ-131**.

«Кислородка» – это бочка со спецоборудованием, в которую закачивался жидкий кислород для пополнения резерва высотных полетов **Ту-95**. Это был обыкновенный бортовой **ЗиЛ-130**, с установленной в кузове серебристой СП бочкой. Заправлялись в Луанде. Там был жидкий КИСЛОРОД!

Топливозаправщики (**ТЗ-22**). На базе автомобиля **КрАЗ-255**. Цистерна на 22 т керосина (прицеп).

Тягач. Тоже **КрАЗ-255**, бортовой, с грузом в кузове...

Сноски

¹ **Оса-АК** — советский зенитный ракетный комплекс на шестиколесном (3х3) амфибийном колесном шасси. Принят на вооружение с 1981 года. Скорость — до 80 км в час, на воде — до 9 км в час. Вооружен тремя ракетами. Дальность поражения воздушной цели — от 1500 до 10 000 метров. Высота поражения цели — от 25 до 5000 метров.

² **РЛС П-19** (радиолокационная станция на шасси грузовика **Зил-131**) видит пространство в радиусе до 6 км и относится к средствам обнаружения низколетящих малогабаритных и малоскоростных целей — вертолетов или беспилотников.

³ Ручной пулемет **Калашникова** модифицированный, калибра 7,62 (7,62х39) (патрон, как у автомата **Калашникова (АК, АКМ)**). Его не следует путать с более мощным **ПК** (пулеметом **Калашникова**) и **ПКМ** (пулеметом **Калашникова** модифицированным) калибра 7,62 мм, но под патрон (7,62х54) или его вариантом **ПКТ** (пулемет **Калашникова** танковый), устанавливаемом на бронетехнике (*прим. ред.-сост.*).

⁴ **АМЛ-90 (Эланд-90) AML-90 (Eland-90, ElandMk.II, ElandMk.III, ElandMk.IV, ElandMk.V, ElandMk.VI, Eland Mk.VII) (Эланд-90) (АМЛ-90)** — четырехколесная (2х2) бронемашина. Лицензионный вариант французской бронемшины **Панар (Panhard AML 245) (АМЛ-90)**. Выпускалась в ЮАР в различных модификациях с 1963 г. Масса — 5,5 т. Экипаж — 3 человека. Двигатель — бензиновый (только на последней модификации **Eland Mk.VII** — дизельный. Было выпущено 224 единицы данной модификации). Вооружение — пушка калибра 90 мм и два пулемета калибра 7,62 мм (7,62х51) (один — для стрельбы по низколетящим воздушным целям). Скорость — 90 км/ч. Запас хода без дозаправки — 600 км. Броня — 10 мм. Защищает от пуль калибра 7,62 мм. Преодолевает водные преграды глубиной до одного метра. На бронемашину возможна установка специальных средств для придания дополнительной плавучести. Всего в ЮАР было произведено свыше 1300 (1400) бронемашин **Эланд-60** и **Эланд-90**. Данную бронемашину не следует путать с одногипной:

АМЛ-60 (АМЛ-60) Eland-60 (ELAND Mk.VII 60) (Эланд-60) (Антилопа Канна) — четырехколесная (2х2) бронемашина южноафриканского производства, выпускалась по лицензии французской фирмы «Панар» (**Panhard AML 245**) с 1963 (1964) г. К 1970 г. количество местных комплектующих при производстве данной бронемшины в ЮАР превысило 80%. Масса — 5,3 т. Высота — 188 см. Экипаж — 3 человека. Вооружение — башенный казнозарядный миномет

калибром 60 мм (боезапас – 56 (20) мин) (позднее башенный казнозарядный миномет использовался на бронетранспортерах **Ratel60**) и спаренный с ним пулемет **Браунинг** калибра 7,62 мм (7,62x51) и пулемет **Браунинг** калибра 7,62 мм (для стрельбы по низколетящим воздушным целям) (общий боезапас – 3800 патронов). Двигатель бензиновый, с водяным охлаждением. Броня – 10 мм защищает от пуль калибра 7,62 мм. Скорость – до 90 км/ч (30 км/ч по пересеченной местности). Пробег без дозаправки – 450 км. Преодолевает водные преграды глубиной до 1 м. Корпус водонепроницаемый.

⁵ **Трехлинейка** – винтовка и карабин **Мосина** калибра 7,62 (7,62x54). Выпускалась с 1891 г. по 1944 г. Использовалась в обеих мировых войнах. Встречается в локальных войнах до сих пор.

⁶ **IFAW50** – дизельный грузовик производства Германской Демократической Республики грузоподъемностью в две тонны.

⁷ **БМ-24 (БМ-24-12)** – реактивная система залпового огня калибра 240 мм на 12 каркасных (сотовых) направляющих советского производства на шасси грузовика **Зил-151** (и позднее – **Зил-157**). Запас хода без дозаправки – 600 км. Выпускалась с 1955 г. Дальность выстрела – до 6,5 км (10,5 км – улучшенными реактивными снарядами). Много поставлялась за рубеж. Используется в локальных конфликтах до сих пор.

⁸ **МАЗ-500** – грузовик с дизельным двигателем советского производства грузоподъемностью в шесть (позднее – восемь) тонн. Как седельный или магистральный тягач перевозил грузы до 14 тонн (а позднее, модифицированный – до 20 тонн). Выпускался с 1965 г.

⁹ **РСП** – радиолокационные системы посадки самолетов с дальностью действия до 120 км. Используются для контроля движения самолетов в районе аэродрома. Устанавливаются на грузовике **Зил-157** и прицепе **2ПН2 (РСП-7)** и на двух грузовиках **Зил-131 (РСП-10)**.

⁹ **Ту-95** – четырехмоторный турбовинтовой стратегический бомбардировщик советского производства. В варианте ракетноносца **T-95МС** имеет дальность полета (с полной загрузкой в 12 тонн) до 6500 км (или до 13 000 км без загрузки) и способен нести до 16 крылатых или противокорабельных ракет с радиусом действия до 3500 км. Является основным самолетом-ракетоносцем ВВС России. Здесь имеется в виду **Ту-95РЦ** – самолет-разведчик – целеуказатель военно-морского флота СССР.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Адамишин А.* Белое солнце Анголы. М., 2001.
Гейвин Котра. Грубая сила. Военная машина апартеида. М., 1989.
Ждаркин И.А. Такого не было даже в Афгане. Воспоминания участника войны в Анголе 1986–1988 гг. М., 2008.
Коломнин С.А. Русский спецназ в Африке. М., 2005.
Куито-Куанавале. Неизвестная война. М., 2008
40 лет вместе. Материалы научно-практической конференции. М., 2002.
Токарев А.А. ФНЛА в антиколониальной борьбе и Гражданской войне в Анголе. М., 2006.
Токарев А.А. Черный петух Анголы // Азия и Африка сегодня. 2002, № №5,6.
Устная история забытых войн. Воспоминания ветеранов войны в Анголе. М., 2007.
Хазанов А.М. Крушение последней колониальной империи. М., 1986.
Шубин Г.В., Майданов И.В. Армия и военная промышленность ЮАР. М., 2007.

Мемуары

ВОСПОМИНАНИЯ НЕПОСРЕДСТВЕННЫХ УЧАСТНИКОВ И ОЧЕВИДЦЕВ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В АНГОЛЕ

Устная история забытых войн

Редакторы-составители:
полковник, к.и.н. А.А. Токарев,
к.и.н. Г.В. Шубин

Компьютерный набор
М.Н. Поленкова, Г.В. Шубин
Компьютерная верстка и обложка
Е.Е. Рудакова

Издательство «Memories»
101000, Москва, Б. Златоустинский пер., д.2/8, стр. 1
www.membook.ru
e-mail: info@membook.ru

Подписано в печать 04.10.2009. Усл. печ. л. 19,06
Тираж 100. Заказ 81.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии «CherryPie». www.cherrypie.ru
Телефон/факс: +7 (495) 604 4154.
115114, Москва, 2-й Кожевнический пер., д. 12.